Проверено 1964 г.
- - МАЙ 2008

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

КНИЖКА ВОСЬМАЯ.

АВГУСТЪ.

МОСКВА.

1869.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

I. Опытъ комментарія законовъ о куплѣ-продажѣ. *(Продолженіе.)* А. Любавскаго..... 3—38

II. Судебная практика.

1. Рѣшеніе Московской Судебной Палаты по дѣлу Редактора газеты „Москва“ И. С. Аксакова съ бывшимъ секретаремъ Моск. Окр. Суда В. Кохновымъ *(разъясненіе §§ 27 и 28 закона о печати 6 апрѣля 1865 г.)*..... 39—50

2. Рѣшеніе той же Палаты по дѣлу подполковника Постовскаго *(къ ученію о границахъ уголовной и гражданской неправды.)*..... 51—73

III. Критика и библіографія.

Гражданское уложеніе италіянскаго королевства 1865 г. и русскіе гражданскіе законы. *И. Зарудnаго.* Положеніе о несостоятельности торговой и неторговой. *А. Фриде*..... 74—78

IV. Юридическія замѣтки.

О вызовѣ и допросѣ свидѣтелей въ предварительномъ слѣдствіи. *(Окончаніе).* А. Квачевскаго.. 79—92

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

КНИЖКА ВОСЬМАЯ.

АВГУСТЪ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1869.

ОПЫТЪ КОММЕНТАРІЯ ЗАКОНОВЪ

О КУПЛѢ-ПРОДАЖѢ. *)

ГЛАВА VIII.

Продажа движимыхъ имуществъ.

1) О письменныхъ актахъ.

Въ ст. 1417 Зак. Гр. значится: „продажа *всѣхъ* недвижимыхъ имуществъ совершается посредствомъ купчихъ крѣпостей;“ по ст. 1418 крѣпостные люди безъ земли и рекрутскія квитанціи не могутъ быть продаваемы иначе, какъ крѣпостнымъ порядкомъ; на основаніи ст. 1419 продажа построенныхъ въ Россіи мореходныхъ судовъ производится „передачею корабельной крѣпости,“ а въ прилож. къ ст. 1420 № 3 установлена особая форма купчей на продажу крѣпостныхъ людей безъ земли (нынѣ отмѣнена **).

Затѣмъ въ Сводѣ Зак. остается буквально не разрѣшеннымъ вопросъ: „можетъ ли письменный актъ на продажу *движимаго* имущества называться *купчей крѣпостью*?“ Если обсудить сущность статей свода Зак. Гр., то вопросъ этотъ разрѣшается *отрицательно*. Въ кн. III, разд. III, отдѣленіе II-е озаглавлено: „обрядъ совершенія купчихъ крѣпостей;“ въ ст. 1420 того же отдѣленія постановлено: „купчая крѣпость совершается крѣпостнымъ порядкомъ, пишется на крѣпостной гербовой бумагѣ, согласно формамъ, при семъ

*) См. *Юридическій Вѣстникъ* № 7.

**) Крѣпостные люди и мореходные суда (ст. 401 и 404 Зак. Гр.) отнесены къ движимымъ имуществамъ.

прибавленнымъ“ и пр. Такимъ образомъ подъ „купчей крѣпостью“ Свода Зак. понимаетъ только такой актъ, который совершенъ *крѣпостнымъ порядкомъ*, и притомъ изложенъ по особой формѣ, установленной лишь для продажи недвижимыхъ имѣній и крѣпостныхъ людей безъ земли. Слѣдовательно, если актъ купли-продажи на прочее *движимое* имущество совершенъ домашнимъ порядкомъ и не по установленной формѣ (прил. къ ст. 1420), то ему уже не можетъ быть присвоено названіе купчей крѣпости, хотя существо сего акта вполнѣ соотвѣтствуетъ этой послѣдней, именно продавецъ за продаваемое имъ имущество получаетъ извѣстную денежную плату.

Сверхъ того необходимо замѣтить, что случай совершенія письменныхъ актовъ на продажу движимыхъ вещей на практикѣ встрѣчается весьма рѣдко, ибо: а) движимыя имущества, за исключеніемъ мореходныхъ судовъ *) и крѣпостныхъ людей безъ земли (ст. 711 Зак. Гр.), могутъ быть пріобрѣтаемы законными способами и безъ *всякихъ письменныхъ актовъ*, по однимъ словеснымъ договорамъ и соглашеніямъ (ст. 719 Зак. Гр.); б) движимыя вещи почитаются собственностью того, кто ими овладѣетъ, доколѣ противное не будетъ доказано (ст. 534); по статьѣ же 707 укрѣпленіе правъ на имущество производится (п. 3) *передачею* самаго имущества.

И такъ нашъ выводъ состоитъ въ томъ, что:

во 1-хъ. Сводъ Законовъ на продажу движимыхъ имуществъ

*) Каждое мореходное судно должно имѣть свою крѣпость, и владѣлецъ судна долженъ представить письменный актъ своего права собственности; купчая на мореходное судна имѣетъ особую форму. Мѣстный магистратъ или ратуша при постройкѣ судна даетъ на крѣпостной бумагѣ строителю свидѣтельство въ томъ, что судна такъ построено; свидѣтельство сіе заключаетъ въ себѣ описаніе: корабля, его размѣра, количества поднимаемаго имъ груза, матеріаловъ, изъ которыхъ имъ построенъ, названіе судна, имени мастера, при чемъ означается, получилъ ли мастеръ удовлетвореніе. На этомъ же листѣ отмѣчается послѣдующая исторія корабля; продажа совершается посредствомъ *надписи* на этомъ листѣ, такъ что передача корабля не стѣснена иными формальностями. При продажѣ русскаго судна иностранцу или наоборотъ, соблюдаются сложныя формы и требуется разрѣшеніе властей (ст. 1419 Зак. Гр. и 801—817 Уст. Торг.).

(кромѣ случаевъ, означенныхъ въ 711 ст. Зак. Гр.) не требуетъ совершенія купчихъ крѣпостей, то-есть актовъ крѣпостныхъ; то же начало усвоено и ст. 66 полож. о нотар. части.

Во 2-хъ, домашній актъ на продажу и покупку движимости, хотя и имѣетъ полную законную силу, не признается купчею крѣпостью. *)

Въ 3-хъ, по странной аномаліи нашего законодательства актъ на *продажу* движимаго имущества сохраняетъ силу, хотя бы онъ былъ совершенъ на простой бумагѣ и домашнимъ порядкомъ. Напротивъ того договоръ на *запродажу* движимаго имущества (все исполненіе котораго можетъ состоять только во взысканіи съ виновной стороны неустойки), „долженъ быть написанъ на установленной для того гербовой бумагѣ (ст. 1690 Зак. Гр.) по цѣнѣ запродаваемаго имѣнія, подписывается договаривающимися сторонами и предъявляется для засвидѣтельствованія къ дѣламъ маклерскимъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ въ присутственномъ мѣстѣ.“ Это противорѣчіе нашего законодательства должно быть сглажено, ибо весьма странно для запродажи движимаго имущества требовать написанія акта на гербовой бумагѣ и явки онаго у маклера, а на продажу того же имущества позволять писать домашній актъ и на простой бумагѣ, тогда какъ напротивъ того на недвижимое имѣніе купчія крѣпости должны быть совершаемы крѣпостнымъ порядкомъ (ст. 1420), а задаточныя росписки на запродажу могутъ быть писаны на простой бумагѣ (ст. 1686 Зак. Гр.).

---

*) Это подтверждаетъ и терминологія нѣкоторыхъ ст. Зак. Гр., „если покупщикъ не будетъ принимать купленныхъ имъ вещей, имѣющихъ условленное *по договору* достоинство (ст. 1514), продавецъ долженъ передать движимое имущество той самой доброты, какой оно должно быть на основаніи *условія* (ст. 1516). Тотъ же терминъ „*по условію*“ встрѣчается и въ ст. 1518, 1519 и 1521, гдѣ говорится о продажѣ движимыхъ имуществъ, но ни гдѣ при этомъ не упоминается о купчей крѣпости. Замѣтимъ кстати, что въ Уставѣ „о словесномъ таможенномъ судѣ 26-го августа 1727 (№ 5145),“ на которомъ основаны упомянутыя статьи, были указаны слѣдующіе письменные документы на продажу товаровъ: маклерское письмо, таможенная записка, между собою договорное письмо и пр. Слѣдовательно и по прежнему законодательству на продажу движимости не совершалось купчей крѣпости.

Судебная практика равномѣрно признаетъ совершенный домашнимъ порядкомъ актъ на продажу движимаго имущества не купчею крѣпостью, а *„домашнимъ условіемъ на продажу движимыхъ вещей“*, имѣющимъ впрочемъ полную обязательную силу.

а) Первое общее собраніе Сената, разсматривая вопросъ объ обязательности подобнаго домашняго условія, нашло, что по закону домашній актъ долженъ быть написанъ самимъ дающимъ оный или по просьбѣ его кѣмъ-либо другимъ (ст. 917 Зак. Гр.). Для дѣйствительности обязательствъ, даваемыхъ отъ грамотныхъ, а равно росписокъ и счетовъ, достаточно одной подписи дающаго, безъ всякаго посторонняго засвидѣтельствованія (ст. 921). Обязательство, выданное Венгеровымъ о покупкѣ 50 бочекъ вина за 8 т. р. асс., принадлежа къ числу актовъ домашнихъ, и кромѣ подписи Венгерова засвидѣтельствованное еще тремя свидѣтелями,— должно быть признано дѣйствительнымъ на основаніи означенныхъ узаконеній. Притомъ же самъ отвѣтчикъ Венгеровъ не отрицаетъ подписи своей на выданномъ имъ обязательствѣ и не оспариваетъ дѣйствительности произведенной имъ покупки, а напротивъ того вполнѣ признаетъ оную, такъ что обязательство, имъ выданное, должно быть принято за совершенное доказательство согласно 327 ст. 2 ч. X т., по силѣ коей письменныя доказательства, признанныя дѣйствительными отъ сего лица, противъ котораго представлены, составляютъ совершенное доказательство (№. 595).

б) То же общее собраніе (№ 596), разсматривая вопросъ: могутъ ли *золотосодержащіе пріиски* быть пріобрѣтаемы по условію, засвидѣтельствованному въ надлежащемъ присутственномъ мѣстѣ, — нашло, что золотосодержащіе пріиски, отводимые частными лицами для одной лишь разработки, признаются въ отношеніи къ золотопромышленникамъ имуществами *движимымъ*, а потому и въ переходѣ отъ одного владѣльца къ другому, по наслѣдству или инымъ случаемъ, подлежатъ тѣмъ же правиламъ, какія вообще для имуществъ движимыхъ постановлены (ст. 403 Зак. Гр.). Движимыя имущества могутъ быть пріобрѣтаемы законными способами

и безъ всякихъ письменныхъ актовъ, по однимъ словеснымъ договорамъ и соглашеніямъ (ст. 710 Зак. Гр.). На точномъ основаніи сихъ узаконеній, условіе, заключенное Болотовою съ Казицынымъ, должно быть признано законнымъ, какъ совершенное формальнымъ порядкомъ и засвидѣтельствованное въ надлежащемъ присутственномъ мѣстѣ.

в) По вопросу объ обязательности *словеснаго условія*, совершеннаго передъ маклерами о продажѣ движимыхъ вещей, то же общее собраніе (№ 44) нашло, что Форшъ отъ покупки 300 ящиковъ сахарнаго песку и отъ принятія 90 ящиковъ вслѣдствіе сей покупки не только не отрицался, но подкрѣпилъ сіе показаніемъ своимъ; 2) что Форшъ не имѣлъ права нарушать словеснаго договора, заключеннаго при посредствѣ маклера и сознаннаго имъ самимъ въ коммерческомъ судѣ.

г) По вопросу: „можетъ ли быть проданъ по домашнему акту на *сносъ* домъ, находящійся на чужой землѣ“, первое общее собраніе (№ 21) нашло, что какъ земля подъ симъ домомъ и строеніемъ принадлежала къ недвижимому имѣнію Хлѣбникова, то Ерофѣевъ, если онъ даже считалъ себя въ правѣ отдать другому домъ и строеніе на сносъ, обязанъ былъ однако и въ семъ случаѣ по силѣ ст. 728 и 729 Зак. Гр. на таковую отдачу совершить крѣпостной актъ на гербовой бумагѣ, соотвѣтственной цѣнѣ имѣнія; безъ соблюденія же сего порядка господское строеніе не могло быть отдѣлено отъ имѣнія недвижимаго, коему принадлежала по землѣ. *)

2) *Передача проданной движимости.*

„*Ст. 1510.* Зак. Гр. Передача отъ продавца къ покупщику „проданнаго движимаго имущества совершается *дѣйстви-*

*) Мы вполнѣ согласны съ этимъ заключеніемъ, ибо на основаніи ст. 386 Зак. Гр. принадлежности населенныхъ земель суть: „состоящія на нихъ церковныя строенія, *господскіе* и крестьянскіе *домы*.“ Сверхъ того этимъ рѣшеніемъ разъяснено, что купчіи крѣпостнымъ порядкомъ совершаются только на недвижимыя имѣнія и ихъ принадлежности.

„*тельнымъ* покупщику *врученіемъ* самого сего имущества „или поступленіемъ онаго въ его распоряженіе.“

По содержанію этой статьи проф. Морошкинъ (см. Гражд. права по началамъ Росс. Законод; Юрид. Вѣстн. вып. XXI—XXIV), замѣчаетъ: „издревле права на движимыя имущества изъяты были отъ укрѣпленія засвидѣтельствованіемъ въ присутственномъ мѣстѣ или у должностнаго лица“ Причина сего заключается въ томъ, что оборотъ движимыхъ имуществъ въ общежитіи быстръ, ежедневенъ и многочисленъ; слѣдовательно укрѣпленіе правъ на оныя публичнымъ засвидѣтельствованіемъ слишкомъ стѣснила бы переходъ движимыхъ имуществъ отъ одного лица къ другому. Сверхъ того движимое имущество по природѣ своей подвержено частымъ измѣненіямъ въ видѣ, качествѣ и количествѣ, признаки его безпрестанно измѣняются. Поэтому относительно движимыхъ вещей простое владѣніе и передача замѣняютъ укрѣпленіе. Въ настоящее время только права на корабли укрѣпляются крѣпостнымъ порядкомъ *).

Въ Наполеоновомъ кодексѣ относительно *передачи* проданной движимости постановлено: „передача движимыхъ вещей считается совершенною: черезъ передачу ихъ или же вручение ключей отъ строеній, или же вслѣдствіе одного лишь соглашенія сторонъ,—если передача вещей не можетъ быть совершена на иномъ основаніи въ моментъ заключенія договора“ (ст. 1606). Обязанность вручить вещь продавцу de facto осуществляется посредствомъ передачи. Собственно передача по мнѣнію французскихъ юристовъ, необходима для того, чтобы перенести право собственности отъ продавца къ покупщику; этотъ переходъ происходитъ черезъ написаніе условія продажи. Но право собственности осталось бы правомъ теоретическимъ и безполезнымъ безъ владѣнія, а для передачи владѣнія именно и установлено вру-

*) Замѣтимъ кстати, что на основаніи ст. 1141 Наполеонова кодекса, если вещь, которую проравецъ обязался продать двумъ лицамъ, *передана* во владѣніе одному при сихъ послѣднихъ, то вещь остается за нимъ, хотя бы условіе о продажѣ, выданное ему, было позднѣйшимъ по совершенію.

ченіе. Посредствомъ передачи покупщикъ дѣлается собственникомъ не только „de jure“, но и „de facto“, и, замѣняя продавца, получаетъ въ свое содержаніе купленное имущество. По этому „tradition“ состоитъ изъ трехъ элементовъ: а) добровольнаго отказа продавца отъ проданнаго имущества, б) поступленія этого имущества во владѣніе покупщика и в) намѣренія послѣдняго оставить имущество за собою. По римскому праву было два рода вступленія во владѣніе: 1) дѣйствительное и 2) воображаемое. Первое состояло во взятіи купленной вещи въ руку; второе заключалось во врученіи ключей отъ магазина для передачи припасовъ и товаровъ, въ немъ заключающихся, во врученіи документа на проданное имущество, наконецъ въ передачѣ „brevi manu“, когда лицо, владѣвшее уже имуществомъ, по какому-либо документу, получало на оное актъ продажи.

„Расходы на передачу имущества лежатъ на продавцѣ, а расходы на перенесеніе имущества падаютъ на покупщика, если о семъ сторонами не постановлено инаго условія „(ст. 1608). Такъ какъ продавецъ обязанъ вручить вещь, то изъ этого слѣдуетъ, что если эта передача требуетъ какихъ-либо расходовъ, то оные падаютъ на него. Поэтому издержки на измѣреніе, сосчитываніе и взвѣшиваніе товаровъ при передачѣ падаютъ на продавца. Впрочемъ во Франціи установился обычай, что расходы эти дѣлятся пополамъ между продавцемъ и покупщикомъ. Но когда товаръ врученъ покупщику, то затѣмъ переводъ его дѣлается покупщикомъ на свои деньги, ибо это происходитъ исключительно въ его интересахъ. Посему на него падаютъ расходы по упаковкѣ, перегрузкѣ и перевозкѣ товара.

„Врученіе проданной вещи должно происходить въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ моментъ совершенія акта продажи находилась эта вещь“ (ст. 1609). Если стороны не постановили особаго условія о мѣстѣ передачи, то послѣдняя происходитъ тамъ, гдѣ находилась вещь въ моментъ продажи, и покупщикъ обязанъ перевезти вещь на свой счетъ. Продавецъ можетъ перемѣстить проданную вещь, затруднивъ тѣмъ для

покупщика ея полученіе и перевозку, если онъ это сдѣлаетъ, то онъ долженъ вознаградить покупщика за излишніе расходы по перевозкѣ. Когда стороны условились насчетъ мѣста передачи имущества, то покупщикъ не обязанъ принять оное въ другомъ мѣстѣ.

„Если продавецъ по своей винѣ не вручитъ проданной вещи къ сроку, назначенному сторонами, то отъ покупщика зависитъ: или просить объ уничтоженіи продажи или требовать въ судебномъ порядкѣ вручения ему купленной вещи“ (ст. 1610). Статья эта предвидитъ два случая: а) когда время вручения проданной вещи было опредѣлено въ договорѣ, то продавецъ обязанъ не пропустить этого срока. Если же онъ пропустилъ срокъ, то покупщикъ можетъ принудить его передать ему эту вещь съ уплатою сверхъ того всѣхъ убытковъ. Вмѣсто этого покупщикъ имѣетъ право просить и объ уничтоженіи договора. Однако если продавецъ не могъ къ сроку вручить вещи вслѣдствіе какого либо событія, не зависящаго отъ его воли, или вслѣдствіе не предвидѣннаго случая, то онъ долженъ быть освобожденъ отъ взысканія убытковъ, а самый актъ продажи не подлежитъ уничтоженію. Французскій Кассаціонный Судъ рѣшеніемъ, состоявшимся 8-го октября 1807 г.. призналъ, что слишкомъ поздное вручение вещи, происшедшее вслѣдствіе разлива рѣки, не можетъ служить основаніемъ къ уничтоженію договора, и что судъ имѣетъ право въ семъ случаѣ назначить *дополнительный* срокъ. Если же послѣ срока покупщикъ принялъ вещь и не жаловался на это, то въ послѣдствіи онъ уже не можетъ отыскивать убытковъ. б) Когда въ договорѣ не было означено *срока*, къ которому должна быть передана проданная вещь, то продавецъ обязанъ вручить оную какъ только покупщикъ, внеся деньги, потребуетъ передачи ему вещи.

„Во всякомъ случаѣ съ продавца могутъ быть присуждены убытки, если для покупщика послѣдуетъ вредъ отъ несвоевременной передачи ему проданнаго имущества. Количество этихъ убытковъ въ каждомъ данномъ случаѣ должно

быть опредѣлено судомъ" (ст. 1611).*) При опредѣленіи убытковъ нужно принимать во вниманіе только потерю, происшедшую *непосредственно* отъ неполученія покупщикомъ купленной вещи (circa rem ipsam), ибо все, что относится къ причинамъ *отдаленнымъ* и *непредвидѣннымъ*, не можетъ быть принято во вниманіе. Такъ напр. кто-либо покупаетъ вино, чтобы продать оное другому, но вино не вручается ему къ назначенному сроку. Покупщикъ не можетъ отыскивать убытковъ за то, что онъ вслѣдствіе неврученія ему вина, не извлекъ изъ второй спекуляціи того барыша, который онъ предполагалъ имѣть. Равнымъ образомъ, если кто-либо напр. покупаетъ сѣно, и вслѣдствіе неполученія онаго къ сроку, лошади его претерпѣваютъ голодъ и отъ недостатка и дурнаго качества корма издохли, то нельзя отыскивать убытковъ за падежъ лошадей. Но вотъ примѣры, въ которыхъ убытки истекаютъ *непосредственно* отъ недоставленія въ срокъ вещи: *А* обязанъ вручить *Б* къ сроку товары, а пока *А* не исполняетъ своей обязанности, цѣна на товары увеличилась. Тутъ *А* обязанъ заплатить *Б* въ видѣ убытковъ разницу между условленною и настоящею цѣною. Причина этому очевидна: еслибы продавецъ исполнилъ свое обязательство, то *Б* имѣлъ бы товары дешевые, тогда какъ въ семъ случаѣ *Б* долженъ былъ покупать ихъ дороже условленнаго. Для того, чтобы съ продавца могли быть присуждены убытки, необходимо, чтобы: а) требованіе объ этомъ было заявлено ему и б) чтобы онъ не исполнилъ этого требованіе. Причиною этому то, что было бы неосновательно со стороны покупщика требовать явки въ судъ продавца, когда послѣдній, можетъ быть, и безъ того согласенъ уплатить убытки; сверхъ того принятіе имущества по кодексу Наполеона происходитъ тамъ, гдѣ сіе имущество находится, то-есть по жительству продавца; слѣдовательно заявленіе послѣднему готовности принять имущество вполнѣ необходимо. Изъ послѣдняго правила могутъ быть два исключенія:

*) По мнѣнію Ульпіана количество убытковъ можетъ даже превышать количество покупной суммы.

1) если было условлено, что продавецъ обязанъ вручить вещь, не ожидая востребованія; 2) если дознано, что покупщикъ не могъ явиться ранѣе для полученія вещи. Напр. *А* продалъ торговцу товары и обязался переслать ихъ ему наканунѣ извѣстной ярмарки, во время которой онъ могъ ихъ продать; но *А* пропустилъ время ярмарки и не прислалъ товаровъ. Какъ только прошелъ срокъ, то, и безъ заявленія о семъ покупщика, дѣлается очевидно вина продавца, ибо покупщику товары уже не нужны по окончаніи ярмарки; и такъ онъ можетъ отыскивать убытки. Приведенные случаи о взысканіи убытковъ относились къ тому, когда продавецъ требуетъ уничтоженія продажи; разсмотримъ случаи взысканія убытковъ, когда покупщикъ хочетъ оставить въ силѣ продажу. Четыре причины отысканія убытковъ представляются прежде всего: 1) порча проданной вещи, 2) пониженіе ея цѣнности, 3) расходы, причиненные непосредственно вслѣдствіе запозданія врученія вещи, 4) выгоды, которыя покупщикъ могъ бы извлечь изъ купленной вещи. 1) Если вещь подверглась *порчѣ* вслѣдствіе стеченія причинъ случайныхъ и ничѣмъ неотвратимыхъ, наступившихъ *послѣ* срока, когда продавецъ обязанъ былъ вручить вещь, то онъ отвѣчаетъ тѣмъ не менѣе за порчу. 2) Если вещь понизилась въ цѣнѣ послѣ срока, когда должна была быть вручена, то покупщикъ имѣетъ безусловно право на искъ объ убыткахъ. 3) Продавецъ долженъ вознаградить покупщика за всѣ расходы, которое причинило ему неполученіе на срокъ вещи, напр. если кто-либо въ ожиданіи купленныхъ лошадей нанялъ другихъ. 4) Наконецъ продавецъ, доставившій послѣ срока проданное имущество, долженъ возвратить и собранные съ него въ этотъ промежутокъ времени доходы.

——

Затѣмъ, въ т. X, ч. 1 Зак. Гр. изложено: ст. 1511 „покупщикъ, въ случаѣ неизвѣстности или неблагонадежности продавца, можетъ при передачѣ потребовать *отъ него поручительства* въ томъ, что продаваемое имущество ему дѣй-

„ствительно принадлежитъ". *Ст. 1512.* „Если движимое иму-„щество куплено безъ *поручительства*, хотя впрочемъ не „завѣдомо краденое, но въ послѣдствіи оно окажется краде-„нымъ: то покупщикъ подвергается лишенію онаго и ото-„бранію въ пользу настоящаго хозяина, а ему предостав-„ляется заплаченныя деньги искать по продавцѣ". *)

Прежде всего мы прослѣдимъ *историческое* происхожденіе этихъ узаконеній. Судебникъ Іоанна IV, принявъ въ соображеніе, что между поношенными продаваемыми на рынкѣ вещами, легко могли находиться краденыя, поставилъ покупщику обязанность если онъ покупалъ на рынкѣ что-нибудь поношенное, покупать не иначе, какъ со взятіемъ порукъ отъ *продавца* въ томъ, что продаваемая вещь не есть краденая. Въ Уложеніи 1649 года (гл. XXI, ст. 65) было постановлено; „А на которыхъ людей языкъ говоритъ съ пытокъ, а скажетъ, что ему разбойную рухлядь продалъ за чисто *безъ поруки*, и на томъ человѣкѣ взяти выть, не купи безъ поруки; а которымъ продали за чистое съ порукою, и на тѣхъ людѣхъ выти не имати". Затѣмъ въ 1691 г. декабря 30 (№ 1429) послѣдовалъ именной указъ: „о непокупкѣ торговцамъ серебрянаго ряда золотыхъ денегъ, ефимковъ, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней безъ порукъ." Въ этомъ указѣ, между прочимъ, сказано: „Алешкина жена Скорняка, принявъ у вора у Алешки Володимірова той иноземческой кражи два ефимка, продала въ серебряномъ ряду тому Митькѣ Андреянову за чисто *безъ поруки*; а въ распросѣ онъ, Митька, въ покупкѣ тѣхъ слитковъ не запирался и говорилъ, тѣ де ефимки купилъ онъ безъ поруки для того, что на нихъ не было пробоинъ и ушковъ, а покупаютъ у нихъ въ серебряномъ ряду золотые и ефимки съ поруками такіе, на которыхъ бываютъ пробоины и ушки припаенные, потому что такіе золотые и ефимки бываютъ отъ образовъ". Серебрянаго ряда старосты и всѣ торговые люди подтвердили справедливость этого показанія.

*) О продажѣ и покупкѣ имущества *завѣдомо* краденаго, или чрезъ насиліе или обманъ полученнаго говорится въ ст. 1407—1409 Зак. Гр.

По симъ обстоятельствамъ было предписано: серебряныхъ рядовъ старостамъ и всѣмъ торговымъ людямъ „чтобы они впредь золотыхъ и ефимковъ, также и жемчугу и каменья *безъ порукъ* отнюдь ни у кого не покупали и для продажи въ лавки къ себѣ не имали".

Соображеніе вышеизложеннаго приводитъ насъ къ слѣдующему заключенію:

1) Въ указѣ отъ 13-го декабря 1691 г. предписано въ видѣ общаго правила не покупать драгоцѣнныхъ вещей (золота, ефимковъ, жемчугу и камней) безъ порукъ.

2) Св. Зак. (ст. 1511) отчасти *ограничилъ* это правило, предоставивъ *на волю* покупщика требовать поруки при неизвѣстности или неблагонадежности продавца, отчасти *расширилъ* оное, распространивъ постановленіе указа 1691 г. не на однѣ драгоцѣнности, но на всѣ вообще движимыя вещи.

3) Въ Сводѣ Законовъ (ст. 1511) сказано, что покупщикъ, „въ случаѣ неизвѣстности или неблагонадежности продавца, „можетъ при передачѣ потребовать *отъ него* поручительства"; но эти слова, по нашему мнѣнію, означаютъ лишь, что требованіе о поручительствѣ должно быть заявлено продавцу, но не разрѣшаютъ вопроса: *кѣмъ именно* должно быть учинено поручительство, то-есть *продавцомъ* или *третьимъ лицемъ*? Съ своей стороны мы склоняемся къ послѣднему выводу *), ибо истребованіе поручительства отъ самаго продавца не имѣетъ для покупщика никакихъ имущественныхъ послѣдствій, кромѣ лишь освобожденія его отъ личной отвѣственности.

По ст. 1512, если и не было поручительства, въ случаѣ отобранія имущества отъ покупщика, послѣднему предоставляется заплаченныя деньги искать съ продавца. То же право безъ всякаго измѣненія принадлежало бы ему и въ томъ

*) Проф. Неволинъ замѣчаетъ, что и нынѣ „сохранилось въ своей силѣ существовавшее прежде правило, по которому, въ случаѣ покупки движимыхъ вещей съ поручительствомъ, отвѣтственность предъ покупщикомъ за убытки, еслибы вещь оказалась краденою, лежала не только на продавцѣ, но и на *поручителѣ*".

случаѣ, еслибы продавецъ самъ *лично* поручился въ дѣйствительной принадлежности ему продаваемой вещи. Итакъ мы повторяемъ нашъ выводъ: поручительство, о которомъ говорится въ ст. 1511—1512, есть поручительство *третьяго лица*, но на практикѣ оно можетъ встрѣтиться весьма рѣдко, ибо: 1) требованіе его затруднило бы торговые обороты при покупкѣ и продажѣ движимыхъ имуществъ; 2) показало бы недовѣріе къ продавцу; въ случаѣ же сомнѣнія покупщика въ благонадежности продавца, (какъ намъ извѣстно), берется отъ продавца росписка съ означеніемъ его чина или званія, что онъ продалъ это имущество; 3) поручительство третьяго лица въ томъ, что проданное имущество не есть краденое, не выдерживаетъ юридической критики, ибо въ большей части случаевъ поручителю пришлось бы удостовѣрять о такомъ фактѣ, полное ознакомленіе съ которымъ ему не доступно; если же имущество нѣсколько разъ перешло изъ рукъ въ руки, то иногда самъ продавецъ не знаетъ, краденое ли у него имущество или нѣтъ. **)

3) *Условная продажа движимаго имущества.*

„*Ст. 1516.* Продавецъ долженъ передать покупщику про„данное движимое имущество *той самой доброты*, какой оно „должно быть на основаніи *условія* или предварительно по „обоюдному согласію утвержденныхъ *образцовъ*. *Ст. 1517.* „Если при семъ произойдетъ споръ, то оный рѣшится над„лежащимъ судомъ. *Ст. 1518.* Если въ судѣ признано бу„детъ проданное движимое имущество по добротѣ своей не „соотвѣтствующимъ условію или образцамъ, то оное отда„ется обратно продавцу, который обязанъ возвратить по-

**) По *Римскому* праву, если продавецъ и покупщикъ знали, что вещь краденая, то между ними не существовало никакого обязательства (a neutra parte obligatio contrahitur). Если только покупщикъ зналъ объ этомъ обстоятельствѣ, то признавалось, что продавецъ не заключилъ никакого договора; продавецъ не обязанъ былъ ни передать проданную вещь, ни отвѣчать за ея передачу. Когда только продавецъ зналъ, что онъ продалъ краденыя вещи, то съ него могли быть взысканы убытки.

„купщику полученный отъ него задатокъ. *Ст. 1514.* Если „покупщикъ не будетъ принимать купленныхъ имъ вещей, „имѣющихъ *условленное* по договору достоинство, то прину„ждается къ сему судомъ. *Ст. 1519.* Если же проданное дви„жимое имущество окажется сходнымъ съ условіемъ или „образцомъ, то покупщикъ обязанъ принять оное безотго„ворочно и удовлетворить продавца платежемъ цѣны.“ *)

Совокупное обсужденіе этихъ законовъ убѣждаетъ насъ въ слѣдующемъ:

1) Св. Зак., не допускающій продажи недвижимыхъ имуществъ: ни съ разсрочкою платежа цѣны, ни съ передачею имущества по истеченіи извѣстнаго срока, не установляетъ въ семъ отношеніи никакихъ ограниченій относительно движимыхъ имуществъ, обороты которыхъ во вседневной жизни должны происходить, сообразуясь лишь съ экономическими законами спроса и предложенія и съ пониженіемъ или повышеніемъ цѣны на оныя.

2) Можно продать движимое имущество не только „in individuo“, но и „in genere“. Такъ въ нашей судебной практикѣ (Сб. 1-го общ. собр. Сен. № 44) встрѣчается слѣдующій случай: „Форшъ заключилъ условіе о покупкѣ 300 ящиковъ сахарнаго песку у торговаго дома Горньи, Белей и К° и изъ тысячной партіи, взявъ 90 ящиковъ, отказался получить остальные 210 ящиковъ на томъ де основаніи, что сахаръ оказался качествомъ ниже прежде взятыхъ пробъ. Но сенатъ, найдя эту отговорку не заслуживающею уваженія, пришелъ къ заключенію, что отказъ Форша получить остальные ящики, произошелъ отъ пониженія цѣнъ на сахарный песокъ, а за симъ призналъ упомянутый договоръ для сторонъ вполнѣ обязательнымъ.“ **)

---

*) Такимъ образомъ оказывается, что въ ст. 1514 и 1519 буквально два раза повторено одно и то же, а потому одна изъ этихъ статей подлежитъ исключенію изъ Свода Законовъ.

**) Въ брошюрѣ „словесныя правила купли и запродажи товаровъ въ Ригѣ“, изложены слѣдующіе торговые обычаи, существующіе въ Ригѣ относительно покупки товаровъ: „сдѣлка удостовѣряется маклерскою запискою; наличные задатки посылаются по почтѣ продавцу. Удержаніе задатка почи-

3) По общепринятому обычаю покупщикъ не въ правѣ возражать противъ качества товара *послѣ его принятія* (ст. 1514); вопросъ о томъ, собралъ ли покупщикъ надлежащія свѣдѣнія для опредѣленія качества товара, не имѣетъ вліянія на значеніе сего принятія; исключеніе изъ послѣдняго правила представляется лишь въ примѣненіи къ товарамъ, могущимъ имѣть такіе скрытые недостатки, которые не всегда могутъ быть усмотрѣны при обыкновенномъ способѣ пріемки (Суд. Вѣстникъ за 1869 г. № 5).

4) Договоръ на продажу движимыхъ вещей представляетъ большое сходство: а) съ договоромъ *запродажи* движимаго имущества и б) *съ подрядною записью*. — Сходство сихъ трехъ договоровъ состоитъ въ томъ, что одна сторона (продавецъ или подрядчикъ) обязуется къ извѣстному сроку доставить другой сторонѣ движимое имущество за опредѣленную цѣну.—*Разница* заключается въ слѣдующемъ: а) „*запродажа*, (по опредѣленію проф. Мейера) есть договоръ, по которому одно лицо обязывается продать другому, а другое купить какую-либо вещь въ извѣстный срокъ за извѣстную цѣну; договоръ этотъ не есть поставка, потому что въ силу и въ исполненіе договора поставки отъ одного контрагента другому *доставляется* какое-либо *имущество* въ извѣстной срокъ и за извѣстную плату. По запродажѣ же все исполненіе состоитъ съ заключеніи новаго договора купли-продажи; поэтому запродажа есть то, что римляне называли „pactum de pacto contrahendo“. *) Съ своей стороны мы замѣтимъ, что запродажа движимыхъ имуществъ не всегда имѣетъ послѣдствіемъ заключеніе новаго договора, то-есть купли-продажи. Такъ-какъ движимыя вещи пріобрѣтаются одною передачею ихъ, то въ случаѣ согласія на сіе

тается за безусловное одобреніе сдѣлки. Продажа товара совершается съ условіемъ, чтобы покупщикъ уплатилъ наличными деньгами: или всю стоимость законтрактованнаго товара, или только часть ея, означенную процентами.

*) Другое опредѣленіе запродажи есть слѣдующее: „одна сторона обязывается продать имущество въ будущемъ, а другая сторона обязуется заплатить за него деньги къ извѣстному сроку“.

сторонъ, исполненіе акта о запродажѣ движимаго имущества ничѣмъ не отличается отъ исполненія договора продажи того же имущества, и состоитъ во вручении имущества продавцемъ покупщику съ полученіемъ отъ послѣдняго условленной цѣны. Но *отличіе* запродажи отъ продажи движимаго имущества является тогда, когда одна изъ сторонъ *отказывается* отъ исполненія договора, а другая требуетъ его исполненія. Въ семъ случаѣ, (какъ видно изъ буквальнаго смысла ст. 1514—1519) покупщикъ можетъ быть обязанъ къ принятію купленнаго имъ имущества и къ уплатѣ цѣны, а продавецъ ко вручению проданнаго имущества. Напротивъ того при запродажѣ стороны не могутъ быть *принуждены* къ исполненію въ натурѣ договора; послѣдствія же его неисполненія, примѣняясь къ ст. 1690, 1679 и 1687, состоятъ во взысканіи съ виновной стороны *неустойки* или *задатка*. б) *Подрядъ* или *поставка* (ст. 1737) есть договоръ, по силѣ коего одна изъ вступающихъ въ оный сторонъ принимаетъ на себя обязательство... поставить извѣстнаго рода *вещи*, а другая, въ пользу коей сіе производится, учинить за то денежный платежъ. „Договоръ подряда и поставки (ст. 1742) долженъ быть написанъ по особой формѣ (прил. къ ст. 1742) на установленной гербовой бумагѣ и явленъ у маклера или въ прис. мѣстѣ“. Итакъ, по нашему мнѣнію, подрядъ есть спеціальный видъ продажи движимыхъ вещей, изъ котораго законодательство дѣлаетъ особый договоръ, такъ какъ въ большей части случаевъ однимъ изъ контрагентовъ (покупщикомъ) является казна или какая-либо торговая или промышленная компанія, почему и совершеніе договора подряда и поставки обставлено извѣстными формальностями. *)

*) Въ отличіе договора поставки движимыхъ вещей отъ продажи ихъ предлагаютъ тотъ признакъ, что „поставка предполагаетъ изготовленіе предмета, относящагося къ извѣстной отрасли промышленности“; но по нашему мнѣнію этотъ признакъ не есть абсолютный и неизмѣнный: можетъ случиться наоборотъ, что поставка будетъ совершена лицемъ, купившимъ доставляемые имъ предметы (напр. вино на винокуренномъ заводѣ), а напротивъ того продавецъ продаетъ подрядчику предметы, имъ самимъ изготовленные, (напр. хлѣбное вино).

Приступая затѣмъ къ подробному комментарію ст. 1516—1518, 1514 и 1519 зак. гр., мы представимъ прежде всего *историческій* очеркъ ихъ происхожденія.

Въ уставѣ о словесномъ таможенномъ судѣ 26 августа 1727 г. (№ 5145) въ *ст. 17* было постановлено: „кто у кого купитъ товаръ и имѣетъ въ томъ маклерское письмо, или таможенную записку, или между собою договорное письмо съ объявленіемъ срока, или при свидѣтеляхъ, а товару принимать и денегъ платить, опричь охулки, о которой ниже изъяснено, не будетъ, въ томъ отъ суда принуждать и безъ записки: буде же и по пріемѣ товара денегъ не заплатитъ и у истца въ платежъ сроку не выпроситъ, а хотя и выпроситъ, да волокитой платежъ продолжать учнетъ, такоыхъ, буде есть деньги, то въ платежѣ денегъ принудить же задержаніемъ *подъ карауломъ*, записавъ въ судебную книгу. Буде же къ платежу деньгамъ не въ состояніи, то купленной товаръ *продать* публично настоящею цѣною; а ежели чего не достанетъ, или уже тотъ товаръ избитъ, то изъ прочихъ его товаровъ и пожитковъ, такожъ и продажею деньги возвратить и истца удовольствовать“...

Въ *ст. 18* того же устава значилось: „также и съ продавцами, которые товары продадутъ съ осмотромъ оныхъ и возьмутъ задатки или всѣ деньги, и въ томъ маклерскимъ или своимъ договорнымъ письмомъ или таможенною записью, и при свидѣтеляхъ утвердятся, а товару отдавать не будутъ, видя въ цѣнѣ *повышеніе*; тѣхъ къ отдачѣ принуждать, хотя бы на тѣхъ товаровъ послѣ торговли цѣна повысилась на то мѣсто треть, но по чему проданъ, по той цѣнѣ и отдачу чинить“.

Наконецъ въ *ст. 19* устава было сказано: „кто у кого товаръ торговалъ и осматривалъ... и взявъ образцы съ печатью и въ томъ утвердившись письменно, или при свидѣтеляхъ обракованіемъ сверхъ положеннаго времени станетъ продолжать, такого отъ суда въ томъ принудить; а ежели по пріемѣ и бракованіи явится противъ образца или договору не сходенъ, то отъ товару отказать, а взятый задатокъ возвратить. А кто станетъ принимать и перебраковавъ поло-

вину или меньше, увидя въ цѣнѣ упадокъ, назоветъ товаръ худымъ, а по свидѣтельству постороннихъ знающихъ же людей того не явится: такого купца къ пріему принудить, какъ о томъ написано выше".

Изъ этого очерка видно, что по уставу 1727 г.:

а) Непринимавшій купленнаго товара и не плативший покупной цѣны могъ быть понуждаемъ къ исполненію договора содержаніемъ подъ карауломъ, и отвѣтствовалъ за неплатежъ всѣмъ своимъ имуществомъ (ст. 17).

б) Продавцы, которые вслѣдствіе повышенія товаровъ въ цѣнѣ, отказались отъ ихъ передачи, принуждались къ сему судомъ (ст. 18).

в) Если покупщикъ, вслѣдствіе пониженія цѣны товара, отказался отъ его пріема, а товаръ по бракованіи оказывался согласнымъ съ условіями, то покупщикъ могъ быть принужденъ къ принятію товара (ст. 19).

Обращаясь затѣмъ къ содержанію статей 1516—1518, 1514 и 1519 свода зак. гр., оказывается, что всѣ онѣ основаны на разрѣшеніи того обстоятельства: „соотвѣтствуютъ ли товары, по добротѣ своей и достоинствамъ, постановленнымъ о нихъ сторонами условіямъ или образцамъ"? При утвердительномъ разрѣшеніи сего вопроса договоръ обязателенъ для контрагентовъ, въ противномъ случаѣ для нихъ не обязателенъ. Сторона, отказывающаяся безъ основательныхъ къ тому причинъ отъ исполненія договора, принуждается къ сему судомъ.

Ст. 1515. „При продажѣ движимаго имущества, пріемъ „вещей, подлежащихъ *измѣренію* и *взвѣшиванію*, долженъ „быть производимъ на узаконенныя отъ правительства мѣ„ры и вѣсы".

Въ наполеон. кодексѣ (ст. 1585) постановлено: „когда товары продаются по вѣсу, счету или мѣрѣ, то проданныя вещи находятся на отвѣтственности продавца, доколѣ онѣ не будутъ взвѣшены, сосчитаны или измѣрены; но покупщикъ можетъ требовать: или передачи ему оныхъ или взысканія убытковъ, если есть къ тому основаніе, въ случаѣ неисполненія обязательства". Товары могутъ быть проданы: 1) или en bloc, сколько ихъ не окажется на лицо, или 2)

можно условиться, что они должны быть сосчитаны, измѣрены или взвѣшены. 1) Въ первомъ случаѣ продажа есть простая и считается состоявшеюся вслѣдствіе одного лишь соглашенія сторонъ; покупщикъ немедленно дѣлается собственникомъ, и ему не нужно отсчитывать или взвѣшивать купленныхъ товаровъ.—Напримѣръ если продается все вино, которое находится въ погребѣ *A*, то это есть продажа „en bloc или per aversionem, какъ говорили римляне". Подобная продажа относится къ опредѣленному количеству товаровъ, находящихся въ извѣстномъ мѣстѣ. Поэтому если прежде, нежели купленные товары будутъ взяты покупщикомъ, они испортятся, то покупщикъ несетъ „periculum rei". 2) Но когда продажа совершена по счету, вѣсу или мѣрѣ, то существуютъ иныя правила, ибо проданныя вещи остаются неопредѣленными, доколѣ онѣ не сосчитаны, не взвѣшены, и не измѣрены, и не приведены въ извѣстность. Въ Dig. Lex 35, было сказано: „mesura eo proficit, ut appareat, quantum ematur". Поэтому до измѣренія и взвѣшиванія, цѣна, которую долженъ уплатить покупщикъ, остается неопредѣленною. Самая же продажа считается неоконченною, доколѣ это дѣйствіе не учинено. Подобная продажа есть не простая, но условная.—Итакъ, если вещи истреблены прежде, нежели онѣ будутъ сосчитаны, измѣрены или взвѣшаны, хотя и послѣ совершенія акта продажи, то онѣ остаются на отвѣтственности продавца. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы стороны до взвѣшиванія или измѣренія вещей могли безъ взаимнаго на то согласія, уничтожить заключенный ими договоръ; между ними остается „vinculum juris". Покупщикъ можетъ потребовать, чтобы продавецъ приступилъ къ измѣренію, сосчитанію и взвѣшиванію проданныхъ товаровъ, а въ случаѣ неисполненія сего, имѣетъ право требовать вознагражденія убытковъ.—„Въ отношеніи вина, масла и другихъ вещей и припасовъ, которые принято пробовать до покупки ихъ, нѣтъ продажи, пока покупщикъ ихъ не попробовалъ и не получилъ (ст. 1587 нап. код.). *)

*) По код. Нап. „продажа, сдѣланная подъ условіемъ испытанія купленной вещи, не можетъ быть признана окончательною (ст. 1588)." Есть вещи, ко-

„Продавецъ обязанъ (ст. 1616 код. Нап.) вручить проданное имущество *въ томъ видѣ*, какъ оно означено въ договорѣ". Обязанность вручить вещь требуетъ, какъ необходимое дополненіе, чтобы вещь была вручена во *объемѣ* и *количествѣ*, опредѣленныхъ въ договорѣ продажи. Къ движимымъ вещамъ это правило примѣняется во всей строгости.—Если продается напримѣръ соль съ означеніемъ, что она вѣситъ два пуда, или бочка вина, съ присовокупленіемъ, что въ ней 100 бутылокъ вина, то покупщикъ можетъ требовать, чтобы соль вѣсила два пуда, а изъ бочки вина вышло именно 100 бутылокъ. Но затѣмъ возникаетъ вопросъ: „если покупщикъ безъ возраженій принялъ купленное имъ имущество, то можетъ ли онъ въ послѣдствіи времени жаловаться на недостатокъ мѣры или вѣса? Какъ уже замѣчено выше, мы разрѣшаемъ этотъ вопросъ отрицательно, ибо по правилу „qui tacet consentit", принявшій безъ возраженій имущество, не соотвѣтствующее условіямъ, долженъ быть признанъ изъявившимъ согласіе принять имущество именно въ этомъ видѣ. Потерю же права иска на оспариваніе продажи онъ долженъ отнести къ своему упущенію, ибо ничто не препятствовало ему, при принятіи имущества, возбудить вопросъ о томъ, что въ немъ противу условленнаго, есть недостатокъ мѣры или вѣса.

На практикѣ нерѣдко возникалъ вопросъ: „какъ поступить въ томъ случаѣ, когда въ проданной вещи оказались *скрытые недостатки*, столь *существенные*, что дѣлаютъ неудобнымъ пользованіе вещью? Можетъ ли остаться въ силѣ подобная продажа, а если нѣтъ, то какими послѣдствіями сопровождается уничтоженіе продажи"? *)

торыя покупаютъ обыкновенно только испытавъ ихъ, напримѣръ: лошадь, часы, машину и т. п. Но условіе о предварительномъ испытаніи должно быть явно высказано и истекать изъ самаго договора. Въ римскомъ правѣ часто встрѣчались подобныя условія: напр. *А* продаетъ *Б* лошадь съ тѣмъ, что если *Б* будетъ ею недоволенъ, то продажа считается несостоявшеюся. По римскому праву, если продажа подлежала отмѣнѣ, то продавецъ могъ въ теченіи 60 дней просить о ея уничтоженіи.

*) Вопросъ этотъ возбужденъ былъ въ недавнее время по дѣлу объ отставномъ полковникѣ *Колзаковѣ*. Г. Колзаковъ продалъ г-жѣ Киркоръ двухъ

Прежде всего представляется то общее замѣчаніе, что согласіе сторонъ при заключеніи договора купли-продажи должно быть свободно и не основано на обманѣ. Поэтому, если продавецъ продаетъ одну вещь (напр. мѣдное кольцо), а по-

---

лошадей за 365 р. и (какъ сказано въ обвинительномъ актѣ) „завѣрялъ, что онѣ никакихъ пороковъ не имѣютъ“. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, кучеръ г-жи Киркоръ, обмывая копыта у лошадей, увидѣлъ, что копыта переднихъ ногъ правой лошади имѣютъ *склепки*, искусно замазанныя черною мазью, а по освидѣтельствованіи лошадей 28-го октября ветеринарнымъ врачомъ, оказалось, что „обѣ лошади страдаютъ хроническимъ ревматизмомъ копытъ, что правая лошадь страдаетъ уже полгода отъ трещинъ копытъ, имѣющихъ закленки, а лѣвая лошадь подвержена неизлѣчимой болѣзни не менѣе года, и обѣ лошади больны настолько, что къ ѣздѣ неспособны, и болѣзнь эта существуетъ у нихъ съ давняго времени; заклепки сдѣланы такъ искусно, что увидѣть ихъ *можно* только при самомъ тщательномъ осмотрѣ и притомъ лицемъ знающимъ или ветеринаромъ.“ На семъ основаніи полковникъ Колзаковъ преданъ былъ по обвиненію въ *мошенничествѣ* уголовному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Судебнымъ слѣдствіемъ обнаружено, что дворникъ г. Колзакова, по приказанію подсудимаго, замазалъ закленки на копытахъ правой лошади дегтярною мазью, а кузнецъ Илья объяснилъ, что одну изъ заклепокъ сдѣлалъ онъ; другая была еще прежде. Присяжные признали г. Колзакова виновнымъ въ *обманѣ*, но безъ *похищенія* (денегъ), а московскій окружной судъ, на основаніи ст. 1667 Улож. о наказ. и ст. 173 и 14 уст. о нак. нал. мир. суд., приговорилъ полковника Колзакова: по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему, правъ и преимуществъ, заключить въ тюрьму на три мѣсяца.—Нынѣ этотъ приговоръ отмѣненъ кассаціоннымъ судомъ (18-го дек. 1868 г.).—По содержанію сихъ обстоятельствъ мы разсмотримъ вопросъ: заключаются ли въ дѣлѣ такія данныя, на основаніи которыхъ г. Колзаковъ могъ бы быть подвергнутъ уголовному суду? Въ ст. 1667 улож. о наказ. дѣлается ссылка на ст. 173 уст. о нак. нал. мир. суд. Въ послѣдней же статьѣ постановлено: „за обмѣръ и обвѣсъ при продажѣ, куплѣ или мѣнѣ товаровъ и иныхъ вещей, а равно за *другіе обманы въ количествѣ или качествѣ товара*....“ виновные подвергаются такому-то наказанію. Очевидно, что *не* всякій обманъ можетъ подать поводъ къ уголовному преслѣдованію, но лишь такой обманъ, который заключаетъ въ себѣ всѣ признаки преступленія; это явствуетъ и изъ ст. 1520 зак. гр., въ которой опредѣлено наказаніе положенное ст. 173 уст. мир. суд., если лице „продастъ одно за другое“ (напр. мѣдную цѣпочку за золотую). Если напротивъ того признать, какъ было сдѣлано по настоящему дѣлу, что малѣйшій обманъ, (то есть сокрытіе недостатковъ проданной вещи) долженъ имѣть послѣдствіемъ предаваніе продавца уголовному суду, то нужно объявить уголовными преступниками: купца, который продаетъ ситецъ, завѣряя, что онъ не линяетъ, или сапоги, объявляя, что они проносятся годъ, тогда-какъ въ дѣйствительности черезъ нѣсколько времени ситецъ перемѣнитъ цвѣтъ, а сапоги разорвутся;

купщикъ думаетъ, что онъ покупаетъ другую (напр. золотое кольцо), то договоръ недѣйствителенъ. Но если заблужденіе касается не существеннаго свойства вещи, а лишь свойства случайнаго, второстепеннаго (напр. если золото не такой пробы, какой думалъ покупщикъ), то продажа дѣйствительна; покупщикъ могъ убѣдиться въ этомъ при бо̀льшемъ вниманіи съ своей стороны и долженъ обвинять только себя самого въ происшедшемъ для него убыткѣ. Впрочемъ вопросъ о томъ, какія свойства вещи существенныя, и какія несущестненныя, есть вопросъ факта, а не права, и не можетъ быть опредѣленъ въ законѣ. Во французской судебной практикѣ былъ случай, что лице, купившее картины, которыя оно считало нарисованными Клодомъ Лорреномъ, и подписанныя его именемъ, стало просить объ уничтоженіи продажи, убѣдившись, что онѣ нарисованы не этимъ живописцемъ. Судъ г. Парижа (см. 1815 г.) оставилъ это ходатайство безъ уваженія, ибо въ картинахъ не существовало скрытыхъ недостатковъ, и продавецъ нисколько не ручался, чтобы картины были нарисованы именно Лорреномъ.— Пардессю говоритъ: „заблужденіе относительно качествъ и свойствъ вещи признается *существеннымъ* и дѣлаетъ продажу недѣйствительною только въ интересахъ того лица, которое считало эти качества и свойства необходимыми для осуществленія продажи.“

Русское законодательство умалчиваетъ о томъ: долженъ

или купца, продающаго изготовленное въ Россіи вино подъ названіемъ мадеры, или продавца шляпъ русскаго издѣлія, на которыхъ изображенъ гербъ „Paris.“ Нѣтъ сомнѣнія, что подобные обманы заслуживаютъ нравственнаго неодобренія, но давно уже признанъ принципъ, что право и нравственность не всегда совпадаютъ между собою, и не всегда можно признать преступленіемъ то, что заслуживаетъ порицанія съ точки зрѣнія нравственности. Правосудіе же должно быть одинаково для всѣхъ, и нѣтъ ничего несправедливѣе, какъ разсматривать съ драконовскою строгостью одинъ частный случай оставляя безъ наказанія сотни другихъ подобныхъ же случаевъ. И такъ нашъ выводъ состоитъ въ томъ, что изложенное дѣло могло быть разсматриваемо лишь въ порядкѣ *гражданскаго* судопроизводства, а отнюдь не уголовнаго. Въ подтвержденіе сего мы сошлемся и на приводимыя ниже сего соображенія.

ли продавецъ ручаться или нѣтъ, что проданная имъ вещь не имѣетъ *существенныхъ* и *скрытыхъ* недостатковъ. *)

Въ наполеоновомъ кодексѣ по сему предмету изложено: „продавецъ *долженъ* ручаться, что проданная вещь не имѣетъ *скрытыхъ* недостатковъ, дѣлающихъ невозможнымъ пользованіе ею, или до такой степени затрудняющихъ это пользованіе, что покупщикъ не пріобрѣлъ бы ея или далъ бы меньшую цѣну, еслибы зналъ объ этомъ (ст. 1641). Продавецъ не отвѣчаетъ за явные недостатки вещи, въ которыхъ покупщикъ могъ самъ убѣдиться (ст. 1642). Онъ отвѣчаетъ за скрытые недостатки, даже еслибы самъ не зналъ о нихъ, развѣ въ договорѣ постановлено противное (ст. 1643).“

По содержанію этихъ статей Тролонъ объясняетъ слѣдующее: недостаточно, чтобы покупщикъ получилъ въ свое владѣніе купленное имущество; нужно еще, чтобы сіе имущество имѣло всѣ свойства, необходимыя для того, чтобы покупщикъ могъ достигнуть цѣли, имъ предположенной. Добросовѣстность требуетъ, чтобы продавецъ ручался за эти свойства вещи, безъ которыхъ послѣдняя въ большей части случаевъ не можетъ имѣть никакой цѣны. **) Но съ другой стороны не нужно въ этомъ отношеніи впадать въ крайность: если бы требовать отъ продавца ручательства, что вещь не имѣетъ никакихъ недостатковъ, то заключеніе купли-продажи было бы затруднено. Не было бы ни одного безспорнаго и вѣрнаго договора купли-продажи, ни одного

---

*) По нашему древнему законодательству (замѣчаетъ проф. Неволинъ) возлагалась на продавца отвѣтственность, если въ проданной имъ вещи оказывались *недостатки*, которыхъ она не должна была имѣть. По русской правдѣ, если въ купленномъ конѣ окажется червь или рана, то покупщикъ можетъ больную лошадь возвратить продавцу и взять отъ него свои деньги обратно. Такимъ же образомъ псковская судная грамота опредѣляетъ отвѣтственность продавца, если въ проданной имъ коровѣ окажутся *существенные* пороки.

**) По законамъ XII таблицъ въ Римѣ продавецъ не былъ обязанъ отвѣчать за скрытые недостатки. Въ позднѣйшія времена Цицеронъ приводитъ слѣдующій афоризмъ: „quid vero est stultius, quam venditorem ejus rei, quam vendat, vitia narrare.“

покупщика, который бы не жаловался, ни одного продавца, который не былъ бы обезпокоенъ. Очень часто продавецъ отчуждаетъ свое имущество оттого, что находитъ въ немъ нѣкоторые недостатки, но онъ не дѣлаетъ недобросовѣстнаго поступка, если, продавая, не указываетъ причинъ, почему имущество для него неудобно. Что удобно одному, можетъ быть неудобно для другаго, и наоборотъ. Всѣ потребности относительны, а вкусы различны; покупщикъ долженъ самъ разсмотрѣть имущество; онъ не можетъ требовать, чтобы послѣднее заключало въ себѣ совершенства; другое дѣло, если недостатокъ вещи столь *существенный*, что дѣлаетъ невозможнымъ изъ нея то употребленіе, для котораго она предназначена. Если продавецъ, зная этотъ недостатокъ, не объявилъ о немъ покупщику, то значитъ онъ хотѣлъ обмануть покупщика, онъ совершилъ слѣдовательно дѣйствіе недобросовѣстное, изъ котораго должно истекать взысканіе убытковъ; въ особенности часто могутъ встрѣтиться скрытые недостатки при продажѣ вещей движимыхъ, а въ частности животныхъ. *) Продавецъ не отвѣчаетъ за тѣ недостатки, которые легко замѣтить; такъ напр. если лошадь крива, если болѣзнь животнаго проявляется внѣшними признаками — то покупщикъ не можетъ жаловаться, ибо всѣ эти недостатки онъ могъ самъ замѣтить при большемъ вниманіи съ своей стороны.

„Въ случаяхъ, означенныхъ въ ст. 1641 и 1643, покупщикъ можетъ возвратить вещь и вытребовать обратно покупную сумму, или оставить у себя вещь и вытребовать часть покупной цѣны по опредѣленію экспертовъ (код. Нап. ст. 1644).“ „Если продавецъ зналъ недостатки вещи, то онъ обязанъ, кромѣ возвращенія цѣны, уплатить покупщику всѣ убытки; если же онъ не зналъ недостатковъ, то онъ долженъ возвратить только цѣну (ст. 1645 и 1646).“ „Если вещь,

---

*) Римское право указывало въ семъ отношеніи слѣдующіе пороки: если быкъ имѣетъ привычку бодать, мулъ пятиться назадъ, лошадь быть пугливою и бросаться въ сторону. Когда продавецъ, при совершеніи договора, не объявлялъ этихъ пороковъ, продажа уничтожалась.

имѣющая недостатки, погибла вслѣдствіе своего дурнаго качества, то потерю несетъ продавецъ, который обязанъ возвратить покупщику покупную цѣну. Но если вещь истреблена вслѣдствіе несчастнаго случая, то убытокъ терпитъ покупщикъ" (ст. 1647). „Продажа, учиненная по распоряженію судебныхъ мѣстъ, не подлежитъ уничтоженію, хотя бы въ имуществѣ оказались скрытые недостатки (ст. 1649)."

Ст. 1520. свода зак. гр. „Если ремесленникъ продастъ „старое за новое или *одно* за другое, то онъ, сверхъ возна„гражденія за ущербъ или убытокъ, подвергается отвѣт„ственности на основаніи ст. 1879 улож. о наказ. изд. 1857 *)."

Законъ этотъ основанъ на городовомъ положеніи 21-го апрѣля 1785 г. (№ 16,188), въ ст. 123 коего (п. 100) было постановлено: „ремесленнымъ запрещается продавать старое за новое, или одно за другое подъ опасеніемъ пени въ ремесленную казну, со взысканіемъ ущерба или убытка, кому причинено."

4) *Уплата цѣны.*

Ст. 1513. „Если продавецъ взялъ съ покупщика *задатокъ* „или *всѣ* деньги, а потомъ проданныхъ вещей отдавать не „будетъ, видя въ цѣнѣ возвышеніе, то къ таковой отдачѣ „*принуждается судомъ* **), и притомъ по условленной цѣнѣ, „а не по возвысившейся."

---

*) Нынѣ статья эта замѣнена ст. 173 уст. мир. суд., въ коей постановлено: „за обманъ и обвѣръ при продажѣ, куплѣ или мѣнѣ товаровъ или иныхъ вещей, а равно за другіе *обманы въ количествѣ или качествѣ товара* или въ разсчетѣ платежа или же при размѣнѣ денегъ, виновные, когда цѣна похищеннаго не превышаетъ 300 р. с., подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ одного до трехъ мѣсяцевъ."

**) Въ статьѣ: „право собственности по русскому праву, изъ лекцій Д. И. Мейера изд. А. Вицина" (Журн. Мин. Народ. Просв. 1859 г. ч. CI стр. 269) встрѣчаемъ мы слѣдующее: „бываетъ напр., что покупщикъ, не получая купленной имъ вещи, открываетъ противъ продавца искъ о правѣ собственности, тогда какъ покупщикъ въ правѣ требовать отъ продавца только „вознагражденія (??) за убытки, понесенные имъ отъ несоблюденія договора, „но *не* самую *вещь* (?), находящуюся въ рукахъ продавца."

По содержанію этой статьи мы замѣтимъ слѣдующее:

Во 1-хъ, ею дозволяется какъ бы родъ биржевой игры, ибо движимыя вещи могутъ быть проданы съ точнымъ опредѣленіемъ покупной цѣны, но съ тѣмъ чтобы передача товаровъ „in genere“ или „in specie“ была произведена лишь въ послѣдствіи времени, тогда какъ цѣна на эти вещи (товары) можетъ повыситься или понизиться; затѣмъ очевидно, что подобное измѣненіе цѣнности товара не можетъ вліять на дѣйствительность договора, ибо весьма часто договоры совершаются именно въ предвидѣніи колебаній, могущихъ послѣдовать въ цѣнности товара.

Во 2-хъ, относительно *задатка*, о коемъ говорится въ ст. 1513, представляется то соображеніе, что если задатокъ при продажѣ вещей движимыхъ установляетъ право требовать принужденія продавца судомъ къ отдачѣ проданной имъ вещи согласно условію, то это потому, что самый договоръ о продажѣ движимыхъ вещей не требуетъ никакихъ формальностей, и что онъ совершается однимъ непринужденнымъ изъявленіемъ согласія обѣихъ сторонъ, а задатокъ составляетъ какъ бы начало исполненія договора.—Возбужденъ былъ вопросъ о томъ: должно ли установить въ законѣ *мѣру задатка* или предоставить сіе взаимному соглашенію частныхъ лицъ? Окончательно было признано, что едва ли бы удобно было распространить на сдѣлки частныхъ лицъ правило, постановленное для продажи имуществъ съ публичныхъ торговъ, для которыхъ опредѣлена $^1/_{10}$ (ст. 1494 зак. гр.) и $^1/_5$ (ст. 1057 уст. гр. суд.) состоявшейся на торгахъ цѣны мѣрою задатка, ибо весьма трудно указать норму для задатка, достаточно обезпечивающую договаривающихся. Количество задатка въ практикѣ опредѣляютъ весьма различно, соображаясь съ случайными мѣстными обстоятельствами и личными качествами договаривающихся. На семъ основаніи слѣдуетъ, не опредѣляя мѣры задатка при условіяхъ частныхъ лицъ о продажѣ имущества, предоставить сіе вполнѣ собственному ихъ усмотрѣнію.

Совсѣмъ иное правило, чѣмъ въ 1513 ст. зак. гр. отно-

сительно *задатка* постановлено въ кодексѣ Наполеона: „если обѣщаніе продать или купить имущество сопровождалось задаткомъ, то каждая изъ сторонъ имѣетъ право *отказаться* отъ договора: тотъ кто заплатилъ съ потерею его, а тотъ, кто получилъ, со взысканіемъ задатка въ двойномъ количествѣ (ст. 1590)." Такимъ образомъ единственная обязательность договора состоитъ въ потерѣ или же возвращеніи въ двойномъ количествѣ задаточныхъ денегъ. Впрочемъ судебная практика признаетъ, что стороны по взаимному согласію могутъ установить и иныя условія.

По древне-*римскому* праву *задаточныя* деньги служили доказательствомъ, что продажа осуществилась, а не средствомъ избѣжанія продажи; самое же слово задатокъ „arrha" происходитъ отъ греческаго языка и означаетъ „ut reliquum reddatur" (какъ объясняетъ Потье). Задатокъ состоялъ изъ денегъ или иного движимаго имущества, напр. кольца; договоръ продажи, однажды заключенный, не могъ быть уничтоженъ даже по взаимному согласію сторонъ. Юстиніаново законодательство установило правило, принятое и кодексомъ Наполеона, что потерею или возвращеніемъ вдвойнѣ задатка договоръ продажи уничтожается. По древне-французскому праву задатокъ скрѣплялъ обязательство, имѣлъ значеніе залога: продавецъ получившій задатокъ, могъ требовать, чтобы покупщикъ принялъ отъ него купленную имъ вещь.

Ст. 1521. зак. гр. „Покупщикъ обязанъ заплатить продавцу цѣну проданнаго имущества въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ *наличными* деньгами или *обязательствами* по условію."

Статья эта установляетъ слѣдующія основанія уплаты, отличныя отъ правилъ, существующихъ для недвижимыхъ имуществъ:

а) Платежъ можетъ быть разсрочена, и послѣдовать даже послѣ передачи проданной вещи.

б) Уплата цѣны можетъ быть произведенъ не только *наличными* деньгами, но и *долговыми обязательствами*, напр. заемными письмами, векселями и пр., выданными въ прежнее

время продавцемъ, или же третьими лицами, и полученными покупщикомъ непосредственно или по передаточной надписи отъ другихъ лицъ. Сверхъ того (по мнѣнію проф. Мейера) упомянутые законы дозволяютъ продажу товаровъ съ опредѣленіемъ въ договорѣ цѣны слѣдующимъ образомъ: „по рыночной цѣнѣ, которая въ такое то время будетъ существовать“; именно проф. Мейеръ говоритъ: „не всегда при заключеніи купли-продажи возможно опредѣлить цѣну ея, а иногда приходится довольствоваться лишь указаніемъ данныхъ, достаточныхъ для точнаго опредѣленія цѣны въ послѣдствіи. Напримѣръ въ настоящее время по тѣмъ или другимъ соображеніямъ контрагенты не могутъ опредѣлить цѣну товара, и вотъ они заключаютъ куплю-продажу относительно этого товара по *цѣнѣ, какая будетъ* на него въ такое то время, причемъ обыкновенно имѣется въ виду рыночная цѣна... Но хотя бы вещь и была передана покупщику,—доколѣ онъ не заплатилъ денегъ, право собственности остается за продавцемъ, если только продажа не учинена въ кредитъ. Видъ послѣдней продажи составляетъ отпускъ товаровъ *по счету*; это собственно не купля-продажа, но законодательство постановляетъ (ст. 2045—2047 зак. гр.), что если въ теченіи шести мѣсяцевъ, со времени подписанія счета покупщикомъ товаровъ, платежъ не производится, то этотъ счетъ долженъ быть обращенъ въ заемное письмо“.

Въ нашей судебной практикѣ возбужденъ былъ вопросъ о томъ: „могутъ ли въ отношеніи уплаты покупной цѣны по продажѣ движимости быть признаны за доказательство *показанія свидѣтелей*, при существованіи безспорнаго *письменнаго* обязательства, неопровергаемаго отвѣтчикомъ? Первое общее собраніе (№ 595) признало, что при судебномъ разбирательствѣ споровъ по искамъ въ долговыхъ обязательствахъ, правила, изложенныя въ общемъ порядкѣ тяжебнаго судопроизводства, сохраняютъ свою силу (ст. 749 п. 1, ч. 2, т. X). Вмѣстѣ съ симъ при производствѣ таковыхъ споровъ, постановлено за правило, что крѣпости, записи и другія письменныя, гдѣ надлежитъ, засвидѣтельствованные договоры и всякія обязательства на товары и на

деньги, гдѣ есть подпись должника собственноручная или его законнаго повѣреннаго, буде отъ оной нѣтъ отрицанія, считаются ясными и разбору неподлежащими требованіями (п. 1, ст. 749). Очевидно, что при существованіи въ законодательствѣ нашемъ столь положительно выраженнаго правила о томъ, что безспорныя письменныя обязательства, въ случаѣ неотрицанія подписи на оныхъ, считаются ясными и неподлежащими разбору требованіями, показанія свидѣтельскія не могутъ быть принимаемы доказательствомъ, служащимъ къ опроверженію тѣхъ обязательствъ. *) Въ подобныхъ случаяхъ, какъ это именно выражено въ отношеніи закладныхъ и заемныхъ писемъ, въ доказательство платежа и уплатъ принимаются только платежныя надписи на самыхъ актахъ или ясныя по онымъ платежныя росписки или свидѣтельства въ томъ присут. мѣстѣ, черезъ посредство котораго былъ произведенъ платежъ (п. 3, ст. 749). Соображенія сіи приводятъ къ тому заключенію, что еслибы въ настоящемъ случаѣ въ доказательство произведеннаго будто бы Венгеровымъ Армашевскому платежа денегъ принять показанія представленныхъ имъ свидѣтелей, то таковое признаніе состояло бы въ явномъ противорѣчіи съ вышеуказанною ст. 749, по силѣ коей обязательство, выданное Венгеровымъ, должно быть признано требованіемъ яснымъ и разбору неподлежащимъ.

Ст. 1522 зак. гр. „Если покупщикъ, принявъ движимое „имущество отъ продавца, не заплатитъ слѣдующей за оное „цѣны, то имущество продается съ *публичнаго торгу* и вы„рученными деньгами удовлетворяется продавецъ. Если же „публичною продажею не выручится сполна цѣна по усло„вію, то недостатокъ взыскивается съ покупщика въ поль„зу продавца узаконеннымъ порядкомъ".

Съ своей стороны мы находимъ, что это постановленіе, будучи справедливо только въ томъ случаѣ, если продавецъ, *не* соглашаясь получить обратно проданнаго имущества, требуетъ уплаты ему покупной цѣны,—не выдерживаетъ критики во всѣхъ остальныхъ случаяхъ: „если покупщикъ, при-

*) Тоже постановлено въ ст. 106 уст. гражд. суд. 1864 г.

нявъ движимое имущество, не заплатитъ слѣдующей за оное цѣны", то является гораздо болѣе справедливымъ и разумнымъ возвратить это имущество продавцу и тѣмъ привести стороны въ то положеніе, въ которомъ онѣ находились до заключенія договора, этимъ продавецъ конечно не лишается права отыскивать понесенныхъ имъ убытковъ. По дѣйствующему же закону, если бы продавецъ желалъ обратно получить свое собственное имущество, и на которое никто кромѣ его не имѣетъ преимущественныхъ правъ, онъ вынужденъ купить оное съ публичнаго торга, причемъ внесенная имъ на торгахъ цѣна идетъ на его же собственное удовлетвореніе. Но при этомъ, если онъ участвуетъ въ торгахъ, то цѣна на имущество, отъ соревнованія другихъ, иногда подставныхъ покупателей, можетъ чрезмѣрно возвыситься во вредъ ему, а если онъ не участвуетъ въ торгахъ, то его имущество можетъ быть куплено третьимъ лицемъ за безцѣнокъ. Изъ статьи же 1522 можно вывести принципъ, что по передачѣ движимой вещи, хотя бы покупная цѣна не была уплачена, право собственности на эту вещь безвозвратно переходитъ къ покупщику, вопреки упомянутому выше мнѣнію проф. Мейера.

Въ заключеніе мы разсмотримъ слѣдующіе вопросы, относящіеся къ продажѣ движимыхъ имуществъ:

1) когда продажа ихъ считается уничтоженною?

2) Распространяется ли на оспариваніе договоровъ о продажѣ движимости двухгодичный срокъ, установленный закономъ для предъявленія спора противъ купчихъ крѣпостей?

3) Допускаютъ ли наши законы выкупъ проданныхъ движимыхъ имуществъ?

4) Если одна и та же вещь продана двумъ лицамъ, то за кѣмъ изъ нихъ она оставляется?

1) По первому вопросу сводъ зак. предвидитъ слѣдующіе случаи *уничтоженія* продажи движимости: а) если въ судѣ проданное движимое имущество по добротѣ своей будетъ признано несоотвѣтствующимъ условію или образцамъ (ст. 1518), и б) если покупщикъ, принявъ движимое имущество отъ продавца, не заплатитъ слѣдующей за оное

цѣны (ст. 1522). По наполн. кодексу продажа сверхъ того уничтожается: в) если въ то время, когда совершается договоръ продажи, купленная вещь уже не существуетъ (ст. 1601), и г) при продажѣ съѣстныхъ припасовъ и движимыхъ вещей, уничтоженіе продажи происходитъ само собою и безъ заявленія въ пользу продавца, какъ только истекъ срокъ, назначенный для врученія оныхъ покупщику (ст. 1657).

2) Вопросъ о томъ: распространяется ли на оспариваніе договоровъ о продажѣ движимости двухгодичный срокъ, установленный статьею 1524 зак. гр. для предъявленія спора противъ купчихъ крѣпостей?—долженъ быть разрѣшенъ отрицательно по точному смыслу упомянутаго закона. Ст. 1524 и 1525 очевидно относятся къ продажѣ *недвижимаго* имущества, которое можетъ быть пріобрѣтено только: совершеніемъ купчей крѣпости и послѣдующимъ затѣмъ вводомъ во владѣніе, причемъ двухгодичный срокъ исчисляется со дня публикаціи о вводѣ во владѣніе и прибитія о семъ объявленія къ дверямъ присутствія (ст. 1524 — 1525). Такимъ образомъ по дѣйствующимъ законамъ о продажѣ недвижимаго имущества споръ долженъ быть предъявленъ въ двухгодичный срокъ, тогда какъ продажа движимаго имущества можетъ быть оспорена въ теченіи общаго срока десятилѣтней давности (ст. 213 ч. 2, т. X). Между тѣмъ во всѣхъ иностранныхъ законодательствахъ существуетъ обратное явленіе, именно срокъ давности къ отыскиванію движимаго имущества гораздо короче, нежели срокъ давности на отыскиваніе недвижимаго имущества, ибо переходъ движимыхъ имуществъ совершается гораздо быстрѣе, нежели переходъ недвижимыхъ имуществъ, и было бы неудобно предоставить посредствомъ „rei vindicatio“ отыскивать вещь, которая между тѣмъ перешла, можетъ быть, въ десятыя руки или измѣнилась (напр. изъ шерсти сдѣлано сукно). Эти соображенія приводятъ къ тому, чтобы распространить упомянутый двухгодичный срокъ на оспариваніе продажи движимыхъ имуществъ, считая этотъ срокъ со дня передачи движимой вещи покупщику.

3) По вопросу о томъ, „допускаютъ ли дѣйствующіе законы выкупъ движимыхъ имуществъ,“ должно замѣтить, что такъ какъ движимыя вещи (ст. 398 зак. гр.) всегда признаются имуществомъ благопріобрѣтеннымъ, то выкупъ ихъ, въ томъ видѣ, какъ онъ установленъ закономъ для имуществъ *родовыхъ*, не существуетъ. Но за то относительно движимыхъ имуществъ представляется *договорное* право выкупа, именно продавецъ можетъ постановить условіе, что онъ предоставляетъ себѣ въ теченіи извѣстнаго срока выкупить проданное имущество. Подобная условная продажа есть ничто иное, какъ отдача имущества въ закладъ (ст. 1663 зак. гр.) съ правомъ закладодержателя обратить вещь въ свою собственность, если вещь эта не будетъ въ срокъ выкуплена (pignus cum pacto antichretico).

4) Наконецъ по вопросу: „если одна и та же вещь продана двумъ лицамъ, то за кѣмъ изъ нихъ она оставляется“, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: если вещь еще не была передана одному изъ покупщиковъ, то преимущество отдается тому, кому вещь продана ранѣе; если вещь была передана одному изъ покупщиковъ, то она оставляется за нимъ, хотя бы сія вещь другому покупщику была продана ранѣе, ибо по нашему мнѣнію окончательный переходъ права собственности на движимыя имущества (ст. 1510 и 707 п. 3) совершается лишь ихъ передачею. Если же одному покупщику вещь была продана по письменному акту, а другому по словесному условію, (доказанному впрочемъ надлежащимъ образомъ), то оба эти довора считаются имѣющими по формѣ своей равную силу, и вопросъ о преимуществѣ одного изъ нихъ долженъ быть разрѣшенъ на основаніи вышеизложенныхъ основаній, то-есть сообразно тому: кому ранѣе передана вещь или кому ранѣе она продана, если передачи еще не послѣдовало.

5) Вещи, не подлежащія продажѣ.

Нѣкоторыя движимыя имущества сводомъ зак. (по свойству ихъ или на основаніи того положенія, въ которомъ

онѣ находятся), изъяты изъ продажи или подлежатъ при семъ особымъ *ограниченіямъ*.

Ст. 1399. зак. гр. „Движимое имѣніе, на которое нало„женъ арестъ или секвестръ, владѣльцемъ продано быть не можетъ".

Ст. 1400. „Продажа рекрутскихъ квитанцій воспрещает„ся. Исключенія изъ сего правила изложены въ уставѣ ре„крутскомъ ст. 472, 473, 518, 519, 523 и др."

Ст. 1401. „Продажа частныхъ промессовъ на облигаціи „польскихъ займовъ, а равно и вообще *всякого рода промес„совъ* на какія-либо лоттереи *воспрещается* съ тѣмъ, что за „нарушеніе сего будетъ взыскано съ виновныхъ по силѣ „ст. 1334 улож. о наказ. изд. 1857 г." (ст. 47 уст. миров. суд.). По содержанію этой статьи проф. Мейеръ замѣчаетъ, что, иногда для болѣе легкаго и выгоднаго заключенія государственнаго займа, отъ правительства учреждается денежная лоттерея, приготовляются въ извѣстномъ числѣ равноцѣнные лоттерейные билеты и продаются желающимъ; вырученная за продажу сумма употребляется на удовлетвореніе тѣхъ или другихъ государственныхъ потребностей, и затѣмъ изъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ ежегодно извѣстная сумма, раздѣленная на нѣсколько равныхъ или неравныхъ частей, разыгрывается между опредѣленнымъ количествомъ билетовъ, число которыхъ конечно несравненно значительнѣе, нежели число выигрышей, и такимъ образомъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ — 10, 15, 20, 25, смотря по тому, какъ устроена лоттерея, государство уплачиваетъ всю занятую сумму или по крайней мѣрѣ бо́льшую часть ея. По опыту оказывается, что такимъ путемъ государственные займы бо́льшею частью совершаются довольно удачно.... Но многіе не желаютъ покупать собственно лоттерейные билеты: имъ слишкомъ скучно ждать ихъ розыгрыша, тѣмъ болѣе что №№ привлекаемыхъ къ розыгрышу билетовъ обыкновенно опредѣляются по жребію, такъ что неизвѣстность относительно выигрыша можетъ томить въ теченіи многихъ лѣтъ. И вотъ предпринимается особаго рода спекуляція, заключающаяся въ томъ, что на предположен-

ные выигрыши такого-то года учреждается особая лотерея; антрепренеръ ея обязывается заплатить собственнику билета, на который выпадаетъ тотъ или другой выигрышъ, денежную сумму, равную выигрышу, или только часть этой суммы напр. $^1/_2$, $^2/_3$ и т. д. Вотъ эти-то билеты частнаго антрепренерства и называются промессами. Кромѣ того отъ правительства учреждаются иногда безпроигрышная лотерея. Хотя не на каждый билетъ лоттереи выпадаетъ собственно выигрышъ, но каждый по крайней мѣрѣ даетъ сумму, заплаченную лицемъ, иногда даже съ нѣкоторыми процентами. И вотъ на билеты безпроигрышной лоттереи также учреждается особая лоттерея. Антрепренеръ пріобрѣтаетъ значительное число этихъ билетовъ, и потомъ, чтобы выручить заплаченныя за нихъ деньги и кромѣ того получить барышъ,—учреждаетъ особую лоттерею, билеты которой даютъ покупателямъ только *надежду* на *выигрышъ* безпроигрышнаго лоттерейнаго билета. Эти билеты на выигрышъ, гдѣ разыгрываются безпроигрышные лоттерейные билеты, также называются „промессами“. Законодательство не одобряетъ такого рода сдѣлки и запрещаетъ продажу промессовъ на томъ основаніи, что продажа ихъ не входитъ въ планъ лоттереи, учреждаемой правительствомъ, и что при этихъ сдѣлкахъ ничтожны шансы на выигрышъ, а между тѣмъ покупатели билетовъ теряютъ деньги.“ *)

Въ отношеніи вопросовъ: 1) какія вещи по свойству своему могутъ быть проданы; 2) какія вещи въ отношеніи ихъ продажи подвергнуты ограниченіямъ **), въ наукѣ гражданскаго права приняты слѣдующія основанія.

Можно продавать не только вещи, которыми владѣешь, но и то, что основано на рискѣ, (напр. рыбу, которая будетъ поймана на тонѣ неводомъ). Равнымъ образомъ можно

---

*) Въ № 281. „Сѣверной Почты“ за 1867 г. напечатанъ циркуляръ министра финансовъ, воспрещающій продажу промессовъ.

**) Постановлены особыя правила о продажѣ слѣд. вещей: 1) товаровъ съ претерпѣвшихъ крушеніе барокъ (т. XII, Уст. Пут. Сообщ. ст. 198); 2) издѣлій, вырабатываемыхъ монашествующими (т. IX зак. о сост. ст. 263); 3) напитковъ (т. V Уст. Пит. ст. 792—795, 818—820) и пр.

продать и купить право безтѣлесное, напр. сервитутъ, право наслѣдства, право тяжбы. Здѣсь необходимо коснуться и вопроса о правѣ на *литературную собственность*. Когда авторъ написалъ книгу, то онъ можетъ уступить покупщику (издателю) право напечатать ее и обратить въ продажу отдѣльные экземпляры. Такимъ образомъ продажа касается собственно предметовъ невещественныхъ,—тутъ продается собственность на мысль, которая получаетъ вещественность, лишь будучи выражена на письмѣ и напечатана. При семъ покупщикъ пріобрѣтаетъ право собственности на книгу не навсегда, а лишь на то изданіе, которое купилъ. Кромѣ того онъ не можетъ напр. ни скрыть имени автора, ни дѣлать измѣненія въ рукописи, потому что сущность написаннаго не перестаетъ принадлежать автору, а издатель получаетъ только право пользованія. Но конечно авторъ можетъ, по особому договору, уступить право на всѣ изданія, какія только будутъ.

Нельзя продавать и покупать:

1) Движимость, которая достанется по наслѣдству, еще не открывшемуся (ст. 1389 свода зак. гр.).

2) Имущество *чужое краденное* или черезъ *насиліе* или *обманъ* полученное, (ст. 1407, 1408 и 1409 свода зак. гр.)

3) Яды, запрещенное оружіе (напр. стилеты, гранаты), а также припасы и вина, испорченные или вредные для здоровья.

4) Книги запрещенныя.

5) Предметы, составляющіе монополію государства, напр. порохъ.

6) Невольниковъ, вывозимыхъ изъ-за границы (африканскихъ негровъ, калмыцкихъ и киргизскихъ дѣтей, (ст. 1404—1405 зак. гр.).

Нѣкоторыя вещи и права по свойству своему не могутъ быть подвергнуты продажѣ, напр. общественныя должности, которыя замѣщаются государственною властью въ случаѣ смерти или удаленія лица, занимавшаго ихъ *).

*) Во французской судебной практикѣ былъ по сему предмету интересный случай: одинъ чиновникъ за извѣстную сумму денегъ обязался подать въ

Кромѣ вещей, которыя не подлежатъ продажѣ: или по ихъ назначенію, или по полицейскимъ правиламъ, или по особому постановленію закона,—есть *права*,—не подлежащія отчужденію, потому что они тѣсно связаны съ лицемъ, которое ими пользуется, и могущія принадлежать безъ всякихъ ограниченій только этому лицу, (напр. право переѣзжать съ мѣста на мѣсто, право вступать въ бракъ, или заключать договоры и обязательства). Въ римскомъ законодательствѣ въ семъ отношеніи всѣ права раздѣлялись на личныя (jura personalia, personis ipsis annexa), и права неличныя или отчуждаемыя. Итакъ нужно признать, что если бы кто-либо за извѣстную сумму денегъ (цѣну) объявилъ въ особомъ актѣ, что онъ лишаетъ себя права—отмѣнить сдѣланное завѣщаніе или вступить въ бракъ, то подобное условіе вполнѣ недѣйствительно.

А. Д. Любавскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

отставку съ тѣмъ, чтобы черезъ это открыть ваканцію лицу, слѣдующему за нимъ въ служебной іерархіи. Судъ города Буржа по приговору 5-го іюля 1823 г. призналъ, что въ этомъ договорѣ не заключается ничего противузаконнаго. Напротивъ того суды: Нанси (23-го іюля 1824 г.) и Парижа (8-го ноября 1825 г.) признали подобныя сдѣлки недѣйствительными, какъ противныя добрымъ нравамъ, ибо сія сдѣлка есть родъ косвенной *продажи* самой *должности* лицемъ, ее занимавшимъ, и неимѣющимъ на продажу никакого права.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

Рѣшеніе Московской Судебной Палаты по дѣлу редактора газеты „Москва“ И. С. Аксакова съ бывшимъ секретаремъ Моск. Окр. Суда Кохновымъ. *(Редакторъ газеты не обязанъ печатать въ своемъ изданіи такихъ статей постороннихъ лицъ, которыя не составляютъ опроверженія или поправки неправильнаго „извѣстія“, напечатаннаго въ газетѣ о томъ лицѣ).*

1868 года октября 10 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Московская Судебная Палата, по Уголовному Департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Департамента Д. А. Ровинскаго, въ составѣ членовъ: Н. Н. Прейса, А. И. Котляревскаго, П. Г. Извольскаго, Л. И. Ланге, В. С. Панафидина, И. В. Селиванова и Г. Г. Кишкина, при товарищѣ прокурора Палаты А. А. Стадольскомъ и помощникѣ секретаря В. В. Добровѣ, слушала: 1) дѣло о редакторѣ-издателѣ газеты „Москва“, надворномъ совѣтникѣ Аксаковѣ, обвиняемомъ въ оскорбленіи въ печати секретаря Московскаго Окружнаго Суда Кохнова. 2) Заключеніе товарища прокурора Палаты.—Изъ дѣла видно: 12-го августа 1868 г., исправляющій должность прокурора Судебной Палаты внесъ въ Палату обвинительный актъ противъ редактора газеты „Москва“, надворнаго совѣтника Аксакова, слѣдующаго содержанія: секретарь Московскаго Окружнаго Суда Виссаріонъ Кохновъ, въ жалобѣ, поданной на имя прокурора Московскаго Окружнаго Суда и представленной прокурору Судебной Палаты, объяснилъ: въ 34 № за 1868 г. газеты „Москва“ помѣщенъ отчетъ о засѣданіи Общаго Собранія Судебной Палаты 11 мая, сопровожденный замѣткой отъ лица г. редактора Аксакова. Замѣтка эта, имѣя будто бы видъ обсужденія судеб-

наго рѣшенія, въ сущности вся наполнена оскорбительными для него, Кохнова, выраженіями: „г. Кохновъ, говорится въ ней, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, совершенно простодушно и съ нѣкоторою торжественностью становится въ позитуру секретаря не знающаго, не хотящаго знать и не признающаго обязанности знать дѣло“. Г. редакторъ, объясняетъ Кохновъ, можетъ съ своей точки зрѣнія признавать его въ печатномъ органѣ секретаремъ, не признающимъ обязанности знать дѣло, но онъ не имѣетъ основанія и права приписывать ему поступки безчестнаго свойства, оглашать его въ печати человѣкомъ, дѣйствующимъ „безъ всякаго зазрѣнія совѣсти“. Обсужденіе двумя судебными инстанціями предмета, послужившаго поводомъ къ дисциплинарному производству о немъ, не обнаружило и не могло обнаружить предосудительной сдѣлки въ немъ съ своей совѣстью. Онъ могъ невѣрно понимать свои обязанности, могъ нарушить дисциплину, и если онъ дѣйствительно ее нарушилъ, то и подвергнутъ за это въ установленномъ законами порядкѣ извѣстному взысканію, но никакая власть и лицо не въ правѣ изъ-за этого позорить самое неприкосновенное въ человѣкѣ — его совѣсть. Публичное третированіе совѣстью человѣча составляетъ дѣйствіе, послѣ котораго не остается уже въ немъ ничего не поруганнаго. Мы еще можемъ, продолжаетъ Кохновъ, снизойти къ грубому обращенію съ нашею совѣстью грубаго человѣка, имѣя судьею его и нашихъ дѣйствій только нашу собственную совѣсть, но тамъ, гдѣ, злоупотребляя свободой слова, выставляютъ наши дѣйствія, злонамѣренно мотивируя ихъ предосудительными свойстами совѣсти, и лишаютъ насъ въ то же время законнаго права возстановить, по нашему разумѣнію, свое доброе имя, тамъ всякое снисхожденіе къ подобному образу дѣйствій оскорбляющаго является несовмѣстнымъ съ неотъемлемымъ правомъ каждаго изъ насъ на уваженіе къ себѣ. Примириться съ подобнымъ оглашеніемъ, значило бы молчаливо признаться, въ глазахъ свѣта, что онъ дѣйствительно способенъ въ извѣстныхъ случаяхъ жизни поступать „безъ всякаго зазрѣнія совѣсти“. Г. редакторъ выражается далѣе категорически, что въ дѣйствіяхъ его, Кохнова, „обнаруживается явная небрежность секретаря въ исполненіи своей должности и какая-то странная, упорная неспособность его къ уразумѣнію самыхъ простыхъ понятій, самыхъ прямыхъ обязанностей своего званія....“ Послѣ того, когда Судъ произнесъ свое послѣднее слово 11 мая, навязываніе ему г. редакторомъ новаго вида обвиненія, именно такого, въ которомъ самъ Судъ не обвинялъ его, въ виду того общаго правила, что обвиняющій долженъ доказать свое обвиненіе, при непризванности къ этому редакора, по меньшей мѣрѣ

должно счесться вторженіемъ съ его стороны въ несвойственную ему сферу. Затѣмъ выраженіе г. редактора, что онъ обнаружилъ „упорную неспособность къ уразумѣнію самыхъ простыхъ понятій", является уже несомнѣнно оскорбительнымъ отзывомъ, заключающимъ въ себѣ злословіе. Въ виду 1033 стт. Св. Зак. Гр., онъ, Кохновъ, написалъ возраженіе отъ 23 мая сего года на невѣрное толкованіе редакторомъ 597 и 598 ст. Уст. Уг. Судопр., для помѣщенія въ газетѣ „Москва". Г. Аксаковъ, послѣ двукратнаго обращенія его къ нему, возвратилъ ему его рукопись частью исчерканную съ надписью, что онъ не считаетъ себя обязаннымъ печатать въ своей газетѣ его опроверженіе. На основаніи вышеизложеннаго, Кохновъ, приложивъ означенный № газеты „Москва" и подлинную статью свою съ отношеніемъ редакціи, просилъ прокурора „дать законный ходъ прошенію его съ одной стороны для побужденія г. редактора „Москвы" исполнить свою прямую обязанность, возложенную на него 1033 ст. Св. Зак. Уг., изд. 1866 г., подвергнувъ его, въ случаѣ уклоненія, всѣмъ послѣдствіямъ, изложеннымъ въ ней,—съ другой для преслѣдованія г. редактора Аксакова за помѣщеніе оскорбительнаго въ печати отзыва о немъ. Вслѣдствіе чего исправляющій должность прокурора Московской Судебной Палаты Стадольскій привлекъ къ суду издателя газеты „Москва", надворнаго совѣтника Ивана Сергѣевича Аксакова на основаніи 1033 и 1040 ст. Ул. о наказ. изд. 1866 г. п. 1, 3 и 7 Высочайше утвержденнаго 12 декабря 1866 г. мнѣнія Государственаго Совѣта. Въ замѣткѣ, которая полужила поводомъ къ оскорбленіямъ г. Кохнова, напечатано: „Положенъ ли наконецъ конецъ этому странному, диковинному дѣлу? Секретарь, не знающій дѣла, возводится своими защитниками чуть не въ героя: незнаніе дѣла возводится въ право, неисполненіе обязанности въ обязанность. Г. Кохновъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, совершенно простодушно и съ нѣкоторою торжественностью, становится въ позитуру секретаря не знающаго, не хотящаго знать и не признающаго обязанности знать дѣло, и вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ идутъ наивныя разсужденія о томъ: нужно ли и въ самомъ дѣлѣ секретарю знать дѣло? Не выработала ли судебная практика и не имѣлъ ли въ виду новый судебный Уставъ создать типъ секретаря, необязаннаго изучать дѣло, что-то въ родѣ стенографической машинки, механически передающей бумагѣ процессъ судоговоренія? Законъ не предписываетъ секретарю изучать дѣло! говоритъ очень серьезно защитникъ Кохнова, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Предписываетъ ли законъ, это другой вопросъ, но что простой здравый смыслъ это предписываетъ—такъ это вѣрно, и такъ ясно предписыва-

етъ, что въ особенномъ предписаніи закона нѣтъ и надобности. Да и по закону, секретарь обязанъ въ протоколѣ, по дѣламъ, производящимся безъ присяжныхъ (а таковы именно дѣла о бродягахъ) отличать разность между показаніями, данными въ судѣ, на судебномъ слѣдствіи, и прежде данными показаніями тѣхъ же лицъ (ст. 835 и 839 Уст. Уг. Судопр.), а этого онъ и исполнить не можетъ, если не знаетъ дѣла. Секретарь можетъ быть замѣненъ помощникомъ, въ случаѣ внезапной болѣзни, говорятъ намъ. Да и прокуроръ можетъ быть точно также замѣненъ своимъ товарищемъ въ подобномъ же случаѣ: слѣдуетъ ли изъ этого, что и прокуроръ не обязанъ знать дѣло? Странно слышать подобныя разсужденія въ оградѣ суда! Странно видѣть секретаря, который домогается для себя права—не знать дѣла! Такое оправданіе хуже вины. По нашему мнѣнію, здѣсь самый вопросъ былъ поставленъ неправильно: здѣсь не было ослушанія, и въ этомъ смыслѣ не было и повода къ дисциплинарному производству: здѣсь обнаруживается явная небрежность секретаря въ исполненіи своей должности и какая-то странная, упорная неспособность его къ уразумѣнію самыхъ простыхъ понятій, самыхъ прямыхъ обязанностей своего званія...“ Опроверженіе, доставленное г. Кохновымъ къ г. Аксакову, для напечатанія въ газетѣ „Москва“, написано въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Г. редакторъ! Во 34 № издаваемой Вами газеты помѣщенъ отчетъ о засѣданіи Судебной Палаты 11-го мая, сопровождаемый замѣткою отъ Вашего лица. Считаю необходимымъ сдѣлать по этому поводу слѣдующія возраженія: 1) по дѣламъ, производящимся безъ присяжныхъ, секретарь записываетъ безразлично показанія какъ согласныя, такъ и несогласныя съ протоколами предварительнаго слѣдствія, и затѣмъ свѣряя, послѣ засѣданія, свои замѣтки съ подлиннымъ дѣломъ, вноситъ въ протоколъ одни лишь показанія несогласныя съ прежде данными показаніями тѣхъ же лицъ. При такомъ отношеніи къ дѣлу сохраняется полная возможность занести въ протоколъ все, до самыхъ, по видимому, маловажныхъ разнорѣчій въ показаніяхъ. Основываясь же на предварительномъ ознакомленіи съ дѣломъ, секретарь легко можетъ не замѣтить нѣкоторой разности показаній, нерѣдко весьма важной въ уголовныхъ дѣлахъ, и сочтя новое показаніе не болѣе какъ за повтореніе прежняго, оставитъ его безъ всякаго вниманія. Изъ сказаннаго очевидно, что сущность дѣла заключается не въ необходимости изучать дѣло до засѣданія, но въ возможности точно и вѣрно записать все происходившее на засѣданіи, и затѣмъ, имѣя подъ рукою дѣло, отдѣлить нужное отъ ненужнаго для составленія протокола. Достигнуть же этого можно и безъ зна-

комства съ дѣломъ по существу. Но съ другой стороны, къ какой бы мѣрѣ секретарь ни ознакомился съ дѣломъ, онъ не можетъ и не долженъ составлять протокола не имѣя подъ рукою подлиннаго производства. Если къ этому принять во вниманіе, что всякое дѣло, до разсмотрѣнія его, находится въ теченіи нѣсколькихъ дней, смотря по обширности его, въ рукахъ предсѣдателя, что за долго до дня засѣданія оно изучается постоянно защитникомъ и обвинителемъ, а нерѣдко разсматривается и самимъ подсудимымъ; если не упускать изъ виду, что каждое такое дѣло находится въ рукахъ канцеляріи въ постоянномъ дѣлопроизводствѣ; если, съ другой стороны, не забывать, что у секретаря въ общемъ движеніи дѣлъ есть постоянныя занятія, прямо возложенныя на него закономъ,—то при всемъ желаніи секретаря знакомиться съ сущностью дѣлъ, ознакомленіе его по необходимости отрывочное и не всегда заблаговременное, весьма понятно, будетъ уступать знакомству, какого можно ожидать и требовать отъ судьи или прокурора. При старомъ порядкѣ судопроизводства, когда въ рукахъ секретаря-докладчика сосредоточивались всѣ отправленія судебнаго мѣста, незнаніе сущности дѣла обнаружило бы безспорно „явную небрежность секретаря въ исполненіи своей обязанности“. Воспитанные практикою старыхъ судовъ, какъ видно, смутно представляютъ себѣ ту разграничительную черту, которую не трудно распознать при нѣсколько внимательномъ разсмотрѣніи судебныхъ уставовъ: они очевидно смѣшиваютъ канцелярію съ судомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Для нихъ секретарь всегда представляется съ аттрибутами судьи, а судья всюду съ пріемами административнаго начальства. Они не знаютъ, или не хотятъ знать, что до дня засѣданія заинтересованныя въ дѣлѣ лица ждутъ отъ канцеляріи, ближайшій надзоръ за дѣлопроизводствомъ въ которой принадлежитъ секретарямъ, одного только—точнаго и своевременнаго приведенія въ исполненіе всѣхъ распорядительныхъ постановленій суда для подготовки дѣла къ безпрепятственному разрѣшенію его въ назначенное время. Для подсудимаго не важно, знаетъ или не знаетъ секретарь страницу дѣла; для него несравненно важнѣе, позаботился ли онъ своевременно привести въ исполненіе вызовъ, напримѣръ, новыхъ свидѣтелей ко дню засѣданія и т. п. И чѣмъ менѣе секретарь вдается въ изученіе существа дѣла, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, останется времени для судей и сторонъ изучить его, тѣмъ, само собою разумѣется, это болѣе основательное знакомство съ дѣломъ со стороны судей и сторонъ отзовется благотворнѣе на исходъ самаго процесса. Послѣ засѣданія, когда, относительно говоря, не представляется въ дѣлѣ надобности ни для кого, оно стано-

вится необходимо нужнымъ секретарю при составленіи протокола. Какъ до засѣданія подсудимый ждалъ отъ секретаря внѣшней только подготовки дѣла, основывающейся исключительно на распоряженіяхъ суда, такъ теперь, послѣ засѣданія, онъ ждетъ отъ него безпристрастнаго протокола, основаннаго исключительно на веденныхъ имъ замѣткахъ въ засѣданіи и справкахъ съ разрѣшеннымъ уже дѣломъ. Тамъ подсудимый заботился только о томъ, чтобы предоставленныя ему до засѣданія права по суду были исполнены; здѣсь онъ уже заботится о томъ, чтобы осуществившіяся или неосуществившіяся права его на засѣданіи были засвидѣтельствованы. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ ждетъ этого отъ секретаря. И секретарь, который и тогда и теперь удовлетворилъ его ожиданіямъ, можетъ быть названъ вполнѣ исполнившимъ свою обязанность. Ни совѣсть подсудимаго, ни разумъ законодателя не требуютъ отъ него ни бо́льшаго, ни меньшаго. Исполнитель до засѣданія, „стенографъ“ на засѣданіи, добросовѣстный составитель протокола послѣ засѣданія—вотъ все, чѣмъ исчерпывается сфера обязанностей и правъ секретаря при новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. 2) Г. редакторъ замѣчаетъ: „секретарь можетъ быть замѣненъ помощникомъ въ случаѣ внезапной болѣзни. Да и прокуроръ можетъ быть также замѣненъ своимъ товарищемъ въ подобномъ же случаѣ: слѣдуетъ ли изъ этого, вопрошаетъ редакторъ, что прокуроръ не обязанъ знать дѣло?“ Нисколько не слѣдуетъ,—прокуроръ долженъ знать дѣло, секретарь можетъ и не знать, да и нѣтъ ему надобности, какъ показано выше, знать дѣло: интересы правосудія отъ этого ни на волосъ не пострадаютъ. Сравнивая между собою 597 и 598 стт. Уст. Уг. Судопр., нельзя не обратить прежде всего вниманія на грамматическую форму, въ которой выражена замѣна, въ первой—прокурора, во второй—секретаря. Эта разница въ формѣ выраженій обусловливается различіемъ отношеній, въ какихъ находятся прокуроръ и секретарь къ разсматриваемому дѣлу. Интересы правосудія, какъ сказано выше, не пострадаютъ ни на волосъ вслѣдствіе распоряженія предсѣдателя замѣнить секретаря всякимъ другимъ лицемъ. Такого права не дано предсѣдателю, да и немыслимо оно по отношенію къ прокурору. Прокуроръ только самъ можетъ замѣнить себя, очевидно потому, что здѣсь требуется не одно только соблюденіе формы въ лицѣ человѣка, который послѣ засѣданія могъ бы изложить на бумагѣ все, что онъ видѣлъ и слышалъ на судѣ, но потому, что здѣсь необходимо уже присутствіе лица, которое должно разъяснять обстоятельства дѣла и участвовать въ заключительныхъ преніяхъ. Если въ данномъ случаѣ прокуроръ не можетъ указать на такое лицо, то нѣтъ никакого

сомнѣнія, что засѣданіе продолжаемо быть не можетъ. И какой добросовѣстный прокуроръ, полагающій свое призваніе не въ томъ только, чтобы во что бы то ни стало обвинять, но всегда помнящій, что законъ, вооружая его требованіемъ возмездія, преподноситъ ему въ то же время самое великое право совѣсти отказаться въ извѣстномъ случаѣ отъ обвиненія, рѣшится произнесть при поверхностномъ знакомствѣ съ дѣломъ, обвинительную рѣчь, не смутивъ своей совѣсти, или заявить, что не поддерживаетъ обвинительнаго акта, не боясь своимъ отказомъ нарушить требованія справедливости? Изъ сказаннаго очевидно, что не каждый прокуровъ можетъ замѣнить каждаго, но только тотъ, на основательное знакомство котораго съ дѣломъ замѣняемый можетъ вполнѣ положиться, тогда какъ каждый секретарь можетъ быть замѣненъ не только каждымъ помощникомъ, но даже, по буквѣ закона, и другимъ лицомъ. Придерживаясь сравненія, которое въ данномъ случаѣ сдѣлалъ г. редакторъ между прокуроромъ и секретаремъ, пришлось бы заключить, что при обязанности секретарей знать на равнѣ съ прокурорами дѣло, всѣ секретари и помощники ихъ только и занимались бы что изученіемъ дѣла каждый у каждаго, на случай замѣны на засѣданіи одного изъ нихъ другимъ. 3) Обращаясь за симъ къ формѣ изложенія замѣтки, нельзя не остановиться на слѣдующихъ двухъ фразахъ г. редактора: „секретарь, не знающій дѣла, говоритъ онъ, возводится своими защитниками чуть не въ героя.“ При всемъ удовольствіи слышать, что Кохновъ имѣлъ за себя не одного, а нѣсколькихъ защитниковъ, все-таки желательно, чтобы г. редакторъ разъяснилъ, кого разумѣетъ онъ подъ этими защитниками, такъ какъ, сколько извѣстно, Кохновъ пользовался защитою на судѣ одного только лица достопочтеннаго М. И. Доброхотова. „И вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, продолжаетъ далѣе г. редакторъ, идутъ наивныя разсужденія о томъ, нужно ли и въ самомъ дѣлѣ секретарю знать дѣло?“ Разсужденія, происходившія, по собственнымъ словамъ г. редактора, въ оградѣ суда. Позволительно думать, что при томъ уваженіи къ суду, какое старается развить въ обществѣ журналистика въ лучшихъ своихъ органахъ, предметъ обсужденія двухъ судебныхъ инстанцій заслуживалъ бы со стороны г. редактора названія болѣе достойнаго, чѣмъ „наивныя разсужденія.“ Приглашая г. редактора напечатать въ узаконенный срокъ настоящее возраженіе, Кохновъ предоставляетъ ему самому обсудить на сколько онъ имѣлъ основанія и права огласить его въ печати „безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, становящимся въ позитуру сесекретаря не знающаго“ и т. д., „упорно неспособнымъ къ уразумѣнію самыхъ простыхъ понятій“, „обнаружившимъ явную

небрежность въ исполненіи своей должности", обстоятельствѣ, въ которомъ даже самъ судъ не находилъ возможнымъ обвинять Кохнова. На судебномъ засѣданіи редакторъ газеты „Москва" Аксаковъ относительно перваго пункта обвиненія просилъ Палату обратить вниманіе на то, что помѣщеніе возраженія частныхъ лицъ обязательно только тогда, когда въ повременномъ изданіи напечатано извѣстіе, касающееся этихъ лицъ, что его замѣтка не есть извѣстіе это доказывается собственными словами офиціальной жалобы г. Кохнова, поданной имъ г. прокурору. Онъ пишетъ: „въ виду 1033 ст. Св. Зак. Уг., онъ, Кохновъ, написалъ возраженіе на невѣрное толкованіе редакторомъ 597 и 598 ст. Уст. Уг. Судопр., для помѣщеная въ газетѣ „Москва", но онъ, Аксаковъ, его не принялъ. Не принятая имъ статья г. Кохнова, и въ самомъ дѣлѣ, ни болѣе ни менѣе какъ диссертація на отвлеченную тему объ обязанностяхъ секретаря и прокурора при нынѣшней формѣ суда. Еслибы статья г. Кохнова и не была диссертаціей, даже не отвѣтомъ на обиду, а дѣйствительно опроверженіемъ извѣстія, то-есть соотвѣтствовала вполнѣ всѣмъ условіямъ, дѣлающимъ для редактора обязательнымъ помѣщеніе возраженія, то и тогда она не могла бы быть помѣщена въ силу § 28 законоположенія о печати 6-го апрѣля. На основаніи этого §, возраженіе можетъ быть не болѣе какъ вдвое длиннѣе статьи, подавшей къ нему поводъ. Но на его замѣтку въ 48 строкъ, г. Кохновъ представилъ возраженіе, которое, по разсчету буквъ, составило бы 178 строкъ, то-есть въ четверо длиннѣе замѣтки. Слѣдовательно, еслибы даже помѣщеніе статьи г. Кохнова было обязательно по содержанію, онъ имѣлъ бы полное право отказать ему въ напечатаніи на основаніи одной ея формы. Несмотря на все нежеланіе снова поднимать въ печати споръ объ обязанностяхъ секретаря, споръ только что законченный рѣшеніемъ Судебной Палаты и окончанію котораго онъ только что выразилъ свою радость въ извѣстной замѣткѣ, несмотря на все это, получивъ статью отъ г. Кохнова, онъ, Аксаковъ, заявилъ ему о своемъ согласіи ее напечатать, но съ тѣми сокращеніями и перемѣнами, какія онъ, какъ редакторъ, признавалъ нужными. Именно онъ предлагалъ ему ограничиться одною сущностью дѣла, опустивъ лично къ нему обращенные намеки, такъ чтобы ему можно было напечатать его статью безъ всякихъ съ его стороны возраженій и примѣчаній, то-есть не втягиваясь въ новую и безплодную полемику. Г. Кохновъ взялъ статью, кое-что измѣнилъ, но кое-что прибалъ еще въ худшемъ смыслѣ, обвиняя его Богъ знаетъ съ чего въ неуваженіи къ суду и въ концѣ статьи присоединилъ слѣдующее требованіе: „Приглашаю г. редактора напечатать въ узаконенный срокъ на-

стоящее возраженіе". Такъ какъ г. Кохновъ самъ не исполнилъ его, Аксакова, редакторскаго требованія и такъ какъ исполнять приглашеніе г. Кохнова, да еще въ узаконенный срокъ, онъ ни по какому закону себя обязаннымъ не считалъ, то онъ и возвратилъ ему статью съ надписью, что предоставляетъ Кохнову печатать ее въ другой газетѣ. Относительно обвиненія его въ оскорбленіи г. Кохнова, редакторъ Аксаковъ, замѣтилъ, что г. Кохновъ первоначально и не думалъ искать съ него за оскорбленіе, а затѣялъ этотъ искъ уже послѣ того, какъ онъ отказался помѣстить его возраженіе на неправильное толкованіе устава объ уголовномъ судопроизводствѣ. Въ концѣ этой своей статьи, гдѣ онъ излагаетъ свои собственныя толкованія, г. Кохновъ говоритъ въ заключеніи слѣдующее: „Приглашая г. редактора напечатать въ узаконенный срокъ настоящее возраженіе, я предоставляю ему самому обсудить, на сколько онъ имѣлъ основанія и права огласпть меня въ печати „безъ всякаго зазрѣнія совѣсти становящимся въ позитуру секретаря не знающаго дѣла и т. д., упорно неспособнымъ къ уразумѣнію самыхъ простыхъ понятій, обнаружившпмъ явную небрежность въ исполненіи своей должности" и проч. Стало быть г. Кохновъ не находилъ достаточнаго повода къ иску въ оскорбленіп, если предоставлялъ ему самому обсудить, насколько было основанія въ его словахъ; ибо когда начинаютъ искъ въ обидѣ, то предоставляютъ такое обсужденіе самому суду, а отнюдь не обидѣвшему. Если же предоставляютъ обсужденіе обидѣвшему, значитъ не находятъ оскорбленія достаточно сильнымъ. Первое условіе оскорбленія, съ юридической точки зрѣнія, это сознаніе оскорбленія и заявленіе объ оскорбленіи самимъ оскорбленнымъ. Теперь же онъ въ одно и то же время и проситъ о напечатаніи статьи, въ которой предоставляетъ ему самому обсудить основательность его о немъ возраженій, и предоставляетъ обсужденіе этихъ выраженій суду, съ цѣлію подвергнуть его, Аксакова, за нихъ уголовному взысканію. Въ заключеніе г. Аксаковъ доказывалъ, что въ выраженіяхъ, употребленныхъ имъ въ замѣткѣ, напечатанной въ № 34-мъ газеты „Москва", не содержится ни злословій, ни тѣхъ оскорбительныхъ отзывовъ, о которыхъ упоминается въ 1040 ст. Улож. о нак. Въ объясненіи своемъ на судѣ г. секретарь Окружнадо Суда Кохновъ между прочимъ сказалъ, что при томъ уваженіи, какимъ пользуется г. Аксаковъ и его газета въ извѣстной части извѣстнаго кружка, при той важности, при томъ значеніи, которое имѣетъ свободная печать въ каждой странѣ, а слѣдовательно и въ нашемъ отечествѣ, онъ менѣе чѣмъ кто-либо другой желаетъ прекращенія изданія газеты г. Аксакова и назначенія ему судомъ какого-либо наказанія,

и что г. Аксаковъ увидитъ изъ этого процесса, что если не всегда подвергаются отвѣтственности за оскорбленіе подобныхъ неважныхъ должностныхъ лицъ, какъ онъ, то по крайней мѣрѣ нарушители закона всегда привлекаются къ отвѣтственности. По обвинительному акту прокурора Судебной Палаты редакторъ газеты „Москва“ Аксаковъ привлеченъ къ суду, на основаніи 1033 и 1040 ст. Улож. о наказ., во 1-хъ) за то, что онъ въ нарушеніе 27 § Устава о печати 6-го апрѣля, не напечаталъ въ издаваемой имъ газетѣ опроверженія, доставленнаго ему г. секретаремъ Окружнаго Суда Кохновымъ, и во 2-хъ) за то, что онъ въ замѣткѣ, напечатанной имъ въ № 34-мъ газеты „Москва“, помѣстилъ оскорбительный для г. Кохнова отзывъ и дозволилъ противъ него злословіе. Относительно перваго предмета въ Уставѣ о печати 6-го апрѣля 1865 г. сказано: „Если въ повременномъ изданіи появится извѣстіе, касающееся частнаго лица, то изданіе сіе не можетъ отказать въ принятіи сообщенныхъ ему тѣмъ лицомъ въ отвѣтъ возраженій и поправокъ.“ (§ 27) „Возраженіе или поправка частнаго лица должны быть неотложно напечатаны тѣмъ же шрифтомъ и въ томъ же отдѣлѣ, какъ и первоначальное извѣстіе, и при томъ безплатно, если занимаютъ мѣста не болѣе какъ вдвое противъ статьи, на которую служатъ отвѣтомъ“. (§ 28) Изъ прочтенныхъ на судѣ бумагъ и изъ разъясненій, данныхъ г. редакторомъ Аксаковымъ словесно, видно: 1) что въ № 34-мъ газеты „Москва“ напечатанъ отчетъ о публичномъ засѣданіи общаго собранія Судебной Палаты по дисциплинарному производству, возбужденному противъ г. Кохнова. Въ концѣ отчета помѣщена замѣтка, заключающая личное сужденіе редактора о ходѣ этого дѣла. Въ ней г. редакторъ доказываетъ справедливость доводовъ судебнаго рѣшенія о томъ, что секретарь обязанъ знакомиться съ дѣломъ до публичнаго засѣданія, и съ своей стороны замѣчаетъ, что въ разсматриваемомъ случаѣ не было со стороны секретаря ослушанія, что здѣсь обнаружилась явная небрежность его въ исполненіи своей должности и что въ этомъ слыслѣ не было и повода къ возбужденію дисциплинарнаго пропзводства. Никакого *извѣстія*, относящагося до г. Кохнова, ни въ этой замѣткѣ, ни въ изложеніи отчета *не сообщается*. 2) Статья, доставленная г. Кохновымъ для напечатанія на основаніи 27 § Устава о печати, составляетъ возраженіе не на отчетъ и не на замѣтку, а на невѣрное толкованіе 597 и 598 ст. Уст. Уг. Судопр. Въ ней содержится разъясненіе обязанностей секретаря и прокурора при старомъ и новомъ судопроизводствѣ, и приводятся доказательства тому, что секретарь при новомъ дѣлопропзводствѣ знакомиться съ дѣломъ до засѣданія необязанъ. По исчисленію редактора Акса-

кова, статья эта вчетверо болѣе замѣтки, напечатанной въ № 34-мъ газеты „Москва“. Такимъ образомъ по первому предмету обвиненія слѣдуетъ придти къ положительному заключенію о томъ, что никакого *извѣстія*, упоминаемаго въ § 27-мъ Уст. о печати 6-го апрѣля, о г. Кохновѣ въ № 34-мъ газеты „Москва“ *сообщаемо не было*, что затѣмъ редакторъ Аксаковъ имѣетъ полное право отказаться отъ напечатанія статьи г. Кохнова, какъ несоставляющей *ни возраженія, ни поправки* противъ сообщеннаго въ газетѣ его *извѣстія*, не говоря уже о томъ, что отказаться отъ такого напечатанія г. Аксаковъ имѣлъ полное право и на томъ основаніи, что статья г. Кохнова значительно превышаетъ размѣры, дозволенные 28-мъ § того же закона. По второму обвиненію, въ жалобѣ, поданной на имя прокурора Московскаго Окружнаго Суда и повторенной въ обвинительномъ актѣ, г. Кохновъ считаетъ для оскорбительными слѣдующія выраженія, употребленныя въ замѣткѣ: „г. Кохновъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, совершенно простодушно и съ нѣкоторою торжественностью становится въ позитуру секретаря не знающаго, не хотящаго знать и не признающаго обязанности знать дѣло“. . . . „въ дѣйствіяхъ его обнаруживается явная небрежность секретаря въ исполненіи своей должности и какая-то странная, упорная неспособность его къ уразумѣнію самыхъ простыхъ понятій, самыхъ прямыхъ обязанностей своего званія“. Г. Кохновъ доказываетъ, что этими выраженіями редакторъ Аксаковъ приписываетъ ему поступки безчестнаго свойства, и оглашаетъ его въ печати человѣкомъ дѣйствующимъ „безъ всякаго зазрѣнія совѣсти“, тогда какъ обсужденіе его дѣла въ двухъ инстанціяхъ не обнаружило въ немъ предосудительной сдѣлки съ своей совѣстью, что судомъ онъ подвергнутъ взысканію за нарушеніе своей обязанности, но что въ силу этого рѣшенія никто не въ правѣ позорить самое неприкосновенное въ человѣкѣ его совѣсть, и что за тѣмъ выраженіе „упорная неспособность къ уразумѣнію самыхъ простыхъ понятій“ является со стороны редактора несомнѣнно оскорбительнымъ отзывомъ, заключающимъ въ себѣ злословіе. Вслѣдствіе чего г. Кохновъ проситъ подвергнуть редактора Аксакова наказанію, указанному въ 1040 ст. Ул., за оскорбительный о немъ отзывъ и злословіе. Разсматривая каждое изъ приведенныхъ г. Кохновымъ выраженій порознь, нельзя не согласиться, что выраженіе „безъ всякаго зазрѣнія совѣсти“, отдѣльно взятое, могло показаться оскорбительнымъ для г. Кохнова; но рядомъ съ сопровождающими его прилагательными „совершенно простодушно и съ нѣкоторою торжественностію“, выраженіе это теряетъ тотъ оскорбительный характеръ, который старает-

ся придать ему г. Кохновъ. При этой обстановкѣ, рѣзкій и насмѣшливый тонъ замѣтки могъ уязвить самолюбіе г. Кохнова, но не представляетъ достаточныхъ основаній обвинять редактора въ томъ, чтобы онъ хотѣлъ приписать г. Кохнову поступки безчестнаго свойства и позорить его совѣсть, и чтобы въ употребленныхъ г. редакторомъ выраженіяхъ заключались тѣ оскорбительные отзывъ и злословіе, о которомъ говорится въ 1040 ст. Улож. о наказ., и которые могутъ подлежать преслѣдованію судебнымъ порядкомъ. Выраженіе, что онъ, Кохновъ, обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ „упорную неспособность къ уразумѣнію самыхъ простыхъ понятій", представляетъ еще менѣе основаній для обвиненія въ злословіи. Въ этихъ выраженіяхъ, правда довольно рѣзкихъ, выразилось личное мнѣніе редактора: редакторъ удивляется тому, что г. Кохновъ, не смотря на два рѣшенія судебныхъ мѣстъ, истолковавшихъ обязанности секретаря на судѣ одинаково, продолжаетъ упорно отстаивать свое мнѣніе. Что въ самомъ началѣ г. Кохновъ и не придавалъ всѣмъ этимъ выраженіямъ значенія оскорбительнаго отзыва и злословія и не имѣлъ намѣренія возбуждать преслѣдованія за нихъ судебнымъ порядкомъ, это ясно изъ того, что въ статьѣ своей, посланной редактору Аксакову, положительно говоритъ: „*предоставляю самому редактору обсудить*, на сколько онъ имѣлъ *основанія* и *права* огласить меня въ печати „безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, становящимся въ позитуру секретаря не знающего" и т. д., „упорно неспособнымъ къ уразумѣнію самыхъ простыхъ понятій", „обнаружившимъ явную небрежность въ исполненіи своей должности", обстоятельствѣ, въ которомъ даже самъ судъ не находилъ возможнымъ обвинять меня". Наконецъ, во время судебнаго засѣданія, въ объясненіяхъ своихъ г. Кохновъ снова положительно заявилъ, что онъ менѣе, чѣмъ кто другой, желаетъ назначенія г. Аксакову судомъ какого-либо наказанія (§ 27 Уст. о печати, 1040 и 157 ст. Ул. о наказ.). Повсѣмъ этимъ доводамъ Судебная Палата находитъ: что статья, доставленная г. Кохновымъ, не составляетъ того опроверженія, которое г. редакторъ обязанъ былъ напечатать на основаніи 27 и 28 § Уст. о печати, что выраженія, употребленныя г. редакторомъ въ замѣткѣ, напечатанной имъ въ № 34-мъ газеты „Москва", не могутъ быть отнесены къ разряду тѣхъ выраженій, о которыхъ упоминается въ 1040 ст. Ул. о наказ. подъ именемъ злословія. А потому *опредѣляетъ*: редактора-издателя газеты „Москва", надворнаго совѣтника Ивана Сергѣевича Аксакова, на основаніи 1 п. 771 ст. Уст. Уг. Судопр., признать по суду оправданнымъ.

II.

Рѣшеніе Московской Судебной Палаты по дѣлу подполковника Захарія Постовскаго, судившагося въ Московскомъ Окружномъ Судѣ по обвиненію въ обманныхъ поступкахъ.

1868 года ноября 19-го дня по Указу Его Императорскаго Величества Московская Судебная Палата по Гражданскому Департаменту въ распорядительномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ членовъ Н. Д. Игнатьева, въ составѣ членовъ: Н. А. Слѣпцова, А. К. Фриде, Б. А. Миллера, В. С. Арсеньева, С. Н. Раевскаго и М. Д. Языкова, при товарищѣ прокурорѣ Палаты Н. А. Монассеинѣ, слушала: 1) докладъ члена С. Н. Раевскаго о существѣ, переданнаго при указѣ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, отъ 31-го августа 1868 года, слѣдствія о противузаконныхъ поступкахъ отставнаго подполковника Захарія Постовскаго со вдовою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дарьею Ликъ; 2) обвинительный актъ бывшаго товарища прокурора Московскаго Окружнаго Суда Крахта; 3) справку изъ дѣла сего, и 4) заключеніе товарища прокурора Палаты Н. А. Манассеина. Изъ обстоятельствъ дѣла сего видно: вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дарья Адамовна Ликъ 12-го января 1866 года подала прошеніе на имя московскаго генералъ-губернатора и объяснила въ ономъ, что по завѣщанію умершаго мужа она наслѣдовала домомъ въ Москвѣ и имѣніемъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, приносившими ей до 5000 р. сер. дохода въ годъ. По просьбамъ, состоящаго съ нею въ родствѣ, подполковника Захара Константиновича Постовскаго, женатаго на внучкѣ умершаго мужа ея Ликъ и вкравшагося въ ея довѣріе (л. 4 подл. дѣл.) домъ и имѣніе проданы лекарю Шварцу за 47.000 руб. подъ срочные векселя. Совершивъ 27-го апрѣля 1865 года на все ея имѣніе купчую крѣпость, Постовскій уговорилъ ее взятые у покупщика Шварца векселя на 23.600 руб. размѣнять на деньги и, для достиженія этой цѣли, сдѣлать на нихъ безоборотныя бланковыя надписи, а самый размѣнъ поручить ему (л. 4). Еще прежде этого Постовскій признался ей Ликъ, что состоитъ должнымъ г. Шемшурину 4600 руб. а г. Барскому 3000 руб. и просилъ позволить ему уплатить эти деньги векселями Шварца, на пріемъ которыхъ кредиторы согласятся, въ замѣнъ же векселей Шварца, на 7600 руб., Постовскій обѣщался выдать ей Ликъ вексель отъ своего имени на

7500 руб.; но, уплативъ долги свои Шемшурину и Барскому принадлежащими ей Ликъ, векселями Шварца, ни денегъ ей не возвратилъ, ни обѣщаннаго векселя не выдалъ (л. 4). 2) Тотъ же подполковникъ Постовскій, заявляя ей, что онъ состоитъ должнымъ врачу Шварцу по векселю 7000 руб., упросилъ ее Ликъ подписаться на этомъ векселѣ поручительницею. Хотя г. Шварцъ отсовѣтывалъ ей ручаться за Постовскаго, но этотъ послѣдній достигъ предположенной имъ цѣли тѣмъ, что устрашалъ ее, что если его заключатъ въ домъ неисправныхъ должниковъ, то а) продажа имѣнія ея Шварцу не состоится; б) онъ не будетъ въ состояніи сдѣлать выгодное для ея Ликъ пріобрѣтеніе имѣнія генерала Юкичева, и в) она Ликъ не получитъ и денегъ по взятымъ имъ Постовскимъ, на погашеніе долговъ Шемшурину и Барскому, векселямъ (л. 5). 3) Проданный г. Шварцу домъ ея Ликъ до продажи состоялъ въ залогѣ у статскаго совѣтника Кондратенко за 15000 руб. сер. Пріобрѣтая означенный домъ г. Шварцъ уплатилъ г. Кондратенко 8000 руб. деньгами, а на остальные 7000 руб. выдалъ ему вексель по 27 апрѣля 1866 года. Имѣя въ рукахъ двухгодичные векселя Шварца, выданные ей Ликъ при покупкѣ имѣнія, и зная, что при размѣнѣ срочныхъ векселей онъ потеряетъ много на дисконтъ, Постовскій уговорилъ г. Кондратенко обмѣняться съ нимъ векселями, то-есть выдать ему годовой вексель Шварца и получить въ замѣнъ онаго двухгодовые, и когда г. Кондратенко на это согласился, то полученный отъ него годовой вексель Постовскій размѣнялъ у г-жи Микульшиной, а ей Ликъ объяснилъ, что за дисконтъ слѣдуетъ заплатить г-жи Микульшиной еще 1000 руб. Но такъ какъ на эту сумму у него, Постовскаго, денегъ нѣтъ, а векселя отъ него г-жа Микульшина принять не желаетъ, то необходимо ей, Ликъ, выдать таковой отъ ея имени на годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Постовскій предъявилъ ей для подписанія вексельный бланкъ, увѣряя ее, *что годовой вексель* на сумму 1000 руб. онъ вышлетъ послѣ, а въ то время ему было нѣкогда, писаря будто не было дома (л. 5). Между тѣмъ черезъ недѣлю она, Ликъ получила протестъ по векселю на имя Микульшиной. Вексель этотъ оказался выданнымъ не на годъ, а по предъявленіи и не на 1000 руб., а на сумму въ 2730 р. Когда же она потребовала отъ Постовскаго въ этомъ дѣйствіи отчетъ, то онъ объявилъ, что она должна платить, иначе ее посадятъ въ долговое отдѣленіе, ему же возиться съ нею нѣкогда. 4) Сверхъ всего изложеннаго, такъ какъ воспользовавшись ея капиталомъ, г. Постовскій, за уплатою Шемшурину 4600 руб. и Барскому 3000 руб. и за дисконтомъ векселя въ 7000 руб., все же долженъ былъ дать ей отчетъ еще въ 9000 р., то 10 декабря

1865 года, вмѣсто векселей Шварца на 9000 руб., онъ привезъ ей вексель въ 6000 руб., выданный генералъ-майоромъ Юкичевымъ, за поручительствомъ артиста Шеломытова (зятя Постовскаго). Когда же вексель Микуляшиной оказался протестованнымъ черезъ недѣлю, и Ликъ потребовала отъ Поставскаго отчетъ въ 9000 руб., та онъ выдалъ ей еще вексель въ 3000 руб., причемъ объявилъ, что за выдачею ей векселя г. Юкичева на 6000 р. всѣ разчеты съ нимъ окончены, а вексель въ 3000 руб. совѣтовалъ ей скорѣе размѣнять и удовлетворить г. Микульшину (л. 6). Такимъ образомъ изъ капитала въ 23.600 руб., обезпеченнаго векселями Шварца, у ней, Ликъ, въ теченіи полугода не осталось, благодаря дѣйствіямъ Постовскаго ничего кромѣ векселя генералъ-майора Юкичева, за поручительствомъ Шеломытова, ничего нестоющаго; а посему, жалуясь генералъ-губернатору, Ликъ просила: приказать Постовскому возвратить ей вексель (Шварца) въ 6000 руб., а объ ограбленіи ея приказать произвести формальное слѣдствіе (л. 6). Когда означенное прошеніе Ликъ было препровождено генералъ-губернаторомъ къ чиновнику особыхъ порученіи Собацинскому, то сначала, на основаніи ордера отъ 12-го января 1866 г. за № 284, производилось подробное дознаніе (л. 3, 31). Затѣмъ въ слѣдствіе новаго прошенія Ликъ (л. 32) ордреомъ генералъ-губернатора отъ 31-го января 1866 года, Собацинскому было поручено произвести формальное слѣдствіе (л. 7. 33), а въ іюлѣ 1866 года неоконченное слѣдствіе передано чрезъ прокурора Московскаго Окружнаго Суда, къ судебному слѣдователю 7-го участка города Москвы (л. 87). На первоначальное прошеніе г-жи Ликъ подполковникъ Постовскій 22-го января 1866 года объяснилъ слѣдующее: Ликъ въ 1861 году, по завѣщанію мужа своего (дѣда жены его Постовскаго), получила въ наслѣдство недвижимостей слишкомъ на 50000 руб. (л. 39). Живя постоянно выше средствъ своихъ, Ликъ сдѣлала много долговъ, изъ которыхъ ему, Постовскому, извѣстны долги дѣйствительной статской совѣтницѣ Павловой на 2500 руб., почетному гражданину Шемшурину на 4500 руб., купцу Барскому на 3000 руб. и статскому совѣтнику Кондратенко на 15000 руб. (л. 40). Долги Барскому и Шемшурину хотя и заключены при его, Постовскаго, содѣйствіе, но все посредничество его заключалось въ томъ, что онъ указалъ Ликъ на этихъ лицъ (л. 58, обор.). Видя такую трату денегъ кредиторы начали требовать удовлетворенія, въ особенности Шемшуринъ протестовалъ ея документы (л. 40) а Барскій даже представилъ ихъ ко взысканію (л. 40). Не имѣя налличнаго капитала на уплату долговъ, Ликъ должна была рѣшиться на продажу недвижимости и въ этомъ критическомъ положеніи обратилась къ нему,

какъ къ родственнику, со просьбою предложить врачу Шварцу (рекомендованному ей братомъ ея Брокеромъ) купить недвижимости ея (домъ и деревню). На это предложеніе Постовскій изъявилъ готовность, и врачъ Шварцъ согласился купить недвижимости Ликъ на слѣдующихъ условіяхъ: за домъ и имѣніе Ликъ должна была получить 47000 руб., если она принимаетъ на себя издержки по совершенію купчей, въ противномъ же случаѣ она въ правѣ получить только 45000 руб. Въ счетъ этой суммы Шварцъ принимаетъ на себя удовлетвореніе Кондратенко по закладной въ 15000 руб., выдавъ ему 8000 руб. деньгами, а на остальные 7000 руб. вексель. Кромѣ того Шварцъ уплачиваетъ долгъ Опекунскому Совѣту въ 1000 руб., переводитъ на себя долгъ Павловой въ 2500 руб. и обязался своевременно выплатить долги Шемшурину (въ 4600) и Барскому (въ 3000). За тѣмъ Шварцъ обязался выдать Ликъ деньгами 3000 руб., а остальную сумму выплатить ей векселями въ теченіи двухъ лѣтъ (л. 41). Такъ какъ этотъ срокъ былъ слишкомъ продолжителенъ, то онъ Постовскій убѣдилъ Шварца къ обусловленной цѣнѣ (въ 45000 р.) прибавить еще 6384 руб., на каковую сумму и выданы Ликъ срочные мѣсячные векселя по 266 руб. каждый (л. 41). Этою оказанною имъ, Постовскимъ, не маловажною услугою ограничилось все его содѣйствіе при продажѣ, въ которой онъ никакого дальнѣйшаго участія и непринималъ (л. 42). Что касается векселей Шемшурину и Барскому, то Ликъ была должна означеннымъ лицамъ (4500 и 3000 руб.) по своимъ собственнымъ документамъ (л. 42). Относительно принужденія будто имъ, Постовскимъ, Ликъ подписаться поручительницею на векселѣ въ 7000 руб., Постовскій объясняетъ съ апрѣля 1865 года по январь 1868 г. Ликъ не заявляла ни объ обманѣ, ни о принужденіи, а потому нѣтъ основанія предполагать, что она дѣйствовала необдуманно. Денежныя же уплаты дѣлались Ликъ вслѣдствіе семейныхъ разсчетовъ, раскрывать которые онъ не считаетъ себя обязаннымъ (л. 43) и для этой же цѣли, по собственному непринужденному согласію, Ликъ и обмѣнялась съ Кондратенко документами (л. 43) и, по закону, 1-го октября 1865 года уже отказалась требовать отъ него уплаченную сумму; если же послѣ этого Ликъ полагаетъ себя въ правѣ требовать эти деньги, то онъ, Постовскій, можетъ только жалѣть, что нѣтъ закона, оправдывающаго эту фикцію (л. 44). Все, что Ликъ излагаетъ по отношенію къ долгу Микульшиной, есть наглая клевета и 2730 руб. заняты ею чистыми деньгами (л. 44). Что же касается перемѣны Ликъ документа Шварца въ 6000 руб. на таковой же генералъ-майора Юкичева, одинаковаго впрочемъ достоинства, то это рѣшительно ему, Постовскому, было неизвѣ-

стно. Перемѣна эта происходила на квартирѣ у артиста Шеломытова, онъ же Постовскій генерала Юкичева вовсе не видалъ и при этой сдѣлкѣ не былъ (л. 44), полагаетъ же, что побудительною причиною было то, что до Ликъ дошли свѣдѣнія объ уголовномъ дѣлѣ, производящемся о Шварцѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ и слухи о выѣздѣ его изъ Москвы. Въ подтвержденіе же сего у него, Постовскаго, есть лоскутокъ, писанный рукою Ликъ, въ которомъ она увѣдомляетъ его, что обмѣнялась векселемъ съ генераломъ Юкичевымъ (л. 44). Затѣмъ, обвиняя съ своей стороны Ликъ въ совершеніи преступленія, предусмотрѣннаго 2095 ст. XV т. Св. Зак. Угол., изд. 1857 г., но полагая, что она дѣйствовала по наущенію брата своего коллежскаго совѣтника Брокера, Постовскій просилъ жалобу Ликъ, содержащую въ себѣ клевету, оставить безъ послѣдствій (л. 46, 47). Въ слѣдъ за тѣмъ, въ доказательство совершенной голословности заявленія Ликъ, подполковникъ Постовскій представилъ Собацинскому списокъ полицейскихъ вѣдомостей съ публикаціею Ликъ о потерѣ векселя въ 6000 руб., указывая, какъ на предосудительное обстоятельство, не означеніе въ публикаціи той адреса Ликъ (л. 8). Въ означенной публикаціи значится: „на основаніи XI т. II ч. Свод. Зак. Торг. ст. 641, я нижеподписавшаяся, дѣйствительная статская совѣтница Дарья Адамова Ликъ, симъ заявляю, что утратился вексель въ 6000 руб. сер. съ бланковою моею надписью, безъ оборота, выданный мнѣ врачемъ Адамомъ Сергѣевичемъ Шварцъ отъ 27-го апрѣля 1865 года впредь на два года, срокомъ платежа въ 1867 году, а потому, заявивъ о семъ въ Московскую Управу Благочинія, я покорнѣйше прошу таковой доставить ко мнѣ въ предупрежденіе законной отвѣтственности за неправильную передачу. Дарья Ликъ“. (л. 9, 10). Въ отвѣтахъ же на вопросы, предложенные ему слѣдователемъ Собацинскимъ 20 апрѣля 1866 года, Постовскій объяснилъ, что какимъ образомъ и когда Ликъ заплатила деньги по векселямъ, выданнымъ Шемшурину и Барскому, а равно, гдѣ таковые документы находятся, онъ не знаетъ. По векселю же, выданному Шварцу въ 7000 р., онъ заплатилъ чистыми деньгами не Шварцу, а Луху, которому Шварцъ передалъ этотъ документъ за поручительствомъ Ликъ. Самый документъ же находится у него Постовскаго (л. 59). Спрошенный слѣдователемъ Собацинскомъ и судебнымъ слѣдователемъ объ обстоятельствахъ сопровождавшихъ выдачу векселя въ 3000 руб. московскій купецъ Григорій Барскій въ письменныхъ объясненіяхъ отъ 27-го января и 25-го мая 1866 года и на допросахъ 20 мая и 23 августа 1866 года, объяснилъ: въ январѣ мѣсяцѣ 1865 года обратился къ нему Постовскій съ просьбою ссудить ему нѣсколько ты-

сячъ рублей, въ которыхъ онъ имѣетъ крайнюю необходимость. Желая помочь ему, но въ то же время зная положеніе Постовскаго, Барскій объявилъ свою готовность на выдачу 5000 руб. если онъ можетъ обезпечить заемъ документомъ вѣрнаго лица. Нѣсколько дней спустя Постовскій объявилъ ему, что Ликъ готова занять у него подъ вексель 5000 руб. Будучи съ Ликъ въ хорошихъ отношеніяхъ и не занимаясь отдачею денегъ на проценты, Барскій объявилъ Постовскому, что онъ готовъ ему помочь, но съ тѣмъ чтобы документы были писаны „по предъявленіи“ на имя другаго лица, а взявшій вексель отъ Ликъ долженъ учинить безоборотную надпись, сама же Ликъ должна написать письмо къ заимодавцу, съ объясненіемъ срока, въ какой онъ можетъ требовать удовлетворенія. Постовскій 23 января объявилъ ему, что Ликъ выдала отъ себя два векселя одинъ въ 3000 руб. а другой въ 2000 на имя артиста театровъ Шеломытова (зятя Постовскаго), а 24 января 1865 года доставилъ два денежные документа Ликъ на имя Шеломытова и письмо на имя послѣдняго, изъ котораго видно, что заемъ сдѣланъ на 6 мѣсяцевъ, а вслѣдъ за симъ онъ, Барскій, выдалъ Постовскому 5000 руб. Въ апрѣлѣ 1865 года узнавъ, что Ликъ продаетъ свою недвижимость Шварцу не на личныя деньги, а на векселя, онъ Барскій заявилъ ей о желаніи получить деньги, когда же удовлетворенія не послѣдовало, то онъ поручилъ своему повѣренному ревельскому гражданину Оскару Вальтеру, протестовать векселя. Г. Вальтеръ протестовалъ векселя, подалъ оные ко взысканію и вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ прошеніе въ Гражданскую Палату о недопущеніи имѣнія до продажи. Вслѣдствіе сего Ликъ 10-го апрѣля уплатила повѣренному его слѣдующую отъ нея сумму (л. 66), выдавъ 2000 руб. наличными деньгами, а на 3000 вексель ея, Ликъ, на имя Шварца срокомъ на шесть мѣсяцевъ съ бланковою на немъ надписью Шварца (л. 49). Получивъ такимъ образомъ удовлетвореніе, онъ Барскій прекратилъ искъ еъ Липъ, и Постовскій обязалъ повѣреннаго Барскаго подпискою, выданною имъ на имя Ликъ, но писанною рукою его Постовскаго (л. 49), возвратить 12 апрѣля векселя изъ управы и выдать оные Постовскому. Все это было въ точности исполнено (л. 49). По истеченіи 6 мѣсяцевъ слѣдовавшіе ему съ Шварца 3000 руб. сер. онъ, Барскій, аккуратно получилъ, а вексель съ его бланкомъ возвратилъ Шварцу. Ликъ же болѣе не состоитъ ему должною ни по какимъ документамъ и денежныхъ съ нею дѣлъ онъ никакихъ болѣе не имѣлъ (л. 49) Въ подтвержденіе этихъ показаній Барскій представилъ. 1) письмо Ликъ отъ 23 января 1866 года на имя Василья Васильевича Шеломытова, писанное рукою Постовскаго и подписанное Ликъ

въ которомъ отъ имени послѣдней выражена благодарность за ссуду 5000 руб. и выражено желаніе, чтобы дисконтъ по этимъ векселямъ производился неранѣе 6-ти мѣсяцевъ (л. 68). 2) Письмо Постовскаго на имя Барскаго отъ 24 января слѣдующаго содержанія: „Вы знаете мою крайность, а потому покорнѣйше васъ прошу дисконтировать или заложить прилагаемые у сего векселя одинъ въ трп, а другой въ двѣ тысячи рублей, если можно на полугодичный срокъ. Векселя выданы Дарьей Адамовной Ликъ, Василью Васильевичу Шеломытову, а ко мнѣ дошедшіе по безоборотной надписи сего послѣдняго, чѣмъ истинно обяжете преданнаго вамъ Постовскаго. Р. С. Былъ у васъ съ Шеломытовымъ, который хотѣлъ передать вамъ лично готовность и желаніе свое заплатить Вѣрѣ Александровнѣ Павловой по имѣющимся у нея нашимъ векселямъ; но, не заставъ васъ дома, пишу это письмо". (л. 69, 70). 3) Росписка писанная рукою Постовскаго и подписанная ревельскимъ гражданиномъ Вальтеромъ 10-го апрѣля 1865 года, объ учиненіи расчета по двумъ векселямъ Ликъ, представленнымъ ко взысканію въ Управу Благочинія, которые Вальтеръ обязанъ вытребовать обратно и гручить не позже 12 числа Постовскому. На сей роспискѣ, послѣ подписи Вальтера, слѣдующая надпись: „векселя, означенные въ ней запискѣ, получилъ (обратно) для доставленія по принадлежности, подполковникъ Постовскій" (л. 67). Это же показаніе подтверждено Барскимъ и на допросѣ отъ 20 мая 1866 года (л. 63). Относительно же векселя въ 6000 руб. выданнаго женою врача Шварца и перешедшаго къ генералъ-майору Юкичеву онъ, Барскій, можетъ припомнить только то, что слышалъ отъ повѣреннаго своего по дѣламъ Белинга. что онъ получилъ тотъ вексель отъ Постовскаго или отъ Шеломытова (отъ кого именно изъ двухъ не помнитъ), для дисконтированія его у Юкичева (л. 120). Врачъ Императорскаго Московскаго Человѣколюбиваго Общества Адамъ Сергѣевъ Шварцъ въ свѣдѣніи надворному совѣтнику Собацинскому отъ 28 января 1866 года объяснилъ: что 27-го апрѣля 1865 года купилъ онъ у г-жи Ликъ домъ, состоявшій за нею въ Яузской части города Москвы, и имѣніе въ Дмитровскомъ уѣздѣ на 50 т. руб., съ обязательствомъ совершить купчую на его счетъ. Исключительнымъ посредникомъ между Ликъ и Шварцемъ былъ Постовскій, неоднократно просившій Шварца не сообщать объ этой покупкѣ брату продавцы Брокеру, такъ какъ онъ только можетъ быть помѣхой (л. 50). Побудительною причиною продажи не могли быть долги Ликъ, такъ какъ таковыхъ было всего на 18500 руб. (долгъ Кондратенко съ 15000. Опекунскому Совѣту въ 1000 и Павловой по векселю въ 2500 руб. (и кредиторы уплаты нетребовали (л. 50).

Главною пружиной всей этой операціи былъ самъ Постовскій, которые вслѣдствіе бѣгства его дочери съ артистомъ Шеломытовымъ, какъ онъ выражался о томъ неоднократно, крайне нуждался въ деньгахъ для уплаты многочисленныхъ долговъ (л. 50). Для этой цѣли Постовскій убѣдилъ Ликъ обратить недвижимости ея въ деньги и векселя, которыми завладѣлъ, по словамъ Ликъ. Какимъ образомъ возникъ долгъ Барскому ему, Шварцу, неизвѣстно, но по долгу Шемшурину онъ былъ ходатаемъ. Первоначально Постовскій просилъ его достать ему денегъ или за поручительствомъ Ликъ, или на его собственное имя, присовокупляя, что это спасетъ его отъ какой-то бѣды и дастъ ему возможность расчитаться съ нимъ Шварцемъ (л. 51). Онъ, свидѣтель, упросилъ Шемшурина дать Ликъ 4500 руб., какъ женщинѣ состоятельной, полагая этими деньгами спасти Постовскаго, и этотъ послѣдній пріѣзжалъ къ нему, Шварцу, благодарить его, говоря, что эти деньги перешли къ нему въ карманъ, и что онъ спасенъ (л. 51). Что касается уплаты денегъ Ликъ, то независимо отъ уплаты Кондратенко 8000 наличными деньгами и 7000 руб. годовымъ векселемъ, Опекунскому Совѣту внесено 1000 руб. Павловой за Ликъ уплачено 2500 векселемъ, Барскому выдано 3000 руб. а Шемшурину 4500 р. Кромѣ того выдано г. Ликъ двухъ годовыхъ векселей на 16000 рублей и 24 мѣсячныхъ векселей на 266 руб. каждый. Излишнія деньги по договору поступили процентами за достальной капиталъ: оставшійся у него Шварца на два года по векселямъ его. Что Ликъ въ деньгахъ сама не нуждалась явствуетъ изъ того, что она оставила таковыя у него Шварца подъ обезпеченіе двухгодовыхъ векселей (л. 51). По векселю въ 7000 руб. Постовскій убѣдительно просилъ Ликъ поручиться за него представляя ей, что иначе продажа ея имѣнія не могла состояться. Уплатилъ или г. Постовскій г. Ликъ по этому векселю деньги ему, Шварцу, неизвѣстно, потому что онъ вексель этотъ дисконтировалъ дерптскому гражданину Александру Карловичу Лухъ (л. 51). Почетный гражданинъ Аркадій Шемшуринъ въ письменномъ свѣдѣніи, данномъ 11 февраля 1866 г. слѣдователю Собацинскому объяснилъ, что подполковникъ Постовскій въ началѣ 1865 года предложилъ ему дать въ займы г. Ликъ денегъ, и такъ какъ по собраннымъ свѣдѣніямъ онъ убѣдился, что желаемую ею сумму ей дать можно, то онъ согласился на предложеніе Постовскаго. Г-жу Ликъ, онъ Шемшуринъ, до этого времени не зналъ. Она вмѣстѣ съ женою Постовскаго, а потомъ съ самимъ Постовскимъ пріѣзжала къ нему и онъ въ оба раза выдалъ ей 4500 руб. Для чего и для кого она занимала деньги, ему, неизвѣстно, но получила оныя сама г. Ликъ лично и раз-

счетъ по документамъ съ нимъ, Шемшурпнымъ, оконченъ (л. 53). Подполковница Елизавета Ивановна Микульшина объяснила слѣдователю 11 февраля 1866 года, что познакомилась она съ г. Ликъ у г. Постовскаго, прежде же она ее не знала и въ глаза не видала. Мѣсяца два послѣ первой встрѣчи съ нею Ликъ, встрѣтившись съ нею на Мясницкой улицѣ, попроси ла у Микульшиной денегъ въ займы, что ей и было обѣщано, и чрезъ нѣсколько дней, когда она, Ликъ, пріѣхала къ Постовскому, то онъ прислалъ за Микульшиной солдата, и такъ какъ Микульшина знала зачѣмъ ее звали, то и взяла съ собою деньги. Когда она пріѣхала къ Постовскому, то кромѣ жены его и г. Ликъ никого не было. Документъ на занятую у нея сумму былъ уже готовъ, кто его писалъ она не знаетъ, но подписанъ онъ въ ея присутствіи г. Ликъ который г. Микульшина и отдала деньги тутъ же. Для кого и для чего занимала г. Ликъ деньги ей неизвѣстно (л. 52). Съ своей стороны г. Ликъ въ трехъ дополнительныхъ объясненіяхъ, поданныхъ ею 10 и 18 февраля слѣдователю Собацинскому (л. 61, 62, 20, 25) въ прошеніи и объявленіяхъ, поданныхъ судебному слѣдователю (л. 101, 106, 210), въ допросѣ, отобранномъ отъ нея 16 августа 1866 года и 28 января 1867 года (л. 166), въ прошеніи, поданномъ на имя прокурора Окружнаго Суда (л. 176, 177), добавила къ первоначальному прошенію ея и къ даннымъ ею прежде объясненіямъ слѣдующее: Постовскій обманнымъ образомъ употребилъ во зло ея довѣріе и съ преднамѣреннымъ умысломъ завладѣть всѣмъ ея состояніемъ затаплъ принадлежащіе ей капиталы и векселя (л. 20, 177), и содѣйствовалъ ему въ этомъ Шеломытовъ (л. 20). Доказательствомъ сему служатъ: 1) векселя, выданные Шемшурину и Барскому, которые выданы отъ ея имени, но деньги по онымъ получилъ Постовскій (л. 20, 176), убѣдившій ее подписать эти векселя для спасенія его отъ взысканія за растрату будто казенныхъ суммъ (л. 22). Обѣщавшись ей деньги возвратить въ скоромъ времени, онъ денегъ ей не выдалъ, векселя взамѣнъ подписанныхъ ею векселей также не далъ, а между тѣмъ Шемшурпнъ и Барскій удовлетворены Шварцемъ изъ денегъ, слѣдующихъ ей по купчей (л. 22, 23). Удовлетворивъ кромѣ того долги Кондратенко, г. Павловой и Опекунскому Совѣту, Шварцъ, по совершеніи купчей, писанной неизвѣстно почему въ 50000 руб., въ то время, какъ имѣніе продавалось за 45000 руб., выдалъ ей, Ликъ, два векселя по 6000 руб. срокомъ на два года, одинъ вексель въ 3000 рубл., одинъ въ 900 руб. и одинъ въ 100 руб. на такой же срокъ, а всего пять векселей на 16000 руб. Кромѣ того ей выдано Шварцемъ еще 24 мелкихъ мѣсячныхъ векселя на 266 руб. каждый, по которымъ уплата 266

руб. должна была производиться помѣсячно. Это было какъ бы содержаніе, которое платилъ ей Постовскій въ теченіи двухъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ желалъ ее обобрать (л. 23). 2) Постовскій, успѣвъ ее поссорить со всѣми родственниками и между прочимъ съ роднымъ братомъ Владиміромъ Адамовичемъ Брокеромъ (л. 20), убѣдилъ ее подписаться поручительницею по векселю его въ 7000 руб. (л. 176), по этому векселю она уплатила долгъ, но несмотря на обѣщанія Постовскаго, не получила ни самаго векселя, оплаченнаго ею, ни въ замѣнъ онаго другаго (л. 21). Уговаривая ее постоянно вѣрить ему, Постовскій при этомъ утѣшалъ ее надеждою, что всѣ ея потери вознаградятся вскорѣ, если она успѣетъ пріобрѣсти имѣніе генерала Юкичева, для чего однако ему нужны другіе ея векселя, выданные ей Шварцемъ, чтобы убѣдить г. Юкичева, что онъ имѣетъ дѣло съ женщиною состоятельною (л. 23, 24). При этомъ выманивъ у нея наконецъ векселя и заставивъ ее сдѣлать бланковыя на оныхъ надписи посредствомъ разныхъ ложныхъ убѣжденій и угрозъ, что въ противномъ случаѣ дѣло съ Юкичевымъ не можетъ состояться, г. Постовскій, при содѣйствіи зятя своего Шеломытова, въ замѣнъ векселя Шварца въ 6000 руб. привезъ ей вексель генерала Юкичева за поручительствомъ Шеломытова, и когда она усумнилась въ достоинствѣ того векселя, то увѣрялъ ее, что векселя ея съ бланками должны быть переданы въ задатокъ при покупкѣ имѣнія Юкичева (л. 25), который согласенъ принять векселя Шварца. Когда же она, не зная вовсе Юкичева, усумнилась въ подписи его, то Постовскій привезъ ее къ Шеломытову на квартиру, здѣсь дѣйствительно она увидѣла въ первый разъ какого-то господина въ мундирѣ, который потомъ оказался генералъ Юкичевъ (л. 116), и Шеломытовъ, отбирая у нея вексель, предъявилъ его этому господину, говоря: генералъ, Дарья Адамовна сомнѣвается, вы ли подписали вексель. На это господинъ въ мундирѣ отозвался: я отъ своей подписи не отопрусь и, сказавъ это, тотчасъ же вышелъ съ Шеломытовымъ, возвратившимъ ей этотъ вексель (л. 25, 103, 116). Когда же, послѣ предъявленія къ ней ко взысканію векселя Микульшиной, она, Ликъ, стала требовать выдачи ей вмѣсто векселя Юкичева векселя Шварца, то Постовскій ей въ томъ отказалъ. Что касается того показанія Постовскаго, что вексель Юкичева также хорошъ, какъ и вексель Шварца, то она не понимаетъ, на чѣмъ основано такое предположеніе. Шварца она знаетъ давно и имѣла къ нему довѣріе, Юкичева же не знаетъ вовсе (л. 21, 25, 103). 3) Хотя Постовскій и увѣряетъ, что она сама передала вексель Шварца Юкичеву, но этому противорѣчитъ какъ сдѣланная ею публикація, такъ равно и производство Коммер-

ческаго Суда. Вслѣдствіе публикаціи о потерѣ векселя въ 6000 р., она вызывалась въ означенный судъ и вмѣсто ея явился повѣренный ея Костаревъ. Вмѣсто г. Юкичева явился г. Белингъ, который въ то же время былъ и адвокатомъ Постовскаго. Г. Костаревъ разъяснилъ Коммерческому Суду, что она, Ликъ, векселя въ 6000 руб. никогда Юкичеву не передавала, когда же онъ указалъ, что объ этомъ уже и производится уголовное слѣдствіе, то г. Белингъ прекратилъ производство дѣла сего въ Коммерческомъ Судѣ, и Юкичевъ впослѣдствіи возвратилъ находящійся у него вексель съ надписью Постовскому (л. 25, 105). 4) Что касается за симъ дѣла съ г. Микульшиною, то она, Ликъ. была вынуждена подписать вексель на имя Микульшиной (л. 177), а денегъ не могла получить по оному. Вексель этотъ, какъ объяснилъ ей Постовскій, произошелъ въ слѣдствіе дисконта годоваго векселя Кондратенко въ 7000 руб., вымѣненнаго у послѣдняго Постовскимъ. Слѣдующихъ по дисконту того векселя денегъ не хватало Постовскому, а потому надобно было къ нимъ признать еще (л. 21). По выдачѣ г. Ликъ векселя на имя Микульшиной, Постовскій черезъ два дня сталъ ей говорить, что Микульшина тѣмъ векселемъ недовольна, что писарь въ текстѣ ошибся, а потому для личнаго свиданія Ликъ съ Микульшиной пригласилъ обѣихъ къ себѣ. Когда г. Микульшина показала ей вексель, то тутъ она впервые увидѣла, что вексель былъ написанъ по предъявленіи вмѣсто суммы въ 1000 руб., въ немъ было выставлено 2000 руб., а сверхъ строки написано 730 руб. Когда же она, Ликъ, объявила, что платить по этому векселю 2730 р. она не намѣрена, то ей сказали, что и безъ этого взыщутъ, что сумма выставлена большая только для обезпеченія, а что раньше года вексель ко взысканію предъявленъ не будетъ. Между тѣмъ, какъ только что Постовскій успѣлъ у нея выманить всѣ остальныя ея векселя, то вексель Микульшиной тотчасъ былъ предъявленъ ко взысканію и г. Микульшина вмѣстѣ съ тѣмъ внесла даже кормовыя деньги (л. 24 обор.) 5) Постовскій, лишивъ ея такимъ образомъ всего состоянія, сослался при этомъ въ свое оправданіе на какіе-то семейные разсчеты, которыхъ у нея съ нимъ никогда не было и о которыхъ г. Ликъ проситъ потребовать отъ него объясненіе, (л. 21), въ то же время не возвратилъ ей какъ векселя Шварца, такъ и прочихъ векселей, по которымъ она занимала деньги. Вслѣдствіе сего въ неоднократныхъ объясненіяхъ своихъ г. Ликъ поддерживая первоначальное свое заявленіе, просила о преданіи Постовскаго суду (л. 177). Спрошенный, по указанію г. Ликъ, въ качествѣ свидѣтеля, коллежскій совѣтникъ Терновскій о векселѣ въ 6000 руб., выданномъ женою врача Шварца 18 сентября 1866 года, показалъ,

что вексель тотъ съ бланковою на немъ надписью генералъ-майора Юкичева Постовскій предлагалъ ему, Терновскому, въ уплату долга статскаго совѣтника Кондратенко по векселю же, но по какому случаю вексель тотъ перешелъ въ руки Юкичева ему неизвѣстно (л. 144). Артистъ московскаго театра Шеломытовъ на допросѣ судебнаго слѣдователя отъ 6 сентября 1866 года показалъ, когда именно непомнитъ, но онъ привезъ по просьбѣ Юкичева вексель въ 6000 руб., выданый женою врача Шварца г-жѣ Ликъ, къ г. Белингу для того, чтобы онъ отдалъ его Постовскому, или г. Ликъ, если она потребуетъ, съ отобраніемъ при томъ у ней векселя Юкичева въ 6000 руб. Вексель г. Шварцъ переданъ у него Шеломытова на квартирѣ Юкичеву самою г. Ликъ, которая попросила его, Шеломытова, познакомить ее съ Юкичевымъ, а также подписаться на векселѣ его поручителемъ: онъ подписался и затѣмъ размѣнялись векселями тутъ же у него на квартирѣ (л. 154). Генералъ-майоръ Юкичевъ въ показаніяхъ, данныхъ судебному слѣдователю 26 іюля 1866 года и на очныхъ ставкахъ съ г. Ликъ 16 августа 1866 и 28 января 1867 г. объяснилъ: въ первомъ, что спорный вексель въ 6000 руб. онъ получилъ изъ рукъ самой г. Ликъ въ домѣ Шеломытова, куда она пріѣзжала, какъ знакомая. Передавъ ему вексель въ 6000 руб. она получила отъ него, Юкичева, взамѣнъ вексель на ту же сумму. Взялъ же онъ отъ г. Ликъ вексель потому, что хотѣлъ имѣть документъ на Шварца (л. 85). Затѣмъ на очной ставкѣ съ г. Ликъ 16 августа 1866 г., г. Юкичевъ объяснилъ, что отъ кого онъ получилъ вексель Шварца отъ г-жи ли Ликъ, или отъ Постовскаго, онъ не помнитъ, ибо это обстоятельство у него затмилось, но вексель этотъ былъ у него, когда же ему понадобились деньги, то онъ отдалъ его Белингу для перепродажи (л. 116). На вопросъ слѣдователя (28 января 1867 г.), почему онъ, Юкичевъ, передалъ вексель не г. Ликъ, а Постовскому, г. Юкичевъ отозвался, что на это была его воля, въ его выгодѣ было передать вексель не Ликъ, а Постовскому, вексель составлялъ его собственность и онъ могъ имъ распоряжаться (л. 202). Кромѣ указанныхъ выше его лицъ, при слѣдствіи, спрошенъ еще нѣсколько разъ присяжный повѣренный Белингъ. Изъ дѣла видно по отношенію къ сему свидѣтелю, что, какъ увѣдомилъ Московскій Коммерческій Судъ чиновника особыхъ порученій Собацинскаго, а Белингъ 24 февраля 1866 года предъявилъ въ Коммерческомъ Судѣ словесную просьбу о понужденіи вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ликъ за изъявленнымъ ею споромъ къ подтвержденію того, что вексель жены Шварца въ 6000 руб., о потерѣ котораго ею публиковано въ вѣдомостяхъ, переданъ генералъ-майору Юкичеву. Когда по этой жалобѣ бы-

ло назначено разбирательство и на оное явился кромѣ г. Белинга повѣренный г. Ликъ г-нъ Костаревъ, то этотъ послѣдній объявилъ, что вексель, предъявленный г. Белингомъ, дѣйствительно тотъ самый, о которомъ идетъ споръ и о которомъ была публикація, что векселя этого г. Ликъ никогда Юкичеву не передавала, и что объ этомъ обстоятельствѣ уже производится уголовное слѣдствіе. Когда же Судъ, по требованію Костарева, заключилъ выдать ему свидѣтельство для доставленія свѣденія о положеніи дѣла, то, явясь вновь въ судъ, г. Белингъ заявилъ, что онъ прекращаетъ дѣло въ Коммерческомъ судѣ, а Костаревъ, указавъ вновь на то, что въ данномъ дѣлѣ вопросъ о принадлежности векселя долженъ быть разрѣшенъ уголовнымъ судомъ, разсмотрѣнію котораго будетъ подлежать слѣдствіе, заявилъ, что на этомъ только основаніи онъ согласенъ прекратить начатое г. Белингомъ дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ о вышеизложенномъ сообщить слѣдователю. Коммерческій Судъ, прекративъ вслѣдствіе взаимнаго желанія сторонъ начатое въ ономъ дѣло, сообщилъ о происходившемъ у него г. Собацинскому (л. 72, 73). На допросахъ у судебнаго слѣдователя г. Битингъ 18 сентября и 20 октября 1866 года показалъ: какимъ путемъ генералъ-майоръ Юкичевъ пріобрѣлъ вексель въ 6000 руб. выданный женою врача Шварцъ, ему неизвѣстно (145), но участіе въ дѣлѣ возбуждено было просьбою Юкичева, чтобы онъ вслѣдствіе публикаціи г. Ликъ объ утратѣ векселя исходатайствовалъ признанія ея на судѣ, что оговоренный вексель переданъ ею ему, Юкичеву, за вексель Юкичева (л. 145). Впослѣдствіи онъ, Белингъ въ 1866 году получилъ отъ Юкичева письмо, въ которомъ онъ поручилъ ему, прекративъ дѣло въ судѣ, передать вексель Шварца подполковнику Постовскому, взявъ отъ послѣдняго на имя его Юкичева, вексель на ту же сумму. Это порученіе Юкичева имъ, Белингомъ исполнено тогда же (л. 145). Отъ Постовскаго и Шеломытова онъ никакихъ порученій непринималъ и принимать не могъ, такъ какъ вексель находился у него, Белинга, какъ собственность генерала Юкичева, до 2 марта, въ этотъ же день былъ имъ отданъ по порученію Юкичева Постовскому. Затѣмъ хотя онъ, Белингъ, до 2 марта и вошелъ въ мировое соглашеніе съ Брокеромъ въ квартирѣ Барскаго, основывая эти соглашенія на отдачѣ спорнаго векселя г. Ликъ, но онъ это сдѣлалъ довѣряя увѣреніямъ зятя Постовскаго Шеломытова, привезшаго ему вексель отъ генерала Юкичева, что послѣдній въ случаѣ надобности неоткажется передать вексель Постовскому (л. 152). Подлиннаго письма г. Юкичева, на которое г. Белингъ сослался, имъ въ то время не представлено. Кромѣ того въ показаніи, отъ 16 сентября 1866 года, г. Белингъ объяснилъ, что онъ дѣйствовалъ на основаніи письма генерала

Юкичева, полученнаго имъ въ мартѣ того года, въ показаніи же 2 октября 1866 года г. Белингъ два раза указываетъ на то, что письмо генерала Юкичева было отъ 2 марта 1865 года (152), Изъ дополнительныхъ объясненій подполковника Постовскаго. представленныхъ имъ на письмѣ въ разное время въ продолженіи производства предварительнаго дознанія и слѣдствія видно, что Постовскій отвергалъ всѣ показанія г. Ликъ, какъ вполнѣ голословныя, и въ подтвержденіе сего согласія на показанія спрошенныхъ по дѣлу сему лицъ и между прочимъ представилъ 25 ноября 1866 года три клочка бумаги, на которыхъ написано: „помѣнялись съ векселями съ генерала-майора на 6000 вексель“... которыми онъ доказывалъ, что обмѣнъ векселя г. Шварцъ на вексель г. Юкичева произведенъ съ согласія г. Ликъ, такъ какъ изорванная на три части записка, которую онъ раньше представить не могъ, писана рукою г. Ликъ (170—173). Въ прошеніи отъ 14 декабря 1866 года Постовскій, называя обвиненіе г. Ликъ клеветою и плодомъ раздраженія, доказываетъ, что онъ никогда неприсвоивалъ себѣ путемъ обмана векселя въ 6000 руб., что вексель этотъ 10 декабря 1865 года отданъ самою г. Ликъ генералъ-майору Юкичеву въ квартирѣ Шеломытова, за который она получила вексель въ 6000 руб. отъ генерала Юкичева, еще болѣе гарантированный, чѣмъ вексель Шварца (л. 189). Что вексель въ 6000 руб. находившійся въ рукахъ Юкичева, принадлежалъ ему видно изъ того, что Юкичевъ поручилъ Белингу передать тотъ вексель ему, Постовскому, Белингъ это исполнилъ и взамѣнъ того векселя Постовскій вручилъ ему въ его квартирѣ свой вексель въ 6000 руб. на имя Юкичева (190). Такимъ образомъ вексель Шварца перешелъ къ нему отъ Юкичева не даромъ, а купленъ за такую же сумму (л. 191), ему же Постовскому, по полученіи отъ Юкичева по передаточной надписи векселя сего, не было надобности продолжать процессъ, ибо въ рукахъ его былъ законный документъ вексель, правильно дошедшей къ нему по надписи отъ Юкичева (л. 191). Для доказательства же того, что представленная имъ, Постовскимъ, при предыдущемъ прошеніи записка писана г-жею Ликъ, Постовскій представилъ еще двѣ записки, изъ которыхъ одна на маленькомъ клочкѣ бумаги и изорвана, а другая на половинѣ почтоваго листа малаго формата (л. 187 — 197, 238 — 242). За тѣмъ когда г. Ликъ, будучи допрошена судебнымъ слѣдователемъ о томъ, признаетъ ли она записку, представленную г. Постовскимъ 25 ноября 1866 года, объяснила, что въ запискѣ той, хотя писанной ею, слова „помѣнялись“ и „съ“ написаны вмѣсто другихъ словъ, смыслъ которыхъ она забыла (л. 198), то по требованію г. Постовскаго, судебный слѣдователь назначилъ осмотръ записки чрезъ экспертовъ, для разрѣшенія

трехъ вопросовъ: 1) составлена ли эта записка изъ клочковъ разныхъ записокъ или нѣтъ; 2) писана ли она однимъ почеркомъ и 3) если въ ней вставныя слова, замѣнившія другія? По обозрѣніи записки, эксперты нашли, что три предъявленныхъ имъ клочка составляютъ части одной записки, писанной однимъ почеркомъ безъ вставныхъ и измѣненныхъ словъ (л. 221). Вслѣдъ за тѣмъ Постовскій при находящемся въ подлинномъ производствѣ прошеніе его, отъ 11-го сентября 1867 года, въ доказательство голословности и неосновательности извѣтовъ г. Ликъ представилъ письмо слѣдующаго содержанія: „пріѣхалъ въ Москву, я крайне былъ огорченъ, любезный Захаръ Константиновичъ, извѣщеніемъ, что старшая сестра моя Дарья Адамовна ведетъ съ тобою какой-то уголовный процессъ въ присвоеніи тобою векселя Шварца въ 6000 руб. Зная, что векселемъ этимъ она помѣнялась съ Юкичевымъ, напомнилъ ей тѣ обстоятельства, при которыхъ это происходило, и она страшно огорчилась запамятованіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и просила меня увѣдомить тебя, что она готова заявить объ этомъ оффиціально, прося тебя извинить ея слабой памяти и преклоннымъ лѣтамъ и не ставить ей этой ошибки въ вину или въ злое намѣреніе. Я вполнѣ увѣренъ, что на чистосердечное раскаяніе сестры моей ты отзовешся прошеніемъ ея и тѣмъ доставишь и мнѣ средство сдѣлать для нея доброе дѣло. Затѣмъ при желаніи всего добраго остаюсь готовый къ услугамъ Д. Брокеръ. 27-го мая 1867 года“ (л. 242). Кромѣ того при дѣлѣ имѣются: 1) письмо генерала Юкичева отъ 2-го марта 1866 года, на имя присяжнаго повѣреннаго Белинга, представленное этимъ послѣдниъ къ дѣлу 12 декабря 1867 года. Письмо это слѣдующаго содержанія: „Милостивый государь Евстафій Генриховичъ! Покорнѣйше прошу васъ передать вексель г-жи Шварцъ въ распоряженіе господина полковника Постовскаго и взять отъ него взамѣнъ его вексель въ ту же сумму, но срокомъ отъ 10-го ноября 1865 года на годъ, и, буде, признаете нужнымъ, прекратить искъ въ Коммерческомъ Судѣ по сему дѣлу. Съ уваженіемъ имѣю честь быть вашъ покорнѣйшимъ слугою. Василій Юкичевъ, 2-го марта 1866 г.“. На другой (3-й) страницѣ сего письма значится: „означенный въ этомъ письмѣ документъ г. Постовскаго получилъ генералъ-маіоръ Юкичевъ (л. 271, 272); 2) засвидѣтельствованная нотаріусомъ Кирьяковымъ копія съ векселя и протеста по оному слѣдующаго содержанія: „Москва 27-го апрѣля 1865 г. Вексель на 6000 руб. отъ сего двадцать седьмаго апрѣля 1865 г. черезъ 24-го мѣсяца по сему моему векселю повинна я заплатить вдовѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дарьѣ Адамовнѣ Ликъ, или кому она прикажетъ, 6000 р. с., которые я получила отъ нея наличными деньгами сполна. Жена врача

Надежда Максимовна Шварцъ. На выдачу сего векселя согласенъ попечитель, мужъ ея врачъ Адамъ Сергѣевъ Шварцъ и въ вѣрномъ платежѣ на срокъ порукою за нее подписуюсь врачъ Адамъ Сергѣевъ Шварцъ.“ На оборотѣ: „безъ оборота на меня, вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дарья Адамовна Ликъ. Безъ оборота на меня, генералъ-маіоръ Юкичевъ.“ „1867 года мая 8-го дня, въ Москвѣ, по требованію по надписи московскаго купца Ивана Иванова Виллуанъ, ходилъ я, нижепоименованный публичный нотаріусъ, съ подлиннымъ векселемъ, выше сего въ спискѣ изложеннымъ, къ векселедательницѣ женѣ врача Надеждѣ Максимовнѣ Шварцъ, для требованія отъ нея по оному векселю платежа, на что она мнѣ отвѣчала, что по оному векселю должна, и платить будетъ, а также поручителю Адаму Шварцу о протестѣ сего векселя знать дано. Того ради я, нотаріусъ, за неплатежъ по оному векселю, для охраненія вексельнаго права, надлежащимъ образомъ протестовалъ, и сей протестъ съ подлиннымъ векселемъ предъявителю отданъ. Полупроцентныя деньги приняты и въ приходъ записаны. Нотаріусъ Кирьяковъ. (Съ прилож. печати за № 91178 л. 318). Въ послѣдствіи времени, а именно 2-го іюня 1867 года, г. Ликъ подала въ Судебную Палату прошеніе, въ которомъ изложила, что по случаю пріѣзда въ Москву брата ея Дмитрія Адамовича Брокера дѣло о векселѣ въ 6000 руб., вполнѣ разъяснилось, и братъ напомнилъ ей, что вексель г-жи Шварцъ дѣйствительно былъ переданъ ею Ликъ генералу Юкичеву, а посему возведенное ею обвиненіе было не болѣе и не менѣе какъ ошибка и забывчивость, произшедшая отъ того, что у ней въ то время были разсчеты по многимъ документамъ. Заявляя о семъ, она, Ликъ, просила о прекращеніи преслѣдованія Постовскаго по обвиненію, оказавшемуся ошибочнымъ и не сдѣлать ее причиною несчастія невиннаго человѣка (л. 299, 300). Что это прошеніе ею самою подписано и довѣрено подать въ Московскую Судебную Палату, вдова Ликъ подтвердила на допросѣ, отобранномъ отъ нея въ Московской Судебной Палатѣ 9-го іюля 1867 года (прот. Пал. л. 47). Приступая къ разсмотрѣнію вышеизложеннаго, Московская Судебная Палата находитъ, что первый вопросъ, подлежащій ея обсужденію, заключается въ томъ, въ какомъ видѣ представляется совокупность содержащихся въ настоящемъ дѣлѣ обвиненій, выведенныхъ г-жею Ликъ въ заявленіяхъ, предшествовавшихъ прошенію ея отъ 2-го іюля 1867 года, для опредѣленія того, содержится ли въ тѣхъ заявленіяхъ, независимо отъ основательности оныхъ обвиненій въ дѣйствіяхъ, требующихъ уголовнаго преслѣдованія, или же въ оныхъ выражена такая претензія г. Ликъ къ подполковнику Постовскому, которая, составляя предметъ гражданскаго процес-

са, или иска объ убыткахъ и вознагражденіи, зависитъ отъ опредѣленія силы и значенія какихъ-либо актовъ судомъ гражданскимъ. Въ семъ отношеніи изъ дѣла видно, что какъ въ первомъ прошеніи, поданномъ г-жею Ликъ московскому генералъ-губернатору, такъ равно и во всѣхъ послѣдующихъ до 2-го іюля 1867 года заявленіяхъ, г. Ликъ постоянно обвиняла подполковника Постовскаго въ разныхъ обманныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ пріобрѣтенію имъ принадлежащаго ей капитала, образовавшагося отъ продажи принадлежащаго ей недвижимаго имѣнія, совершившейся по его совѣтамъ и при его содѣйствіи, и въ растратѣ принадлежавшаго ей, безспорно, капитала въ 23.600 руб., взамѣнъ котораго Постовскимъ—1) возвращены ей, Ликъ, только 3000 руб. подъ видомъ векселя врача Шварца, для удовлетворенія непризнаннаго ею долга г-жѣ Микульшиной въ 2730 руб. и 2) выданъ вексель генералъ-маіора Юкичева, неимѣющій для нея, Ликъ, никакой цѣны. Совокупность обвиненій, содержащихся въ первональномъ прошеніи г. Ликъ, дополненныхъ и поддерживаемыхъ ею въ теченіи всего производства настоящаго дѣла, по соображеніи оныхъ съ п. 2, ст. 174 Уст. о нак., нал. мир. суд. и съ ст. 1666 Улож. о нак. угол. и испр., указываетъ прямо на то, что г. Ликъ во всѣхъ своихъ заявленіяхъ, подкрѣпленныхъ ею ссылкою на дѣйствія Постовскаго по дѣламъ о векселяхъ Шемшурина и Барскаго, о векселѣ въ 7000 руб., на которомъ она подписалась поручительницею за Постовскаго, о векселѣ, выданномъ г-жѣ Микульшиной безъ вѣдома ея и на сумму большую, чѣмъ она предполагала и о векселѣ г-жи Шварцъ въ 6000 руб., замѣненномъ (по показанію Постовскаго) векселемъ генерала Юкичева, ничего (по выраженію г. Ликъ) нестоющимъ, — относитъ дѣйствія обвиняемаго ею подполковника Постовскаго прямо къ разряду тѣхъ, о которыхъ говорится въ означенной статьѣ Устава о наказ. налаг. мир. суд. Ни обвиненія, содержащіяся въ прошеніяхъ г. Ликъ по первымъ тремъ предметамъ, ниже обвиненія по дѣлу о векселѣ г. Шварцъ въ 6000 руб. не могутъ быть признаны предметомъ гражданскаго иска, какъ потому, что по онымъ г. Ликъ не требуетъ исключительно вознагражденія за понесенные ею убытки, а проситъ о преслѣдованіи г. Постовскаго уголовнымъ порядкомъ, такъ равно и потому, что въ особенности по обвиненію о присвоеніи Постовскимъ векселя въ 6000 руб. г. Ликъ вовсе не ходатайствуетъ о взысканіи по оному съ Постовскаго денегъ. Напротивъ того, доказывая преступность способа пріобрѣтенія означеннаго векселя Постовскимъ, г. Ликъ проситъ между прочимъ о возвращеніи ей документа, отнятаго у нея посредствомъ обмана. Такое требованіе ея не имѣетъ ничего общаго съ гражданскимъ искомъ, и вопросъ о

силѣ и значеніи документа г-жи Шварцъ могъ бы возникнуть для г. Ликъ только по возвращеніи ей онаго. За неисполненіемъ же сего единственный вопросъ, подлежащій обсужденію, заключается въ томъ: въ какомъ видѣ представляется выводимое г-жею Ликъ отнятіе документа Постовскимъ и лишеніе черезъ то ея, Ликъ, возможности предъявить даже гражданскій искъ. Этотъ вопросъ однако подлежащій разрѣшенію на основаніи данныхъ, открытыхъ по настоящему дѣлу, равносиленъ вопросу о законности или противозаконности дѣйствій Постовскаго; сей же вопросъ и по смыслу гражданскихъ законовъ долженъ быть разрѣшенъ до предъявленія гражданскаго иска объ убыткахъ, (ст. 644 и послѣд. т. X, ч. 1, ст. 5 и 6 Уст. Гр. Суд., ст. Уст. Уг. Суд.). Къ тому въ виду опредѣленій Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, отъ 26-го іюля 1867 г. (№ Сборн, рѣш. Кас. Сената 311) и отъ 7-го іюля 1868 (№ 360) направленіе каждаго дѣла къ уголовному или гражданскому производству зависитъ отъ характера первоначальнаго заявленія жалобщика, а посему и настоящее дѣло, получившее уже уголовный ходъ и производившееся уголовнымъ порядкомъ въ теченіи двухъ съ лишкомъ лѣтъ, не можетъ нынѣ уже и по сему быть направлено къ гражданскому производству, если совокупность обнаруживающихся по оному уликъ окажется, по соображеніи оныхъ съ ст. 174 Уст. о нак. нал. мир. суд. и съ ст. 1666 Ул. о наказ. оправдывающею то обвиненіе, которое выведено г. Ликъ противъ подполковника Постовскаго. Къ тому по отношенію къ одному изъ обвиненій г. Ликъ, а именно по отношенію къ векселю въ 6000 руб., выданному женою врача Шварца и пріобрѣтенному, по обвиненію г. Ликъ, обманнымъ образомъ г. Постовскимъ, какъ видно изъ дѣла, даже было начато гражданское производство въ Коммерческомъ Судѣ, то-есть въ томъ судебномъ мѣстѣ, которому, на основаніи опредѣленія соединеннаго присутствія перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, только и подлежало дѣло о долгѣ по векселю. Но въ означенномъ судѣ производство дѣла сего гражданскимъ порядкомъ прекращено, между прочимъ, на основаніи заявленія повѣреннаго г. Ликъ—Костарева, согласнаго съ ст. 6, 7 и 8 Уст. Гр. Суд., а равно съ ст. 6, 7, 17, 18 и 19 Уст. Угол. Суд. Но если за симъ свойство самаго обвиненія, содержащагося въ заявленіяхъ г-жи Ликъ о прекращеніи гражданскаго дѣла о векселѣ въ 6000 руб. выводитъ дѣло по прошеніямъ г. Ликъ, направленнымъ противу подполковника Постовскаго изъ ряда тѣхъ дѣлъ, которыя должны производиться порядкомъ Гражданскаго Суда, то второй вопросъ, подлежащій обсужденію Судебной Палаты, заключается въ томъ: на сколько характеръ обвиненій и порядокъ направленія по онымъ настоящаго

го дѣла можетъ измѣниться вслѣдствіе того прошенія г. Ликъ, поданаго ею 2-го іюля 1867 года, въ которомъ она проситъ о прекращеніи начатаго по ея прошеніямъ уголовнымъ порядкомъ порядкомъ дѣла? Въ семъ отношеніи независимо отъ того, что поводомъ къ подачѣ г-жею Ликъ означеннаго прошенія былъ пріѣздъ брата ея Дмитрія Брокера и убѣжденія сего послѣдняго, что кромѣ того самая подача прошенія отъ 2-го іюня 1867 года совпадала съ письмомъ Дмитрія Брокера на имя Постовскаго; Палата находитъ, что соображеніе содержанія сего прошенія съ 157 и 1666 ст. Улож. о наказ. и съ ст. 16 и 20 Уст. Уг. Суд. указываетъ на то, что возникшее по обвиненію г-жи Ликъ противу подполковника Постовскаго дѣло не относится къ числу тѣхъ, которыя могли бы быть прекращены вслѣдствіе примиренія или отказа отъ преслѣдованія пострадавшаго отъ преступленія лица. Но если такимъ образомъ, на основаніи указанныхъ выше сего законовъ и рѣшеній Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, настоящее, возникшее уголовнымъ порядкомъ, дѣло, по свойству самаго обвиненія, не можетъ быть отнесено къ разряду дѣлъ гражданскихъ и если, кромѣ того, прошеніе г. Ликъ не можетъ имѣть въ настоящее время тѣхъ послѣдствій, которыхъ она домогалась въ ономъ, то третій вопросъ, подлежащій обсужденію Палаты, состоитъ въ томъ: представляется ли настоящее дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно подлежитъ нынѣ обсужденію обвинительной инстанціи, въ той мѣрѣ полнымъ, и произведено ли по оному предварительное дознаніе и слѣдствіе съ тою привильностію, чтобы по оному можно было бы возбудить судебное преслѣдованіе по обвинительному акту. Въ семъ отношеніи изъ дѣла видно: что предварительное дознаніе и слѣдствіе о противозаконныхъ поступкахъ Постовскаго, назначенныя по распоряженію московскаго генералъ-губернатора, относились ко времени, предшествовавшему введенію въ городѣ Москвѣ судебныхъ уставовъ и произведены были въ прежде дѣйствовавшемъ порядкѣ, а судебными властями, учрежденными по уставамъ 20-го ноября 1864 года, только докончены. По сему, хотя въ настоящемъ слѣдственномъ производствѣ и оказываются нѣкоторыя неполноты и отступленія отъ установленныхъ формъ, но упущенія сіи съ одной стороны не могутъ уже подлежать исправленію путемъ предварительнаго слѣдствія, а съ другой стороны могутъ съ большимъ успѣхомъ быть возстановлены на судебномъ слѣдствіи. Принимая же во вниманіе, что Постовскій, по окончаніи надъ нимъ слѣдствія, во время производства дѣла о немъ въ высшихъ инстанціяхъ имѣлъ возможность представить всѣ необходимыя объясненія къ своему оправданію, Судебная Палата находитъ, что вышеупомянутыя упуще-

нія какъ не существенныя не должны останавливать дальнѣйшаго направленія дѣла сего установленнымъ порядкомъ. Если же за симъ по устраненіи и сего третьяго вопроса дѣло о подполковникѣ Постовскомъ подлежитъ въ полномъ его объемѣ обсужденію Судебной Палаты, въ качествѣ обвинительной инстанціи, то по отношенію къ существу возводимыхъ г-жею Ликъ обвиненій изъ всего бывшаго въ разсмотрѣніи Судебной Палаты производства оказывается: 1) по обвиненію г-жею Ликъ, возводимому противу подполковника Постовскаго въ томъ, что онъ выманилъ у нея часть принадлежавшаго ей капитала на удовлетвореніе собственныхъ своихъ долговъ гг. Барскому и Шемшурину, изъ дѣла видно: что первоначальный долгъ означеннымъ лицамъ былъ заключенъ посредствомъ выдачи векселей въ январѣ 1865 года, то-есть за три мѣсяца до продажи имѣнія г. Ликъ. При этомъ Шемшурину былъ выданъ вексель въ 4600 р., а купцу Барскому, черезъ посредство зятя Постовскаго Шеломытова, былъ переданъ вексель въ 5000 руб. сер. Что какъ первый, такъ равно и второй изъ сихъ долговъ въ то время былъ сдѣланъ съ цѣлію уплаты долговъ подполковника Постовскаго, видно какъ изъ объясненій Барскаго и Шемшурина, такъ равно и изъ тѣхъ писемъ, которыя имѣются подъ подлиннымъ производствомъ. Противу этого обвиненія подполковникъ Постовскій не представилъ собственно никакихъ оправданій и возражая по дѣлу о векселяхъ, выданныхъ Шемшурину и Барскому, только тѣмъ, что г. Ликъ въ январѣ 1865 года совершила означенные долги для собственныхъ надобностей, не объяснилъ во все того принималъ ли онъ участіе и какое именно въ совершеніи означенныхъ долговъ и въ удовлетвореніи Шемшурина и Барскаго, долги которымъ, по совершеніи купчей собственно, на основаніи условій этой послѣдней относились уже къ врачу Шварцу, а не къ г. Ликъ. Шаткость представляемыхъ обвиненныхъ объясненій въ виду отзывовъ Шемшурина и въ особенности Барскаго, а равно въ виду того, что г. Ликъ обвиняетъ г. Постовскаго по означенному дѣлу еще и въ невыдачѣ ей векселей ея Шемшурину и Барскому, и что по сему предмету изъ дѣла съ положительностью видно, что повѣренный Барскаго Вальтеръ выдалъ Постовскому векселя г-жи Ликъ, но не видно, что сдѣлалъ съ означенными документами обвиненный, все это въ совокупности служитъ достаточнымъ основаніемъ къ обвиненію подполковника Постовскаго по этому первому предмету въ преступленіи, указанномъ ст. 174 п. 2 Уст. о наказ. 2) по обвиненіямъ о томъ а) что Постовскій выманилъ у г. Ликъ, несмотря на совѣты врача Шварца, поручительную надпись на векселѣ его Шварца въ 7000 руб. и б) что, получивъ по оному деньги для удов-

летворенія Шварца, отъ г. Ликъ, ни денегъ ей не заплатилъ, ни векселя съ поручительною надписью ей не возвратилъ и за симъ лишилъ ее всякой возможности получить съ него какое-либо удовлетвореніе, изъ дѣла оказывается, что г. Постовскій, оправдывается только указаніемъ на полноправность г. Ликъ и на то, что она сама должна была знать что дѣлаетъ. Но въ такомъ объясненіи его заключается сознаніе факта выставляемаго г-жею Ликъ. Ежели же этотъ фактъ долженъ быть признанъ существующимъ, то убѣжденіе г. Ликъ въ принятіи на себя поручительства посредствомъ сообщенія такихъ извѣстій, или подъ видомъ такихъ предпріятій, которыя побудили ее къ совершенію поручительной надписи на векселѣ г. Постовскаго, выданномъ Шварцу, относится прямо къ числу тѣхъ дѣйствій, которыя предусмотрѣны ст. 1666 Улож. о наказ. угол. и исправ., а равно ст. 174, п. 2 Уст. о наказ. налаг. мир. суд. Къ тому же обвиненіе по сему второму пункту усиливается еще болѣе обстоятельствами, сопровождавшими совершеніе убыточной для г. Ликъ денежной сдѣлки съ г-жею Микульшиною посредствомъ выдачи векселя, написаннаго по предъявленіи, въ то время, какъ она Ликъ, согласилась выдать денежный документъ на годъ, и съ обозначеніемъ въ немъ суммы въ 2730 руб., въ то время, какъ г. Ликъ согласилась только на выдачу векселя на 1000 руб. Что касается наконецъ 3) обвиненіе въ обманномъ пріобрѣтеніи, Постовскимъ векселя Шварца въ 6000 руб., то въ семъ отношеніи изъ дѣла видно: что подполковникъ Постовскій отрицалъ всякое содѣйствіе при передачѣ векселя г-жи Шварцъ генералъ-маіору Юкичеву и показывалъ, что таковая передача совершена г-жею Ликъ добровольно въ квартирѣ Шеломытова. Съ своей стороны генералъ-маіоръ Юкичевъ, показывая сначала также, что вексель переданъ ему г-жею Ликъ въ послѣдствіи времени отозвался, что онъ не помнитъ отъ кого получилъ онъ означенный вексель отъ г-жи Ликъ, или же отъ Постовскаго. Между тѣмъ изъ дѣла сего не видно, чтобы г. Ликъ видѣлась до передачи ей векселя г. Юкичева съ этимъ послѣднимъ. Напротивъ того изъ показаній г. Ликъ, не отвергнутыхъ ни Постовскимъ, ни Шеломытовымъ, ниже Юкичевымъ, оказывается, что г-жа Ликъ по отдачѣ ей Постовскимъ векселя Юкичева, усумнилась въ подписи г. Юкичева и впервые потребовала свиданія съ нимъ, для подтвержденія имъ лично того, что онъ дѣйствительно подписалъ переданный ей вексель. Изъ сего видно, что свиданіе съ Юкичевымъ по этой причинѣ не совпадало съ самою выдачею векселя г-жи Шварцъ и подтверждаетъ, что вексель Юкичева во всякомъ случаѣ находился уже въ рукахъ г-жи Ликъ во время того свиданія, которое она имѣла съ нимъ на квартирѣ Шеломытова. Самое

возвращеніе г. Юкичевымъ векселя г. Шварцъ не вдовѣ Ликъ, а Постовскому представляется также уликою, обвиняющею сего послѣдняго и въ семъ отношеніи нельзя не замѣтить слѣдующее: повѣренный г Юкичева, присяжный повѣренный Белингъ на двухъ допросахъ судебному слѣдователю положительно заявилъ, что, по прочтеніи публикаціи г-жи Ликъ о потерѣ векселя, г. Юкичевъ выдалъ ему, Белингу, вексель съ бланковыми надписями г. Ликъ и Юкичева, для истребованія отъ Постовскаго векселя на ту же сумму. Показанія своего по сему предмету ни въ сентябрѣ, ниже въ октябрѣ 1866 года г. Белингъ не подтвердилъ однако письмомъ г. Юкичева, на которое онъ ссылался. Не говоря уже о томъ, что въ показаніи отъ 2-го октября г. Белингъ два раза заявлялъ, что письмо г. Юкичева къ нему было писано 2-го марта 1865 года, между тѣмъ какъ въ прежнемъ показаніи онъ ссылался на письмо, писанное въ мартѣ 1866 года, изъ соображенія показаній г. Белинга съ показаніями Постовскаго и съ тѣмъ письмомъ г. Юкичева отъ 2-го марта 1866 года, которое представлено г. Белингомъ лишь 12-го декабря 1867 года, явствуетъ, что г. Юкичевъ поручалъ г. Белингу передать вексель г-жи Шварцъ Постовскому, съ истребованіемъ отъ него векселя на туже сумму отъ 10-го ноября на годъ. Указавъ число выдачи того векселя, возвращенія котораго онъ домогался, г. Юкичевъ не могъ довольствоваться векселемъ Постовскаго, выданнымъ во всякомъ случаѣ не ранѣе марта 1866 года. Къ тому въ это время (т.-е. въ мартѣ 1866 года) Постовскій съ другой стороны не могъ же выдавать векселя, написаннаго заднимъ числомъ, то-есть отъ 10-го ноября 1865 года. Хотя же на письмѣ, представленномъ г. Белингомъ въ декабрѣ 1867 года и значится надпись г. Юкичева о томъ, что онъ по возвращенному Постовскимъ векселю получилъ удовлетвореніе, но надпись сія, учиненая безъ числа и года на документѣ, представленномъ лишь по окончаніи уже предварительнаго слѣдствія, не можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ къ освобожденію г. Постовскаго отъ взводимаго на него обвиненія. Кромѣ того Постовскій, получивъ вексель г. Шварцъ съ бланковыми на немъ надписями г-жи Ликъ и Юкичева, послѣ производства дѣла сего въ Коммерческомъ Судѣ и послѣ возбужденія уже уголовнаго преслѣдованія объ означенномъ векселѣ очевидно передалъ оный въ постороннія руки; ибо изъ протеста нотаріуса не означенномъ векселѣ видно что вексель тотъ 8-го мая 1867 года протестованъ по требованію московскаго купца Виллуана. Совокупность этихъ уликъ, по соображеніи оныхъ съ показаніями врача Шварца и съ уклончивыми объясненіями генералъ-маіора Юкичева, присяжнаго повѣреннаго Белинга и артиста Шеломытова и съ недостаточными объясненіями самаго под-

полковника Постовскаго, приводитъ къ тому убѣжденію, что обвиненіе г-жею Ликъ въ обманномъ дѣйствіи г. Постовскаго и по сему предмету остается и нынѣ неопровергнутымъ ни возраженіями обвиненнаго лица, ни тѣми доказательствами, какія представлены имъ въ свое оправданіе. По всѣмъ симъ соображеніямъ, признавая возведенныя г-жею Ликъ обвиненія достаточными для возбужденія противъ г. Постовскаго судебнаго преслѣдованія, Московская Судебная Палата опредѣлила: отставнаго подполковника, изъ потомственныхъ дворянъ, Захарія Постовскаго, 46 лѣтъ, по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 п. ст. 174 Уст. о наказ. налаг. мир. суд. и 1666 ст. Улож. о наказ. угол. и исправ., согласно 200, 201 и 208 ст. Уст. Угол. Суд., передать суду Московскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, съ отдачею Постовскаго, на основаніи 2 п. 416 и 419 ст. Устав. Угол. Суд. впредь до рѣшенія дѣла подъ надзоръ полиціи. При семъ къ судебному слѣдствію вызвать: 1) обвиненнаго подполковника Захарія Постовскаго; 2) вдову дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дарью Ликъ; 3) врача Адама Шварца; 4) купца Григорья Барскаго; 5) почетнаго гражданина Аркадія Шемшурина; 6) отставнаго генералъ-маіора Юкичева; 7) присяжнаго повѣреннаго Евстафія Белинга; 8) артиста Императорскихъ Московскихъ Театровъ Шеломытова; 9) полковницу Елизавету Ивановну Микульшину; 10) присяжнаго повѣреннаго Костарева и 11) купца Ивана Иванова Виллуана. Производство и рѣшеніе настоящаго дѣла, находившагося уже въ разсмотрѣніи Московскаго Окружнаго Суда, предоставить, на основаніи 929 ст. Уст. Угол. Суд., другому составу присутствія сего суда, а копію съ настоящаго опредѣленія передать прокурору Судебной Палаты въ установленномъ порядкѣ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Гражданское уложеніе итальянскаго королевства и русскіе гражданскіе законы. *Опытъ сравнительнаго изученія системы законодательствъ. С. Заруднаго,* ч. I и II (538 и 191 стран.). С.-Петербургъ 1869 г.

Съ живѣйшимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мы появленіе настоящаго сочиненія, къ которому, по справедливости, могутъ быть примѣнены слѣдующія слова Troplong: „l'étude de la *législation comparée* est le meilleur moyen d'approfondir les grandes questions que présente la science du droit."

Сравнительный методъ изученія гражданскаго права является тѣмъ полезнѣе, что 1) во всѣхъ кодексахъ заключаются два элемента: общеловѣческій и мѣстный; первый изъ нихъ, составляющій такъ, сказать, геометрическую часть гражд. права, родъ математической выкладки, примѣнимой равно ко всѣмъ государствамъ, подлежитъ внимательному изученію со стороны лицъ, желающихъ посвятить себя научному изслѣдованію законовъ; 2) Томъ X. ч. I. свода Зак. Гражд. безъ сомнѣнія въ скоромъ времени будетъ подвергнутъ пересмотру въ законодательномъ порядкѣ, для приведенія его въ соотвѣтствіе „съ судебными уставами 1864 г." и съ вновь изданными законоположеніями.

Настоящее изданіе г. Заруднаго представляется приготовительнымъ трудомъ, могущимъ облегчить во многомъ послѣдующій пересмотръ русскихъ гражданскихъ законовъ.

Мотивы, побудившіе автора избрать для сличенія съ русскимъ законодательствомъ *итальянское* уложеніе 1865 года, состоятъ (по его объясненію) въ слѣдующемъ: 1) это уложеніе ближе къ своему коренному источнику, римскому праву, чѣмъ кодексъ Наполеона; 2) оно составляетъ примѣненіе римскаго права къ современнымъ потребностямъ той мѣстности, гдѣ это право ро-

дилось и развилось, и откуда оно распространило свое владычество не только на большую часть стараго свѣта, но даже и на нѣкоторыя государства новаго; 3) оно болѣе согласовано съ современными потребностями гражданской жизни; 4) оно болѣе удовлетворяетъ общимъ началамъ науки и требованіямъ практики; 5) оно полнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ кратче французскаго (2159 статей вмѣсто 2281 ст. К. Н.), и 6) оно изложено въ болѣе строгой системѣ и написано современнымъ языкомъ, болѣе доступнымъ для перевода на русскій языкъ, чѣмъ кодексъ Наполеона, изданный въ началѣ текущаго столѣтія.

По *формѣ* своего изложенія, трудъ г. Заруднаго раздѣляется на двѣ части:

а) Въ первой помѣщенъ переводъ итальянскаго уложенія:

б) Во второй части заключаются отдѣльныя замѣтки по различнымъ предметамъ гражданскаго права, съ краткимъ сличеніемъ вошедшихъ въ итальянское уложеніе правилъ съ французскимъ кодексомъ и съ русскими гражданскими законами.

Для юридической литературы наибольшій интересъ представляетъ *вторая часть* сочиненія г. Заруднаго, которую мы и подвергнемъ разсмотрѣнію.

По изслѣдованіямъ автора въ итальянскомъ уложеніи раздѣленіе имуществъ на разные виды весьма упрощено; отмѣнены раздѣленія имуществъ на тѣлесныя и безтѣлесныя, тлѣнныя и нетлѣнныя, раздѣльныя и нераздѣльныя, наличныя и долговыя, благопріобрѣтенныя и родовыя; оставлено лишь дѣленіе имуществъ на *недвижимыя* и *движимыя*.

Ученіе о сервитутахъ въ упомянутомъ уложеніи, какъ основанномъ на римскомъ правѣ, получило болѣе подробное развитіе, нежели въ русскомъ законодательствѣ.

Главныя начала „общаго владѣнія“ Свода Зак. довольно близко подходятъ къ принципамъ итальянскаго уложенія, но послѣднее отличается большею систематичностію постановленій, основанныхъ на желаніи согласить интересъ частный съ общественнымъ.

Относительно наслѣдства: по закону и по завѣщанію итальянское уложеніе старается установить между ними полное равновѣсіе, не отдавая преимущества одному изъ нихъ передъ другимъ; сначала изложены правила—наслѣдованія по закону, затѣмъ наслѣдства по завѣщанію; въ т. X, ч. I напротивъ того прежде помѣщены правила о завѣщаніяхъ (ст. 1010—1103), а потомъ узаконенія о наслѣдствѣ по закону (ст. 1104—1373), что является менѣе логичнымъ, ибо наслѣдованія: по закону—есть общее правило, а по завѣщанію исключеніе.

По предмету наслѣдованія по закону итальянское уложеніе

отличается отъ Свода Зак. въ слѣдующемъ: въ первомъ не существуетъ понятія о родѣ и о родовыхъ имуществахъ, но право наслѣдованія основано лишь на семейномъ началѣ; права наслѣдниковъ ни въ чемъ не зависятъ отъ пола, къ коему они принадлежатъ; къ наслѣдству допускаются не только усыновленные, но и незаконнорожденные; наслѣдники по закону во всякомъ случаѣ имѣютъ право на опредѣленную часть имущества наслѣдодателя. Однимъ словомъ законы о наслѣдствѣ основаны исключительно на отношеніяхъ лицъ, состоящихъ въ родствѣ, а не на свойствѣ наслѣдственнаго имущества, какъ въ русскомъ законодательствѣ.

Касательно наслѣдованія по завѣщанію итальянскіе экономисты, во имя свободы собственности, успѣховъ земледѣлія и промышленности и во имя правъ отца семейства, требуютъ: а) уничтоженія права наслѣдниковъ получить, во всякомъ случаѣ, законную долю, и б) установленія безусловной свободы въ распоряженіяхъ завѣщателя. Но итальянское уложеніе 1865 г. отвергло означенное ученіе и удержало право наслѣдниковъ на законную долю въ имуществѣ наслѣдодателя. Съ своей стороны мы вполнѣ сочувствуемъ этому узаконенію, основанному на высшихъ началахъ справедливости и установляющему полное равновѣсіе между интересами наслѣдниковъ по закону и по завѣщанію, воспрещая въ то же время завѣщателю лишать своихъ законныхъ наслѣдниковъ всякаго участія въ его наслѣдственномъ имуществѣ.

Законы о *дареніи* въ италіянскомъ уложеніи преставляютъ слѣдующія главныя начала: дареніе не подлежитъ отмѣнѣ по усмотрѣнію дарителя; оно распространяется только на принадлежащее уже имущество, а не на имущество, могущее дойти къ дарителю въ послѣдствіи; дареніе, приведеніе коего въ исполненіе зависитъ исключительно отъ дарителя, допускаемо быть не можетъ (ср. стт. 967, 987 и 944 т. X, ч. I зак. гр.)

Въ отношеніи *договоровъ* и *обязательствъ* характеристика италіянскаго уложенія 1865 г. состоитъ въ слѣдующемъ: предоставленіе контрагентамъ полной свободы установлять между собою юридическія отношенія и условія; отсутствіе воспрещенія лихвенныхъ процентовъ; недозволеніе разсрочекъ въ платежѣ обязательства по усмотрѣнію суда (ср. ст. 136 Уст. Гражд. Суд: 1864 г.). Уложеніе (ст. 1157—1217) установляетъ правила у разныхъ родахъ обязательствъ, какъ-то: условныхъ, срочныхъ, обязательствъ съ правомъ выбора, солидарныхъ, дѣлимыхъ, недѣлимыхъ, и обязательствъ съ неустойкою (у насъ всѣ эти обязательства допускаются судебною практикою, но не указаны закономъ). Дѣйствія обязательствъ по италіянскому уложенію

опредѣлены категорически:“ заключившій обязательство долженъ удовлетворить его въ точности, а въ противномъ случаѣ вознаградить за убытки (ст. 1218).“

Затѣмъ г. Заруднымъ разсмотрѣны въ подробности договоры: купли-продажи, мѣны, эмфитеозиса (долгосрочной аренды), найма, займа, при чемъ съ экономической, юридической и исторической точекъ зрѣнія обсужденъ вопросъ о лихвенныхъ процентахъ; наконецъ говорится объ ипотечной системѣ *).

Уже изъ изложеннаго можно судить о достоинствѣ сравнительнаго изученія г. Заруднымъ системы законодательствъ итальянскаго.

Подобныя изслѣдованія основныхъ началъ различныхъ законодательствъ безъ сомнѣнія подѣйствуютъ благотворно на науку гражданскаго права, послужатъ къ всестороннему разъясненію отдѣльныхъ юридическихъ вопросовъ и укажутъ, черезъ взаимную повѣрку, достоинства и недостатки каждаго отдѣльнаго законодательства и русскаго.

Вотъ почему мы считаемъ своею обязанностью выразить надежду, что книга г. Заруднаго не останется безъ подражателей, и что не только законодательства группы римско-французской и италіянской, — но изаконодательства германскія (прусское и австрійское) и англійское будутъ, современемъ, приведены въ параллель съ русскимъ сводомъ законовъ и подвергнуты подробному изученію нашими юристами.

Въ заключеніе мы присовокупимъ, что г. С. Зарудный уже (одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашей судебной реформы 1864 г.) не въ первый разъ издалъ сочиненіе, имѣющее значеніе для нашей кодификаціи; именно имъ въ 1859 г. напечатана была брошюра „охранительные законы частнаго гражданскаго права“, послужившая основаніемъ къ изданію новыхъ законовъ о „судопроизводствѣ охранительномъ“ (книга IV уст. гражд. судопр. 1864 г., ст. 1401—1460.)..

Положеніе о несостоятельности торговой и неторговой, составилъ А. Фриде. Москва 1869.

Брошюра эта весьма полезна для юристовъ-практиковъ, которымъ придется разсматривать въ судебныхъ мѣстахъ дѣла о несостоятельности торговой и неторговой.

---

*) Послѣдній вопросъ подвергнутъ въ нашемъ отечествѣ законодательному пересмотру, и сколько намъ извѣстно, составленный особою коммисіею проектъ „ипотечнаго устава“ имѣетъ въ скоромъ времени поступить на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Въ настоящее время законы о состоятельности представляютъ рядъ постановленій, не приведенныхъ правительствомъ въ полное соотвѣтствіе между собою и еще не кодифицированныхъ, именно узаконенія о семъ разбросаны: во 2-й ч., X т. въ XI т. ч. 2-й, уст. торг. во II т. общ. губ. учр., въ судебныхъ уставахъ 1864 г. и въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта отъ 1-го іюля 1868 г.

Г. Фриде изложилъ уставъ о несостоятельности въ томъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ быть примѣненъ въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ, и сверхъ того указалъ тѣ законы, которые сохранили силу для коммерческихъ судовъ, уѣздныхъ судовъ и палатъ уголовнаго и гражданскаго суда. Наконецъ изъ сборника рѣшеній общихъ собраній правительствующаго сената выписаны вкратцѣ рѣшенія по разсмотрѣннымъ ими дѣламъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

О ВЫЗОВѢ И ДОПРОСѢ СВИДѢТЕЛЕЙ ВЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМЪ СЛѢДСТВІИ.

(изъ неизданнаго сочиненія).

Чтобы допросъ свидѣтеля могъ служить вѣрнымъ способомъ къ раскрытію истины, нужно поставленіе его въ такое положеніе, которое наиболѣе благопріятствовало бы искренности, чистосердечности показанія. Между тѣмъ наша практика далеко отступаетъ отъ этого правила: неразборчивая на средства, она нерѣдко прибѣгаетъ къ такимъ орудіямъ, которыя вынесены изъ долговременной школы вымогательства признанія отъ обвиняемаго; разъ попавъ на эту колею, она прировняла допросъ обвиняемаго къ допросу свидѣтеля, отъ котораго ждала также признанія во всемъ извѣстномъ ему и, подозрѣвая его въ преднамѣренной уклончивости отъ этого признанія, силилась добывать его вынудительными способами. Отсюда вышли такія отношенія слѣдователя къ свидѣтелямъ, которыя пріучили ихъ самихъ считать свой допросъ допросомъ обвиняемаго, ставить себя на одну доску съ нимъ и при одинаковомъ положеніи заботиться не объ истинѣ, а о томъ, чтобы избѣгнуть принужденія, устрашенія, тягостнаго обращенія и скорѣе отдѣлаться отъ безпокойства. На уклончивомъ отвѣтѣ нашего свидѣтеля „не знаю непомню“ лежитъ тяжелымъ гнетомъ исторія нашего стараго слѣдственнаго порядка, пытокъ, брани, крика. Новому порядку приходится сводить счетъ съ этимъ жалкимъ достояніемъ скуднаго наслѣдства, пустившимъ глубокія корни въ народные нра-

---

*) *Окончаніе.* См. Юрид. Вѣстн. 1869 г. Кн. 7.

вы и понятія; остается быть снисходительнымъ къ винѣ стараго порядка и отъ него возвратиться къ естественнымъ, законнымъ и, соотвѣтствующимъ свойству допроса свидѣтелей отношеніямъ къ нимъ.

Прежде всего не слѣдуетъ забывать, что уваженіе къ личности свидѣтеля обязательно, неуваженіе къ ней слишкомъ чувствуется имъ и вредно отражается на его показаніи; что всякое показаніе тогда только имѣетъ силу доказательства, когда добровольно, не вынуждено; что послѣ подтвержденія свидѣтелю показывать правду и одну правду присягою или увѣщаніемъ, нельзя подозрѣвать свидѣтеля въ сокрытіи истины, въ неискренности, пока не будетъ доказано противное; что чѣмъ спокойнѣе, хладнокровнѣе производится допросъ, тѣмъ полезнѣе онъ для истины, и что всякое раздраженіе не поправляетъ, а портитъ дѣло. Вообще благосклонное, снисходительное къ положенію свидѣтеля обращеніе слѣдователя имѣетъ большое вліяніе на расположеніе свидѣтеля высказать всю правду безъ утайки. Заботясь болѣе всего объ открытіи истины и употребляя надежные къ тому способы, слѣдователь долженъ нерѣдко сообразоваться съ особыми качествами свидѣтелей, чтобы пробудить въ нихъ состояніе души, настроивающее ее къ откровенности, къ чистосердечію. Такъ больные, слабые, престарѣлые могутъ давать свои показанія сидя, а не стоя; утомленіе продолжительнымъ допросомъ свидѣтеля служитъ основаніемъ для отдыха, остановки допроса, и нельзя ставить въ вину свидѣтелю, если онъ сядетъ. Есть лица съ рѣзкими пріемами въ рѣчи, съ грубыми манерами, безъ намѣренія оказать неуваженіе, кому-нибудь, упрекъ въ этомъ недостаткѣ могъ бы смутить свидѣтеля; другія напротивъ робки, вслѣдствіе своего воспитанія, пола, возраста и требуютъ ободренія. Одни свидѣтели бросаются въ мелочи, къ дѣлу не относящіяся, ихъ нужно терпѣливо выслушать, не прерывая разсказа, чтобы не обронить изъ него важныхъ обстоятельствъ, не давъ имъ выговориться; иные забывчивы, ихъ нужно надоумить, помочь ихъ памяти. Чѣмъ мягче, внимательнѣе относится слѣдователь къ свидѣтелямъ, тѣмъ податливѣе они на откровенность, тѣмъ довѣрчивѣе они становятся къ слѣдователю.

Свидѣтели излагаютъ свои показанія предъ слѣдователемъ *изустно*, а не письменно. Словесное изложеніе показанія есть основа допроса; только въ такомъ способѣ производства заключается выраженіе истины безъ всякой посторонней примѣси, право судіе не можетъ имѣть дѣло съ письменнымъ, придуманнымъ, заранѣе приготовленнымъ отвѣтомъ свидѣтеля, такъ какъ въ немъ нельзя не подозрѣвать отступленія отъ правды, посот-

роннее вліяніе; свидѣтель, давая показаніе, долженъ совѣщаться только съ своею памятью и личными впечатлѣніями, по которымъ сдѣлалось ему извѣстнымъ что-либо. Въ отступленіе отъ этого основнаго начала допроса, — не смотря на требованіе и прежняго закона, чтобы показанія свидѣтеля записывались непремѣнно со словъ его, а не писаны по какому-либо образцовому письму (Св. Зак. т. XV кн. II ст.),—въ слѣдственной практикѣ ввелся обычай не только принимать отъ свидѣтеля письменные отвѣты, заранѣе приготовленные, но и посылать на домъ къ свидѣтелямъ запросы, требованія объясненій, отзывовъ и т. п. Это нарушеніе закона составляло одно изъ важныхъ злоупотребленій слѣдственнаго производства: письменно можно требовать только оффиціальныя свѣдѣнія и справки въ самомъ тѣсномъ смыслѣ отъ должностнаго лица, не бывшаго свидѣтелемъ и непричастнаго къ дѣлу.

Оставаясь въ строгихъ предѣлахъ изустнаго изложенія показаній, слѣдователь не долженъ дозволять свидѣтелю имѣть предъ собою какія-нибудь письменныя замѣтки, потому что онѣ могутъ прокладывать дорогу разсказу свидѣтеля, заранѣе обдуманому, дать показанію канву, впередъ заготовленную; законъ дозволяетъ прибѣгать къ памятнымъ запискамъ только въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда показанія свидѣтелей относятся къ какимъ-либо вычисленіямъ, выводамъ или отчетамъ, которые трудно удержать въ памяти (Уст. Угол. Суд. ст. 628). Такъ напримѣръ, въ злостномъ банкротствѣ, въ преступленіяхъ, касающихся денежныхъ оборотовъ, при изложеніи свидѣтелемъ научныхъ наблюденій, которыхъ описаніе даетъ болѣе точности сообщаемымъ фактамъ.

При допросѣ свидѣтелей, объясняющихся на непонятномъ для слѣдователя, языкѣ и при снятіи показаній съ нѣмыхъ соблюдаются относящіяся сюда правила о допросѣ обвиняемаго (ст. 410, 411, 450), но переводчики и толмачи приводятся къ присягѣ, какъ и свидѣтеля, если послѣдніе дожны быть спрошены подъ присягою при предварительномъ слѣдствіи, въ вѣрной передачѣ вопросовъ и отвѣтовъ, чрезъ нихъ объясняемыхъ (ст. 730).

Допросъ начинается разспросомъ свидѣтеля о его имени, отчествѣ, фамиліи или прозвищѣ, возрастѣ, состояніи, званіи и мѣстѣ жительства, а также объ отношеніяхъ его къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ — потерпѣвшему и обвиняемому, т. е. не находится ли онъ съ нимъ въ родствѣ, свойствѣ и въ другихъ отношеніяхъ, могущихъ служить причиною къ отводу свидѣтеля отъ присяги или имѣть вліяніе на опредѣленіе достовѣрности показанія (ст. 447, 445). Подробное опредѣленіе личности свидѣтеля и отношеній его къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ имѣ-

етъ значеніе не только для слѣдователя, но и для суда при вызовѣ свидѣтелей къ судебному засѣданію и повѣркѣ причинъ къ отводу свидѣтеля отъ присяги.

Послѣ этихъ общихъ вопросовъ слѣдователь предлагаетъ свидѣтелю разсказать все, что извѣстно ему по дѣлу, не примѣшивая обстоятельствъ постороннихъ и не повторяя слуховъ, неизвѣстно отъ кого исходящихъ (ст. 7181). Въ такомъ разсказѣ и заключается сущность свидѣтельскаго показанія; слѣдователь долженъ выслушать его, не стѣсняя своими вопросами. Въ этомъ смыслѣ слова „допросъ свидѣтеля“ невѣрно выражаютъ значеніе слѣдственнаго дѣйствія, которое скорѣе слѣдовало бы назвать показаніемъ свидѣтеля: слѣдователь болѣе долженъ слушать, чѣмъ допрашивать его. Слушаніе показанія ставитъ свидѣтеля въ его естественное, спокойное положеніе разказчика видѣнныхъ и извѣстныхъ ему событій; допросъ предполагаетъ отвѣтъ свидѣтеля, который онъ даетъ вслѣдствіе предлагаемыхъ ему вопросовъ, а не по собственному внушенію и желанію высказать извѣстную ему истину. Названіе допроса болѣе прилично показанію обвиняемаго, у котораго выпытывается отвѣтъ на выставленное противъ него обвиненіе, на говорящія противъ него обстоятельства, чѣмъ разсказу свидѣтеля, очевидца событія. Безъ сомнѣнія нельзя строго держаться такого опредѣленія показанія свидѣтеля, нельзя лишить слѣдователя права предлагать вопросы свидѣтелю; но эти вопросы должны обращать вниманіе свидѣтеля на обстоятельства, по которымъ онъ выставленъ, вызывать разъясненія и дополненія высказаннаго имъ. Было бы несообразно съ свободою свидѣтельскаго показанія, предлагать свидѣтелю такіе вопросы, которые влагали бы въ его уста извѣстный отвѣтъ, приводили бы его, противъ воли, къ такому объясненію извѣстныхъ ему обстоятельствъ, которое не можетъ быть приписываемо ему. Независимый въ своей рѣчи, въ способѣ изложенія въ объясненіяхъ, свидѣтель не долженъ быть вынуждаемъ къ опредѣленному показанію никакими искуственными пріемами; роль слѣдователя ограничивается отобраніемъ показанія, безъ подсказыванія отвѣтовъ вопросами для разъясненія его; словомъ, онъ долженъ слушать и распрашивать, а не допрашивать. Въ силу этого правила онъ долженъ предоставить прежде всего высказаться самому свидѣтелю, а потомъ предлагать вопросы. Но если считаетъ нужнымъ, онъ можетъ указать свидѣтелю въ краткихъ словахъ обстоятельства, по которымъ онъ вызванъ, главный предметъ допроса.

Достоинство свидѣтельскаго показанія заключается въ точности и полнотѣ; съ этими свойствами должно быть согласовано содержаніе показанія. Свидѣтель долженъ показать все, что онъ

видѣлъ, слышалъ самъ или отъ другихъ, высказать извѣстныя ему обстоятельства, относящіяся къ совершенію преступленія, къ винѣ и невинности обвиняемаго, и способъ, которымъ онѣ стали ему извѣстны. Такъ, предметами свидѣтельскаго показанія могутъ быть: день и часъ совершенія преступленія, темнота или ясность, бывшая въ то время, мѣсто событія преступленія, разстояніе, въ которомъ находились отъ этого мѣста свидѣтель и другія лица, знающія о преступленіи; причины и побужденія къ совершенію преступленія; способы, которыми оно совершено, начато, окончено, орудія, посредствомъ которыхъ сдѣлано преступленіе; послѣдствія, имъ произведенныя, слѣды оставленные; точное означеніе виновниковъ преступнаго дѣянія и ихъ участниковъ, ихъ черты лица, особыя приметы, если имена и фамиліи неизвѣстны, форма, цвѣтъ и родъ ихъ платья, число ихъ полъ, возрастъ, участіе, какое принималъ каждый изъ нихъ въ преступномъ дѣйствіи, положеніе, въ которомъ они замѣчены, спокойствіе, уныніе, смѣлость, дерзость, бѣдность или достатокъ, степень ихъ развитія умственнаго, болѣзненное состояніе души, угрозы, высказанныя ими, поступки, выражавшіе ихъ намѣреніе совершить преступленіе, дружба или вражда ихъ къ лицу потерпѣвшему, поводы къ преступленію, которые могли быть даны имъ; призваніе и все сказанное обвиняемымъ относительно совершенія преступнаго дѣянія, всѣ предшествовавшія ему или послѣдовавшія за нимъ обстоятельства, по которымъ можно заключать о степени виновности извѣстнаго лица, объ образѣ его дѣйствій, служащемъ въ его пользу или къ отягощенію его вины.

Когда свидѣтель кончитъ свое показаніе переставъ, говорить и объявивъ, что онъ разсказалъ все, что ему извѣстно; то слѣдователь предлагаетъ ему отдѣльные вопросы, если данное имъ показаніе темно, противорѣчиво. Слѣдователь можетъ обратить вниманіе свидѣтеля и на противорѣчіе его показанія съ показаніями другихъ свидѣтелей, не называя ихъ, или на несогласіе его объясненія съ обстоятельствами дѣла; но онъ не долженъ искажать смыслъ показанія свидѣтеля и предлагать ему вопросовъ, которые могли бы отклонить его отъ истины. Законъ требуетъ, чтобы вопросы, предлагаемые свидѣтелю, были *кратки и ясны* (ст. 447), чтобы дать ими возможность свидѣтелю высказаться согласно съ тѣмъ, что онъ дѣйствительно знаетъ по его личнымъ впечатлѣніямъ, какія отражались на немъ видѣннымъ. Это требованіе закона и вышеизложенное замѣчаніе относительно допроса свидѣтелей налагаютъ на слѣдователя особенную осторожность въ способѣ предложенія вопросовъ и въ содержаніи ихъ. Вообще нельзя упускать изъ виду, что свидѣ-

тельское показаніе тогда получаетъ значеніе доказательства когда отъ него отклонено всякое постороннее вліяніе, когда оно становится свободною исповѣдью совѣсти. Безъ сомнѣнія, если свидѣтель говоритъ уклончиво, колеблется, избѣгаетъ подробностей по снисхожденію или изъ страха высказаться, впадаетъ въ противорѣчіе, говоритъ очевидную ложь, слѣдователь имѣетъ право и обязанъ напомнить ему высказать всю правду, ничего неизмѣняя въ ней и не скрывая, указать на опасность, какой онъ подвергается лжесвидѣтельствомъ; но онъ никоимъ образомъ не долженъ вынуждать, устрашать и обольщать свидѣтеля къ показанію, какого ожидаетъ отъ него. Конечно нелегко слѣдователю прибѣгать къ беззаконнымъ способамъ принужденія; но легко ему увлечься, въ интересахъ разъясненія темныхъ обстоятельствъ, способами, нравственно неободряемыми, предложеніемъ вопросовъ свидѣтелю, вынуждающихъ на желаемый отвѣтъ, изворотливыхъ, наводящихъ на ожидаемое показаніе. Такое косвенное принужденіе подрываетъ показаніе въ самой основѣ и вовсе нежелательно, оно опасно, потому что не рѣдко свидѣтели подтверждаютъ спрашиваемое, одни по легкомыслію и желанію скорѣе отдѣлаться, другіе изъ опасенія и затрудненія, въ какое ставятся предположеніемъ, что вопрошающій, въ виду всѣхъ обстоятельствъ дѣла, хорошо знаетъ, что и какъ было, иначе не могъ бы поставить столь точнаго вопроса, если бы содержащееся въ вопросѣ обстоятельство не было ему вполнѣ извѣстно; если свидѣтель совсѣмъ забылъ какое-либо мелочное обстоятельство, то, въ избѣжаніе труда рыться въ своей памяти, безсознательно утверждаетъ, то, что говоритъ слѣдователь въ вопросѣ; вотъ почему не могутъ быть допускаемы вопросы въ такой формѣ, на которые отвѣтомъ могло бы служить простое подтвержденіе вопроса. Не менѣе опасны вопросы изворотливые, уловляющіе: свойственное людямъ легкомысліе по чужому дѣлу, невѣжество однихъ, смущеніе другихъ въ присутствіи допрашивающаго слѣдователя служатъ достаточными причинами, почему свидѣтели даютъ отвѣты безъ внимательнаго соображенія вопроса, наперекоръ истинѣ, говорятъ то, что имъ неизвѣстно. Еще болѣе вреда могутъ сдѣлать лукавство, ухищреніе, поощряющее свидѣтеля къ показанію и состоящее, напримѣръ, въ увѣщаніи, что онъ не долженъ бояться послѣдствій своего показанія, что другіе свидѣтели подтверждаютъ обстоятельство, о которомъ онъ спрашивается, и что его показаніе не послужитъ во вредъ обвиняемому. Какъ допросъ обвиняемаго, такъ и допросъ свидѣтеля долженъ держаться прямаго пути, добросовѣстнаго направленія: можно напомнить его обязанность, но не позволительно добиваться исполненія ея посредствомъ уловокъ и коварства, увлекая его говорить болѣе

или иначе, чѣмъ онъ долженъ бы сказать, если бы достаточно вдумался въ вопросъ. Ложною дорогою, которою ведется допросъ свидѣтелей, объясняется нерѣдкое противорѣчіе ихъ показаній на судѣ съ показаніями, даннымп на предварительномъ слѣдствіи: на судѣ, въ отсутствіи допрашивавшаго ихъ слѣдователя имъ легко отречься отъ показаній легкомысленныхъ, добытыхъ ловкими вопросами. Такимъ образомъ недобросовѣстность въ сущности, не помагая дѣлу, вредитъ ему.

Вопросы должны быть выражаемы языкомъ доступнымъ для свидѣтеля, понятнымъ ему по степени его образованія, развитія. Поэтому относительно признаковъ, входящихъ въ составъ преступленія, обстоятельствъ, измѣняющихъ видъ и свойство преступленія, не должно спрашивать словами техническими, научными, юридическими, такъ на прим., взломъ, подобранный ключь, покушеніе и т. п. Само собою разумѣется, что вопросы не должны искуственно клониться въ одну сторону; они должны имѣть въ виду какъ обвиненіе, такъ и оправданіе обвиняемаго.

Свидѣтель долженъ быть спрошенъ не только объ обстоятельствахъ, касающихся его показанія, но и способѣ, которымъ они сдѣлались ему извѣстны: онъ долженъ объявить, что знаетъ и какъ узналъ то, о чемъ говоритъ. Способомъ познанія измѣряется достовѣрность показанія. Свидѣтели по слуху не имѣютъ никакой цѣны; такое показаніе сомнительно даже и въ томъ случаѣ, когда свидѣтель заявляетъ то, что слышалъ изъ устъ другаго лица, видѣвшаго объясняемое обстоятельство; въ послѣднемъ случаѣ показаніе даетъ только способъ добыть настоящаго свидѣтеля. Извѣстно, что событіе, переходя изъ устъ въ уста, преувеличивается, толкуется на чужой ладъ, теряетъ вѣроятность. Свидѣтельское показаніе внушаетъ довѣріе къ себѣ лишь на столько, на сколько оно опирается на личномъ наблюденіи самого свидѣтеля; существенное его условіе заключается именно въ изложеніи того, что видѣлъ или слышалъ свидѣтель собственными ушама, если дѣло идетъ о предметѣ, познаваемомъ посредствомъ слуха. Основаніе, по которому вѣрятъ свидѣтельскому показанію, заключается именно въ томъ, что каждый одаренный неповрежденными чувствами человѣкъ способенъ наблюдать предметы физическаго мірѣ, видѣть и слышать ясно, и захочетъ сказать правду, какъ видѣлъ и слышалъ, если не препятствуютъ тому какія-либо особенныя причины. Такъ глухой можетъ показать истину только о томъ, что онъ видѣлъ, но не о томъ, что слышалъ, слѣпой—что слышалъ, но не что видѣлъ. Если свидѣтель показываетъ несогласно съ своими чувствами, если говоритъ о такомъ обстоятельствѣ, которое онъ не могъ знать по природному своему недостатку или по отношенію ко времени, разстоя-

нію или по другой причинѣ; то слѣдователь долженъ подробно разспросить свидѣтеля, почему и какимъ образомъ узналъ онъ объ этомъ обстоятельствѣ, и, кромѣ занесенія въ протоколъ его объясненія, разслѣдовать правильность отзыва, если онъ сомнителенъ. Свидѣтели даютъ различныя показанія о степени вѣроятности сдѣлавшагося имъ извѣстнымъ: одни высказываютъ, что они дѣйствительно видѣли или слышали то, о чемъ говорятъ, другіе колеблются утверждать за достовѣрное то, что показываютъ, третьи заявляютъ, что имъ такъ кажется. Свидѣтель долженъ разъяснить причину его сомнѣнія, шаткаго показанія: какія обстоятельства препятствовали ему точно узнать, о чемъ показываетъ? Не замѣтилъ ли онъ только части, а говоритъ о цѣломъ по одному соображенію собственному, заключенію?

Если свидѣтель, въ подтвержденіе своего показанія представляетъ письмо, документъ или другое вещественное доказательство, то объ этомъ должно быть упомянуто въ протоколѣ допроса и если окажется нужнымъ, слѣдователь обязанъ произвести осмотръ его и приложить къ дѣлу. Находящіяся у самаго слѣдователя вещественныя доказательства должны быть предъявлены свидѣтелю и, сообразно съ обстоятельствами, истребованы отъ него объясненія. О предъявленіи вещественныхъ доказательствъ и объясненіи по этому поводу свидѣтеля должно быть занесено въ протоколъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ умолчаніе сочтется за упущеніе слѣдователя. При многочисленности вещественныхъ доказательствъ, описанныхъ и занесенныхъ въ протоколъ, нѣтъ надобности именовать ихъ порознь въ протоколѣ допроса, достаточно упомянуть, что свидѣтелю были предъявлены всѣ вещественныя доказательства, упомянутыя въ особомъ протоколѣ или въ описи, или что ему предъявлены всѣ вещественныя доказательства, находящіяся при дѣлѣ, и что онъ ихъ не призналъ или призналъ такіе-то предметы.

Въ случаѣ необходимости слѣдователь можетъ *передопросить* свидѣтеля, т. е. вновь вызвать, если его нѣтъ на лицо, и снова допросить (ст. 451). Это можетъ случиться тогда, когда новые свидѣтели, допрошенные послѣ него, укажутъ на извѣстныя ему обстоятельства, о которыхъ онъ умолчалъ при допросѣ, и необходимо его спросить. Въ виду передопроса свидѣтеля и очныхъ ставокъ, не слѣдуетъ отпускать домой допрошенныхъ свидѣтелей до конца допроса всѣхъ свидѣтелей, чтобы не подвергать ихъ новому вызову.

Законъ дозволяетъ очныя ставки свидѣтелямъ только въ томъ случаѣ, *когда отъ разъясненія противорѣчій въ ихъ показаніяхъ зависитъ дальнѣйшее направленіе слѣдствія* (ст. 452). Вообще очныя ставки, столь употребительныя въ нашей прежней слѣд-

ственной практикѣ, не одобряются потому, что они ставятъ свидѣтелей въ тупикъ, вынуждаютъ къ сглаживанію противорѣчія показаній, въ которомъ обвиняемый находитъ для себя защиту, насилуютъ свидѣтеля къ перемѣнѣ показаній; это одно изъ любимыхъ орудій слѣдственной системы, хотя, большею частью неудачное. Новый законъ смотритъ на него какъ на крайность, когда отъ разъясненія противорѣчій зависитъ дальнѣйшее направленіе слѣдствія. Очная ставка свидѣтеля съ обвиняемымъ, какъ нравственная пытка, не дозволяется уставомъ, тѣмъ болѣе, что самому обвиняемому предоставляется присутствовать при допросѣ свидѣтеля, давать объясненія по его показанію и предлагать ему чрезъ слѣдователя вопросы. Другое дѣло очной сводъ свидѣтеля съ обвиняемымъ съ цѣлью признанія въ немъ того человѣка, о которомъ онъ говоритъ: это дѣйствіе не есть очная ставка, а повѣрка правильности показанія свидѣтеля. Этотъ способъ доказательства, для своей убѣдительности, требуетъ показанія объ отличительныхъ признакахъ обвиняемаго, заключающихся въ его особыхъ чертахъ лица, походкѣ, голосѣ и т. п. Затѣмъ самое признаніе вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли, если оно состоитъ не въ отдѣльномъ предъявленіи свидѣтелю того самаго лица, о которомъ онъ говоритъ, а въ указаніи на это лицо въ числѣ другихъ; по отношенію къ арестованному обвиняемому этотъ обрядъ можетъ быть исполненъ въ тюрьмѣ, одновременнымъ приводомъ въ свидѣтелю нѣсколькихъ арестантовъ, одѣтыхъ въ одинаковое платье, между которыми находится и подлежащій признанію человѣкъ. При этомъ, чтобы не ошибиться свидѣтель долженъ внимательно всматриваться въ поставленныя предъ нимъ лица и вслушиваться въ ихъ отвѣты на вопросы слѣдователя, предлагаемые для указанія голоса, движенія мускуловъ и выраженія лицъ; все это и отзывъ свидѣтеля вносятся въ протоколъ.

Относительно изложенія показаній свидѣтелей въ *протоколѣ допроса*, законъ требуетъ того же порядка, какой установленъ имъ для показаній обвиняемыхъ (ст. 453, 408, 409). Но важное значеніе показанія свидѣтеля налагаетъ на слѣдователя особенныя требованія правильнаго, отчетливаго внесенія его въ протоколъ. При этомъ не нужно забывать, что свидѣтельскія показанія нерѣдко прочитываются въ судѣ, и что при отсутствіи свидѣтеля, иногда самаго важнаго, его показаніе на предварительномъ слѣдствіи рѣшаетъ судьбу обвиняемаго. Поэтому нельзя не признать, что письменное изложеніе свидѣтельскаго показанія составляетъ величайшую важность въ слѣдственной дѣятельности и такой трудъ слѣдователя, исполненіе котораго ставится въ уро-

вень съ производствомъ допроса: оба они требуютъ сосредоточеннаго вниманія, осторожности, навыка, опытности.

Протоколъ допроса долженъ быть полнымъ отраженіемъ изустнаго показанія, дословнымъ воспроизведеніемъ его. Необходимо, чтобы письменное изложеніе показанія выражало свойственный ему характеръ, удержало его языкъ, выразительные обороты рѣчи, хотя бы они были неправильны въ грамматическомъ отношеніи: нужно столь точное записываніе свидѣтельскаго показанія, чтобы въ немъ нисколько не измѣнился смыслъ словеснаго, чтобы обвиняемый нашелъ въ немъ надежное оправданіе, убѣжденіе въ дѣйствительности преступленія, въ которомъ обвиняется, чтобы оно могло служить основаніемъ судейскаго приговора; такъ какъ нельзя ручаться, что свидѣтель явится въ судъ и что его показаніе не будетъ прочитано по разнорѣчію съ даннымъ на судѣ. Отъ протокола допроса требуется не правильности и изящества слога, а истины, не очерка и извлеченія изустнаго показанія свидѣтели, а его самого во всей тождественности, со всѣми мелочными подробностями, противорѣчіями. До такой степени необходимо зеркальное отраженіе въ протоколѣ всего происходившаго во время допроса свидѣтеля, что нерѣдко нужно передать въ немъ не только цѣльный разсказъ свидѣтеля, но и его особыя внѣшнія выраженія, особенныя движенія, восклицанія, остановки, если ими объясняется свойство показанія. Нечего хлопотать о чистотѣ языка, пусть свидѣтель говоритъ и въ письменномъ показаніи, какъ онъ говоритъ въ словесномъ; пусть останется неизкалѣченною его живая рѣчь, это самый лучшій способъ понять его мысль; переводя ее на свой языкъ, можно исказить, измѣнить ея смыслъ. Особеннаго вниманія требуетъ вѣрность изложенія показанія малолѣтняго, простолюдина, не грамотнаго: безъ дословной вѣрности при чтеніи имъ показанія для нихъ трудно различить разницы записаннаго и сказаннаго, или того, что хотѣли сказать, тѣмъ болѣе, что они слишкомъ заняты заботою скорѣе выдти изъ слѣдственной камеры.

Къ сожалѣнію наша практика далеко отступаетъ отъ этихъ требованій. Отсюда слишкомъ частое разнорѣчіе показаній, данныхъ при слѣдствіи и на судѣ, нерѣдко самъ свидѣтель не узнаетъ показанія, которое признается его собственнымъ, отсюда сомнительность основаній обвиненія, защиты, затрудненія суда, колебаніе въ разрѣшеніи дѣла, въ постановленіи приговора; отсюда тягостная, несовмѣстная съ изустнымъ характеромъ судебнаго слѣдствія частая необходимость чтенія письменнаго показанія свидѣтеля, по поводу разнорѣчія; отсюда сглаживаніе личнаго характера въ показаніи свидѣтелей до того однообразія, при которомъ они одинаково говорятъ, не смотря на различіе

возраста, общественнаго положенія, умственнаго развитія; отсюда безжизненность слѣдственныхъ протоколовъ, насквозь пропитанныхъ мертвымъ, оффиціальнымъ слогомъ. Отступленія отъ означенныхъ требованій происходятъ не только отъ небрежности, отъ спѣшности производства, но и отъ затрудненія сладить съ положеніемъ слѣдователя, нужнымъ для правильнаго внесенія въ протоколъ показанія свидѣтеля, и отъ неумѣнья слѣдить и записывать буквальное содержаніе его.

Правдивое внесеніе въ протоколъ показанія свидѣтеля требуетъ со стороны слѣдователя безпристрастія, отсутствія всякаго увлеченія собственнымъ мнѣніемъ. Онъ долженъ употребить всѣ усилія, чтобы отрѣшиться отъ личнаго взгляда на вину или невинность обвиняемаго, на истину или ложность того или другаго обстоятельства до записки показанія въ протоколѣ. Составь онъ опредѣленное мнѣніе—и оно невольно проскользнетъ въ протоколъ допроса, задняя мысль опередитъ слова свидѣтеля, подчинитъ ихъ своему толкованію, подложитъ подъ нихъ свою собственную подкладку, измѣритъ на свой аршинъ волненіе и голосъ его, станетъ искать всюду подтвержденія себѣ, не замѣтитъ или отброситъ не подлежащее къ нему. Безстрастная терпимость всего высказаннаго свидѣтелемъ и руководимая только одною правдою передача его показанія на бумагу возможны только при условіи безпристрастія, свойственнаго судьѣ. Вотъ одна изъ причинъ, неотступно домогающихся обличенія слѣдователя судейскимъ безпристрастіемъ, поставленія его служебными условіями въ такое положеніе.

Кромѣ того необходимо отложить всякую торопливость въ допросѣ и въ составленіи протокола о немъ, нужно вооружиться терпѣливымъ вниманіемъ, пріобрѣсти навыкъ записывать показанія свидѣтеля, безъ пропуска и повторенія имъ даннаго уже показанія, такъ какъ при повтореніи разсказъ становится механическимъ дѣйствіемъ, утрачиваетъ свою выразительность и цѣльность. Для аккуратнаго списыванія первоначальнаго показанія нуженъ навыкъ сокращенія въ письмѣ, нѣкоторые стенографическіе пріемы; написанное на-черно показаніе можетъ быть переписано.

Впрочемъ вышеизложенныя требованія не должны быть доводимы до крайности, протоколъ не есть стенографическая передача показанія, хотя и близокъ къ ней. Необходимо охранить смыслъ и отличительныя выраженія, какъ существенной части его содержанія, такъ и подробностей; но нѣтъ надобности оставлять неправильный оборотъ рѣчи, если отъ него не зависитъ особый смыслъ, сила выраженія, въ случаѣ сомнѣнія лучше удержать, чѣмъ отбросить ихъ. Слова иностранныя мѣстнаго нарѣ-

чія, техническія, иносказательныя, неприличныя должны быть оставлены безъ измѣненія, но съ объясненіемъ ихъ значенія въ скобкахъ, если это нужно по непонятности выраженія (ст. 409). Но въ случаѣ необходимости толкованія слова или оборота рѣчи, оно должно быть изложено въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ и объясняетъ ихъ самъ свидѣтель, а не слѣдователь.

Говоря о содержаніи протокола допроса свидѣтеля, законъ предписываетъ, чтобы въ немъ были означены: 1) лица, допрошенныя, съ объясненіемъ по отношенію къ каждому свидѣтелю, далъ ли онъ показаніе безъ присяги или подъ присягою, а также и находившіяся при допросѣ въ качествѣ сторонъ (въ заглавіи); 2) отвѣты допрошенныхъ лицъ и 3) замѣчанія обвиняемаго или возраженія его при допросѣ свидѣтелей (ст. 469, 453).

Грамотнымъ предоставляется самимъ вписывать въ протоколъ отвѣты, данные ими на словахъ (ст. 408). Законъ не обязываетъ, но даетъ лишь право грамотному свидѣтелю записывать свое показаніе въ протоколъ; это возможно лишь въ томъ случаѣ, когда свидѣтель на столько грамотенъ, что можетъ правильно записать свою мысль; малограмотному, который растянетъ записываніе своего показанія на продолжительное, можетъ быть отказано въ этомъ правѣ, но съ оговоркою о томъ въ протоколѣ. Внесеніе въ протоколъ показанія самимъ свидѣтелемъ допускается лишь послѣ словеснаго отвѣта, иначе показаніе было бы придуманнымъ, уклончивымъ. Если свидѣтель станетъ вписывать въ протоколъ не то, что говорилъ на словахъ, будетъ переиначивать сказанное, то слѣдователь можетъ лишить его права личной записки въ протоколъ показанія, съ объясненіемъ въ немъ о томъ.

Показанія свидѣтеля записываются въ *первомъ лицѣ* (ст. 409). Этою формою выражается тождественность письменнаго показанія съ словеснымъ: свидѣтель и въ протоколѣ самъ отъ себя говоритъ. Въ этой формѣ онъ можетъ скорѣе узнать, что его и не его; онъ можетъ думать, что отвѣчаетъ только за то, что написано отъ его имени. Законъ велитъ, чтобы показанія свидѣтеля записывались *собственными его словами, безъ всякихъ измѣненій, пропусковъ и прибавленій* (тамъ же). Это подтверждаетъ не только высказанныя выше требованія относительно внесенія въ протоколъ свидѣтельскаго показанія, но и выражаетъ другое требованіе, чтобы показаніе записывалось непремѣнно со словъ свидѣтеля, въ его присутствіи, чтобы онъ самъ видѣлъ и удостовѣрился въ правильности записки. По этому было бы ни съ чѣмъ несообразно оставлять черновое показаніе, чтобы потомъ переписать его въ отсутствіи неграмотнаго свидѣтеля. Изложенный законъ налагаетъ еще одно требованіе: показаніе каждаго

свидѣтеля должно быть записано въ протоколѣ цѣликомъ, безъ всякаго пропуска и ссылки на другихъ свидѣтелей или другіе протоколы. Поэтому явнымъ отступленіемъ отъ закона оказывается введенное обычаемъ, а не закономъ, сокращеніе въ протоколѣ допроса нѣсколькихъ свидѣтелей, заключающееся въ выраженіи: „такой-то показалъ согласно съ 1-мъ или такимъ-то.“ Это объясненіе не имѣетъ никакого значенія въ смыслѣ доказательства, такъ какъ оно не есть показаніе свидѣтеля, а содержитъ въ себѣ лишь заключеніе самого слѣдователя. Кромѣ самого показанія въ протоколѣ могутъ быть указаны и предложенные свидѣтелю вопросы, рядомъ съ отвѣтами на нихъ даже отрицательными, если вопросы имѣютъ особенно важное значеніе или прямо относятся къ обстоятельствамъ, въ подтвержденіе которыхъ сдѣлана ссылка на свидѣтеля.

Протоколъ допроса прочитывается всѣмъ участвовавшимъ въ немъ лицамъ, т.-е. какъ свидѣтелю, такъ и сторонамъ (ст. 471). Чтеніемъ свидѣтель удостовѣряется, такъ ли записано его показаніе, какъ оно изложено имъ словесно, составляетъ ли оно полное выраженіе его мыслей и можетъ ли онъ утвердить это своею подписью, чтобы потомъ не отвѣчать безвинно за лжесвидѣтельство. Поэтому показаніе должно быть прочтено свидѣтелю такъ внятно, чтобы онъ понялъ; а по прочтеніи слѣдуетъ спросить свидѣтеля, особенно малограмотнаго, понялъ ли онъ прочитанное и подтверждаетъ ли письменное показаніе, и не желаетъ ли онъ что-нибудь измѣнить или дополнить прочитанное. Эти предосторожности важны въ томъ отношеніи, что ими повѣряется правильность протокола, за которую рѣдко можно поручиться при бѣгломъ разсказѣ свидѣтеля, а еще болѣе важны онѣ при допросѣ свидѣтелей, которые по низкому умственному развитію не понимаютъ всего значенія свидѣтельскаго показанія и легко могутъ отступиться отъ своихъ словъ. Поэтому объ утвержденіи свидѣтелемъ прочитаннаго, какъ и о самомъ чтеніи, должно быть записано въ протоколъ. Если свидѣтель считаетъ нужнымъ дополнить прочитанное, то это дополненіе вписывается за прочитаннымъ показаніемъ. Если свидѣтель измѣняетъ прочитанное, то въ протоколѣ дѣлаются согласныя съ измѣненіемъ поправки тѣхъ словъ и выраженій, которыя невѣрно записаны въ протоколъ; но если они были записаны со словъ свидѣтеля, то требуемое измѣненіе должно быть объяснено имъ. Во избѣжаніе напраснаго труда въ измѣненіи многихъ словъ и выраженій протокола удобнѣе написать его сначала вчернѣ, а по прочтеніи и исправленіи переписать на бѣло.

По прочтеніи протокола, онъ подписывается свидѣтелемъ и всѣми участвовавшими въ допросѣ лицами, за неграмотныхъ под-

писываютъ тѣ, которымъ они довѣрятъ подписать за себя. Если кто-либо *не захочетъ* или *не можетъ* подписать, то причина того записывается въ протоколъ (ст. 470—471). Законъ не обязываетъ искать лица, которое могло бы подписаться за неграмотнаго и не вынуждаетъ къ подписи, а только требуетъ, чтобы изъ протокола было видно, почему неподписанъ протоколъ, какимъ лицомъ: потому ли что оно не могло подписать ни само, ни по довѣрію другому, или потому, что не хотѣло подписать и если не хотѣло, то какая причина отказа. Свидѣтель можетъ заявить, что въ протоколъ внесено его показаніе невѣрно и что подписать его въ такомъ видѣ не хотѣлъ; подобное заявленіе требуетъ объясненія со стороны слѣдователя и подтвержденія неправильности такого отзыва.

А. Квачевскій.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ЮРИДИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

въ 1869 году.

Московское Юридическое Общество имѣетъ честь довести до свѣдѣнія публики, что въ книжныхъ магазинахъ, И. Г. Соловьева (въ Москвѣ, на Страстномъ бульварѣ) и М. П. Анисимова (въ С.-Петербургѣ, подлѣ публичной библіотеки), принимается подписка на издаваемый Обществомъ журналъ *Юридическій Вѣстникъ*, который для бо́льшаго удобства какъ редакціи, такъ и подпищиковъ этого журнала, выходитъ не съ 1-го іюля 1868 года, а съ 1-го января 1869 года. Лица, уже подписавшіяся на *Юридическій Вѣстникъ* въ періодъ времени отъ 1-го іюля 1868 г. до выхода настоящей публикаціи, получатъ первую книжку *Юридическаго Вѣстника*, вмѣстѣ съ прочими подпищиками, въ теченіи января мѣсяца.

Юридическій Вѣстникъ попрежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками, объемомъ не менѣе пяти печатныхъ листовъ, распадаясь на слѣдующіе отдѣлы:

I. Статьи и изслѣдованія по вопросамъ, относящимся къ разнымъ частямъ права, преимущественно же гражданскаго и уголовнаго, въ томъ числѣ и судопроизводства. Сюда будутъ относиться какъ оригинальныя, такъ и переводныя статьи.

II. Судебная практика, въ которой будутъ помѣщаться важнѣйшія судебныя рѣшенія съ критическими замѣчаніями или разборомъ.

III. Критика и библіографія замѣчательнѣйшихъ юридическихъ сочиненій, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

IV. Разныя извѣстія.—Замѣтки.—Корреспонденція *Юридическаго Вѣстника*.

СОЧИНЕНІЕ А. КВАЧЕВСКАГО.

Объ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи преступленій по судебнымъ уставамъ 1864 г. Теоретическое и практическое руководство. Часть I. Объ уголовномъ преслѣдованіи и искѣ о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступленія; цѣна 1 руб. 85 коп. Часть II. О дознаніи и розыскѣ; цѣна 2 рубля.

Обѣ части продаются въ С.-Петербургѣ у Сущинскаго по Могилевской улицѣ домъ № 7, въ книжномъ магазинѣ Анисимова рядомъ съ Публичной Библіотекой, въ Москвѣ у Анисимова на Никольской и у другихъ книгопродавцевъ; въ Острогожскѣ (Воронеж. губ.) у Квачевскаго.

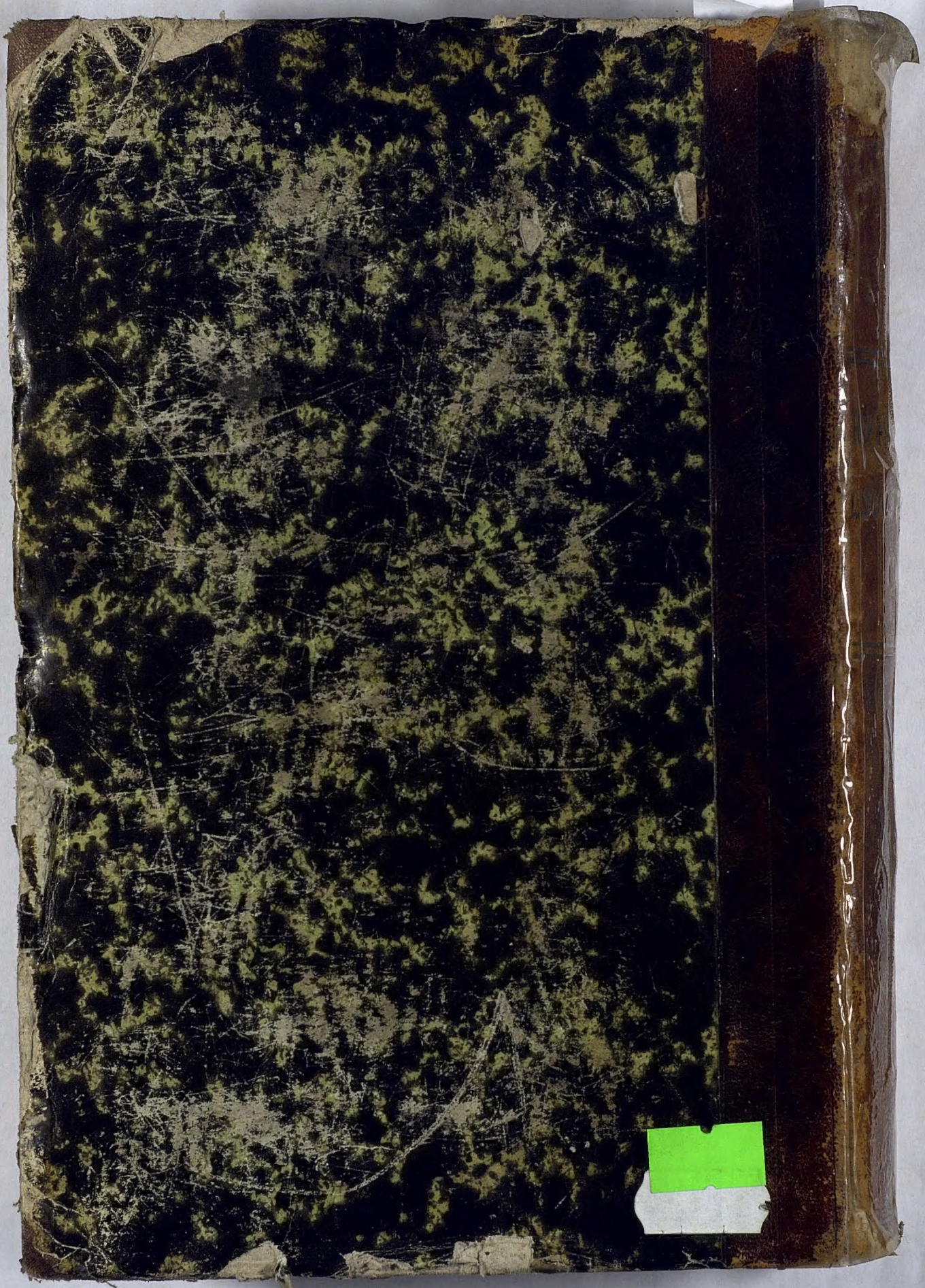
Часть III. *О предварительномъ слѣдствіи*, выйдетъ въ непродолжительномъ времени.

Юридическій Вѣстникъ выходитъ ежемѣсячно книжками объемомъ не менѣе пяти печатныхъ листовъ. Подписная цѣна *пять* рублей за двѣнадцать книжекъ; за пересылку прибавляется *одинъ* рубль.

Подписка на 1869 годъ (съ января) принимается: въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, и въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова, подлѣ Публичной Библіотеки.

Статьи, высылаемыя для напечатанія въ **Юридическомъ Вѣстникѣ**, должны быть отправляемы на имя Московскаго Юридическаго Общества или прямо на имя С. С. Шайкевича на Поварскую улицу въ Ржевскій переулокъ въ домъ Заикина.

Редакторы: **Н. Калачовъ.**
С. Шайкевичъ.

3р –

00083624
ЮФ СПбГУ